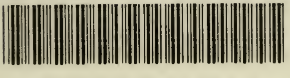
PG 3337
.K6

1859

LIBRARY OF CONGRESS
0000281108A

THE LIBRARY OF CONGRESS

C382
148

СТИХОТВОРЕНІЯ

КОЛЬЦОВА.

Kol'tsov, A. V. (Aleksei Vasil'evich)

СТИХОТВОРЕНІЯ

КОЛЬЦОВА.

СЪ СТАТЬЕЮ О ЕГО ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ, ПИСАННОЮ

В. БѢЛИНСКИМЪ.

Третье изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Цѣна 50 коп. сер.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Грачева и К°.

1859.

PG 3337
.K6
1859

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 28 дня 1859 года.

Ценсоръ *Д. Наумовъ.*

88-179840
08-30-88
EP62

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ
КОЛЬЦОВА.

Издавая въ свѣтъ полное собраніе стихотвореній покойнаго Кольцова, мы, прежде всего, думаемъ выполнить долгъ справедливости въ отношеніи къ поэту, до сихъ поръ еще не понятому и не оцѣненному надлежащимъ образомъ. Конечно нельзя сказать, чтобы Кольцовъ не обратилъ на себя общаго вниманія еще при первомъ появленіи своемъ на литературное поприще; но это вниманіе относилось не столько къ поэту съ сильнымъ самобытнымъ талантомъ, сколько къ любопытному феномену. Большею частію, въ немъ видѣли русскаго мужичка, который, едва зная грамотѣ, самъ собою открылъ и развилъ въ себѣ способность писать стишки, и притомъ недурные. Всѣ поняли, что, по таланту, Кольцовъ выше Слѣпушкина, Суханова, Алипанова; но не многіе поняли, что у него рѣшительно не было ничего общаго съ этими поэтами-самоучками, какъ ихъ тогда величали. Впрочемъ, это естественно, и тутъ некого винить. Для вѣрной оцѣнки всякаго поэта нужно время, и не разъ случалось, что даже великіе геніи въ области искусства были признаваемы только потомствомъ. Теперь этого уже не бываетъ, потому-что теперь пустому, но блестящему таланту легче попасть въ геніи, нежели генію не быть признаннымъ; но и теперь это признаніе цѣлою массою общества то же тре-

буетъ времени и обходится не безъ борьбы. То же самое можно отнести ко всякому замѣчательному таланту, выходящему изъ подъ уровня обыкновенности.

Кромѣ этого обстоятельства, Кольцовъ явился въ то время русской литературы, когда она, такъ сказать, кипѣла новыми талантами въ новыхъ родахъ. Едва замолкли поэты, вышедшіе по слѣдамъ Пушкина, какъ начали появляться романисты, нувеллисты, а потомъ поэты стихотворцы, рѣзко отличавшіеся отъ прежнихъ своимъ направленіемъ и колоритомъ. Въ литературѣ молодой и не установившейся, новость возбуждаетъ такое же вниманіе какъ и геніяльность, и часто считается за одно съ нею, хотя и не надолго. Среди всѣхъ этихъ новостей, самъ Кольцовъ возбудилъ собою вниманіе, какъ новость, появившаяся подъ именемъ поэта-прасола. Будь онъ не мѣщанинъ, почти безграмотный, не прасолъ — его стихоторенія, можетъ-быть, едва ли были бы тогда замѣчены. Первыя стихотворенія Кольцова печатались изрѣдка въ разныхъ мало-извѣстныхъ изданіяхъ. Публика узнала о немъ только въ 1835 году, когда, въ Москвѣ, вышла книжка его стихотвореній, въ числѣ восьмнадцати піесъ, изъ которыхъ едва ли половина носила на себѣ отпечатокъ его самобытнаго таланта, потому-что пора настоящаго творчества и полнаго развитія таланта Кольцова настала только съ 1836 года. Однако же вниманіе какое обратили на Кольцова многіе литераторы и, между ними, Жуковскій и самъ Пушкинъ, отозвалось и въ публикѣ. Книжка имѣла успѣхъ, и имя Кольцова пріобрѣло общую извѣстность. Съ 1836 года, онъ постоянно печаталъ свои стихотворенія въ журналахъ: Современникѣ, Телескопѣ, Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, Сынѣ Отечества (1838), Московскомъ Наблюдателѣ (1838 — 1839), а потомъ большею частію въ Отечественныхъ Запискахъ, и въ альманахахъ: Утренняя Заря и Сборникъ. Когда даже и большія сочиненія, повѣсти и драмы,

разбросаны такимъ образомъ по разнымъ изданіямъ, и тогда публикѣ неудобно составить себѣ о ихъ авторѣ опредѣленное понятіе: тѣмъ болѣе это относится къ автору мелкихъ стихотвореній, которыя, въ продолженіи почти восьми лѣтъ, печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Появляется въ журналѣ новое стихотвореніе даровитаго поэта, производитъ свой эффектъ—и, какъ все въ мірѣ, мало-по-малу забывается. Иной читатель и хотѣлъ бы вновь перечесть его, но для этого надо отыскивать стихотвореніе въ кучѣ журналовъ; а притомъ, не всякій помнитъ, гдѣ именно помѣщено оно, и не всякій имѣетъ возможность доставать старые журналы. Такимъ образомъ, общій колоритъ и характеръ произведеній поэта ускользаетъ отъ читателей. Отъ времени до времени, поэтъ производитъ на нихъ впечатлѣніе то тѣмъ, то другимъ своимъ стихотвореніемъ, но не общностію, не цѣлостію своей поэзіи, которая, если онъ поэтъ съ большимъ дарованіемъ, должна представлять собою особый, самобытный и оригинальный міръ дѣйствительности.

Прежде, нежели приступимъ мы къ разсмотрѣнію произведеній Кольцова, считаемъ нужнымъ коснуться нѣкоторыхъ подробностей его жизни. Жизнь Кольцова не богата, или, лучше сказать, вовсе бѣдна внѣшними событіями; но тѣмъ богатѣе исторія его внутренняго развитія и тяжелой борьбы между его призваніемъ и его суровою судьбою.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ, въ 1809 году, октября 2-го. Отецъ его, воронежскій мѣщанинъ, былъ человѣкъ не богатый, но достаточный, промышлявшій стадами барановъ для доставки матеріяла на салотопенные заводы. Одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія. Воспитаніе его предоставлено было природѣ, какъ это бываетъ и не въ одномъ этомъ сословіи. Само-собою разумѣется, что съ раннихъ лѣтъ,

онъ не могъ набраться не только какихъ-нибудь нравственныхъ правилъ, или усвоить себѣ хорошія привычки, но и не могъ обогатиться никакими хорошими впечатлѣніями, которыя для юной души важнѣе всякихъ внушеній и толкованій. Онъ видѣлъ вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную торговлю съ ея продѣлками, слышалъ грубыя и не всегда пристойныя рѣчи даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее. По счастію, къ благодатной натурѣ Кольцова не приставала грязь, среди которой онъ родился и на лонѣ которой былъ воспитанъ. Съ дѣтства, онъ жилъ въ своемъ особенномъ мірѣ, — и ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты, производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней жизни. Предоставленный самому-себѣ, безъ всякаго присмотра, Кольцовъ, подобно всѣмъ дѣтямъ, любившій бродить босикомъ по травѣ и по лужамъ, чуть было не лишился на всю жизнь употребленія ногъ, и долго былъ боленъ, такъ-что хотя его въ послѣдствіи и вылечили, однако онъ всегда чувствовалъ отзывы этой болѣзни. Только необыкновенно крѣпкое сложеніе могло спасти его отъ калѣчества или и самой смерти, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ его жизни. Такъ, напримѣръ, будучи уже старше шестнадцати лѣтъ, онъ, на всемъ скаку, упалъ съ лошади, черезъ ея голову, и такъ сильно ударился тыломъ о землю, что на всю жизнь остался сутуловатымъ. Но несмотря на все это, онъ всегда былъ здоровъ и крѣпокъ.

На десятомъ году, Кольцова начали учить грамотѣ, подъ руководствомъ одного изъ воронежскихъ семинаристовъ. Такъ какъ грамота ребенку далась, и онъ скоро ей выучился, его отдали въ воронежское уѣздное училище, изъ котораго онъ былъ взятъ, пробывши около четырехъ мѣсяцевъ во второмъ классѣ: такъ-какъ онъ умѣлъ уже читать и писать, то отецъ его и за-

ключилъ, что больше ему ничего не нужно знать, и что воспитаніе его кончено. Не знаемъ, какимъ образомъ былъ онъ переведенъ во второй классъ, и вообще чему онъ научился въ этомъ училищѣ, потому что какъ ни коротко мы знали Кольцова лично, но не замѣтили въ немъ никакихъ признаковъ элементарнаго образованія. Мало того: изъ примѣра Кольцова, мы больше всего убѣдились въ важности элементарнаго образованія, которое можно получить въ уѣздномъ училищѣ. При всѣхъ его удивительныхъ способностяхъ, при всемъ его глубокомъ умѣ, подобно всѣмъ самоучкамъ, образовавшимся урывками, почти тайкомъ отъ родительской власти, Кольцовъ всегда чувствовалъ, что его интеллектуальному существованію недостаетъ твердой почвы, и что, вслѣдствіе этого, ему часто достается съ трудомъ то, что легко усвоивается людьми очень недалекими, но воспользовавшимися благодѣяніями первоначальнаго обученія. Такъ, напримѣръ, онъ очень любилъ исторію, но многое въ ней было для него странно и дико, особенно все, что относилось до древняго міра, съ которымъ необходимо сблизиться въ дѣтствѣ, чтобы понимать его. Для всякаго, кто въ уѣздномъ училищѣ прошелъ хоть Кайданова исторію, незамѣтно дѣлаются какъ будто родственными имена героевъ древности. Древняя жизнь и древній бытъ такъ не похожи на нашу жизнь и нашъ бытъ, что только черезъ науку, въ лѣта дѣтства, можемъ мы освоиваться съ ними и *привыкать* находить ихъ возможными и естественными. Вслѣдствіе этого же недостатка въ элементерномъ образованіи, Кольцовъ, при всей глубокости и гибкости своего эстетическаго вкуса, не могъ понимать Иліады, хотя и не разъ принимался читать ее въ переводѣ Гнѣдича, между тѣмъ, какъ Шекспиръ восхищалъ его даже въ посредственныхъ и плохихъ переводахъ, и онъ съ жадостію собиралъ, читалъ и перечитывалъ ихъ. Что онъ не много вынесъ изъ училища, хотя и пробылъ четыре мѣсяца даже во второмъ классѣ — это всего яснѣе видно изъ того,

что онъ не имѣлъ почти никакого понятія о грамматикѣ и писалъ вовсе безъ орѳографіи.

Несмотря на то, съ училища началось для Кольцова пробужденіе его интеллектуальной жизни: онъ началъ пристращаться къ чтенію. Получаемыя отъ отца деньги на игрушки, онъ употреблялъ на покупку сказокъ, и Бова Королевичъ съ Ерусланомъ Лазаревичемъ составляли его любимѣйшее чтеніе. На Руси, не одна, одаренная богатою фантазіею, натура, подобно Кольцову, начала съ этихъ сказокъ свое литературное образованіе. Охота къ сказкамъ всегда есть вѣрный признакъ въ ребенкѣ присутствія фантазіи и наклонности къ поэзіи, — и переходъ отъ сказокъ къ романамъ и стихамъ очень естественъ: тѣ и другіе даютъ пищу фантазіи и чувству, съ той только разницею, что сказки удовлетворяютъ дѣтскую фантазію, а романы и стихи составляютъ потребность, уже болѣе развившейся и болѣе подружившейся съ разумомъ фантазіи. Но вотъ особенная черта, обнаружившая въ Кольцовѣ не только пассивную и воспринимающую, но и дѣятельную фантазію: читая сказки, онъ почувствовалъ охоту составлять самому что-нибудь въ ихъ родѣ. Но такъ какъ тогда онъ еще не имѣлъ привычки повѣрять бумагѣ все, что ни приходило ему въ голову, то его неясныя самому ему авторскія порыванія и остались въ однѣхъ мечтахъ.

Десятилѣтній Кольцовъ взятъ былъ изъ училища отцомъ своимъ для того, чтобы помогать ему въ торговлѣ. Онъ бралъ его съ собою въ степи, гдѣ, въ продолженіе всего лѣта, бродилъ его скотъ; а зимою посылалъ его съ прикащиками на базары для закупки и продажи товара. Итакъ, съ десятилѣтняго возраста, Кольцовъ окунулся въ омутъ довольно грязной дѣйствительности; но онъ какъ будто и не замѣтилъ ея: его юной душѣ полюбилось широкое раздолье степи. Не будучи еще въ состояніи понять и оцѣнить торговой дѣятельности, кипѣвшей на этой степи — онъ тѣмъ лучше понялъ и оцѣнилъ степь, и полюбилъ

ее страстно и восторженно, полюбилъ ее какъ друга, какъ любовницу.

Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!
Ахъ, ты степь моя,
Степь привольная,
Широко ты степь,
Пораскинулась,
Къ Морю-черному
Понадвинулась!

Многія піесы Кольцова отзываются впечатлѣніями, которыми подарила его степь: Косарь, Могила, Путникъ, Ночлегъ Чумаковъ, Цвѣтокъ, Пора любви и другія. Почти во всѣхъ его стихотвореніяхъ, въ которыхъ степь даже и не играетъ никакой роли, есть что-то степное, широкое, размашистое и въ колоритѣ и въ тонѣ. Читая ихъ, невольно вспоминаешь, что ихъ авторъ—сынъ степи, что степь воспитала его и взлелѣяла. И потому, ремесло прасола не только не было ему непріятно, но еще и нравилось ему: оно познакомило его съ степью и давало ему возможность цѣлое лѣто не разставаться съ нею. Онъ любилъ вечерній огонь, на которомъ варилась степная каша; любилъ ночлеги подъ чистымъ небомъ, на зеленой травѣ; любилъ иногда цѣлые дни не слѣзать съ коня, перегоняя стада съ одного мѣста на другое. Правда, эта поэтическая жизнь была не безъ неудобствъ и не безъ неудовольствій, очень прозаическихъ. Случалось цѣлые дни и недѣли проводить въ грязи, слякоти, на холодномъ осеннемъ вѣтру, засыпать на голой землѣ подъ шумъ дождя, подъ защитою войлока, или овчиннаго тулупа. Но привольное раздолье степи, въ ясные и жаркіе дни весны и лѣта, вознаграждало его за всѣ лишенія и тягости осени и бурной погоды.

Разставаясь съ степью, Кольцовъ только мѣнялъ одно наслажденіе на другое: въ городѣ его ожидали сказки и товарищи. Симпатичная натура его рано открылась для любви и дружбы. Бывши еще въ училищѣ, онъ сблизился съ мальчикомъ, ровесникомъ ему по лѣтамъ, сыномъ богатаго купца. Стихотвореніе: «Ровестнику», написано Кольцовымъ, кажется, этому первому другу его юности. Сблизила его съ нимъ страсть къ чтенію, которая въ обоихъ ихъ была сильна. У отца пріятеля Кольцова было много книгъ, и друзья пользовались ими свободно, вмѣстѣ читая ихъ въ саду. Кольцовъ даже бралъ ихъ и на домъ. Правда, эти книги были не что-нибудь дѣльное, а романы Дюкре-дю-Мениля, Августа Лафонтена и подобныхъ имъ; но если для впечатлительной, одаренной сильною фантазіею натуры, и сказки о Бовѣ и Еруланѣ могли служить нравственнымъ будильникомъ— то естественно, что эти романы еще болѣе не могли не быть ей полезными. Больше всего полюбились Кольцову изъ этихъ книгъ «Тысяча и одна ночь» и «Кадмъ и Гармонія» Хераскова, особенно первая. И не мудрено: арабскія сказки созданы для того, чтобы плѣнять и очаровывать впечатлительное воображеніе дѣтей и младенчествующихъ народовъ. Тогда русскія простонародныя сказки потеряли для Кольцова всю свою цѣну: это былъ съ его стороны первый шагъ впередъ на пути развитія. Ему уже не хотѣлось сочинять сказокъ: романы овладѣли всѣмъ существомъ его и, разумѣется, у него родилось желаніе самому произвести что-нибудь въ этомъ родѣ; но это желаніе опять осталось при одной мечтѣ.

Такимъ образомъ, между степью съ баранами, и чтеніемъ съ пріятелемъ, провелъ Кольцовъ три года. Въ это время, ему суждено было въ первый разъ узнать несчастіе: онъ лишился своего друга, умершаго отъ болѣзни. Горесть Кольцова была глубока и сильна; но онъ не могъ не утѣшиться скоро, потому что былъ еще слишкомъ молодъ, и въ немъ было слишкомъ мно-

го жизни, стремленія и отзыва на призывы бытія. Чтеніе сдѣлалось его прибѣжищемъ отъ горести и утѣшеніемъ въ ней. Послѣ его пріятеля ему осталось нѣсколько десятковъ книгъ, которыя онъ перечитывалъ на свободѣ и въ городѣ и въ степи. До сихъ поръ, онъ не читалъ стиховъ и не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Вдругъ нечаянно покупаетъ онъ на рынкѣ, за сходную цѣну, сочиненія Дмитріева. Въ восторгѣ отъ своей покупки, бѣжитъ онъ съ нею въ садъ, и начинаетъ *пѣть* стихи Дмитріева. Ему казалось, что стихи нельзя читать, но должно ихъ пѣть: такъ заключалъ онъ по пѣснямъ, между которыми и стихами не могъ тотчасъ же не замѣтить близкаго сходства. Гармонія стиха и рифмы полюбилась Кольцову, хотя онъ и не понималъ, что такое стихъ и въ чемъ состоитъ его отличіе отъ прозы. Многія піесы онъ заучилъ наизустъ, и особенно понравился ему «Ермакъ». Тогда пробудилась въ немъ сильная охота самому слагать такія же звучныя строфы съ рифмами; но у него не было ни матеріяла для содержанія, ни умѣнія для формы. Однакожь, матеріялъ вскорѣ ему представился, и онъ по своему воспользовался имъ для перваго опыта въ стихахъ. Тогда ему было 16 лѣтъ. Одному изъ его пріятелей приснился странный сонъ, повторившійся три ночи сряду. Въ молодыя лѣта, всякій сколько-нибудь странный или необыкновенный сонъ имѣетъ для насъ таинственное и пророческое значеніе. Пріятель Кольцова былъ сильно пораженъ своимъ сномъ и разсказалъ его Кольцову, чѣмъ и произвелъ на него такое глубокое впечатлѣніе, что тотъ сейчасъ же рѣшился описать его стихами. Оставшись одинъ, Кольцовъ засѣлъ за дѣло, не имѣя никакого понятія о размѣрѣ и версификаціи; выбралъ одну піесу Дмитріева и началъ подражать ея стиху. Первые стиховъ десятокъ достались ему съ большимъ трудомъ, остальные пошли легче, и въ ночь готова была пречудовищная піеса, подъ названіемъ «Три Видѣнія», которую онъ потомъ истребилъ, какъ слишкомъ нелѣпый опытъ. Но какъ ни

плохъ былъ этотъ опытъ, однакожь онъ навсегда рѣшилъ поэтическое призваніе Кольцова: послѣ него, онъ почувствовалъ рѣшительную страсть къ стихотворству. Ему хотѣлось и читать чужіе стихи и писать свои, такъ что съ этихъ поръ онъ уже неохотно читалъ прозу, и сталъ покупать только книги, писанныя стихами. Такъ-какъ въ Воронежѣ и тогда существовала небольшая книжная лавка, то на деньги, которыя иногда давалъ ему отецъ, Кольцовъ скоро пріобрѣлъ себѣ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича. Онъ продолжалъ писать, стараясь подражать этимъ поэтамъ въ механизмѣ стиха; но вотъ горе: ему не кому было показывать своихъ опытовъ, не съ кѣмъ было совѣтоватся на ихъ счетъ, а между тѣмъ, совѣтникъ ему былъ необходимъ, — и онъ рѣшился обратиться за совѣтами къ воронежскому книгопродавцу, наивно предполагая, что кто торгуетъ книгами, тотъ знаетъ и толкъ въ книжномъ дѣлѣ, и принесъ ему «Три Видѣнія» и другія свои піесы. Книгопродавецъ былъ человѣкъ необразованный, но не глупый и добрый; онъ сказалъ Кольцову, что его стихи кажутся ему дурными, хоть онъ и не можетъ ему объяснить, почему именно; но что если онъ хочетъ научиться писать хорошо стихи, то вотъ поможетъ ему книжка: «Русская Просодія, изданная для воспитанниковъ благороднаго университетскаго пансіона». Видно, какой-то инстинктъ сказалъ этому книгопродавцу, что онъ видитъ передъ собою человѣка не совсѣмъ обыкновеннаго, и видно, его тронуло страстное юношеское стремленіе Кольцова къ стихотворству: онъ подарилъ ему «Русскую Просодію», и предложилъ ему безденежно давать книги для прочтенія. Нечего и говорить о радости Кольцова: онъ пріобрѣлъ книгу, которая должна посвятить его въ таинства стихотворства и дать ему возможность самому сдѣлаться поэтомъ, и сверхъ того, у него очутилась подъ руками цѣлая библіотека! Это было для него счастіемъ, блаженствомъ! Онъ избавился отъ необходимости перечитывать однѣ и тѣ же

книги; цѣлый новый міръ открылся передъ нимъ, и онъ бросился въ него со всѣмъ жаромъ, со всею жадностью нестерпимаго голода, и безъ разбору пожиралъ чтеніемъ и хорошее и дурное. Книги, которыя ему особенно нравились, онъ, по прочтеніи, покупалъ, и его небольшая библіотека скоро обогатилась сочиненіями Жуковскаго, Пушкина, Дельвига.

Такимъ образомъ, въ раздольѣ этого чтенія и въ попыткахъ на стихотворство прошло пять лѣтъ. Кольцовъ достигъ семнадцатилѣтняго возраста, и тогда съ нимъ совершилось событіе, имѣвшее могущественное вліяніе на всю жизнь его. Мы уже говорили, что Кольцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ страстныхъ организацій, которыя рано открываются для всѣхъ симпатій сердца, для любви и дружбы въ особенности. До сихъ поръ это были чувства и привязанности хотя жаркія, но дѣтскія: теперь настала пора чувствъ и привязнностей другаго рода. Въ семейство Кольцова вошла молодая дѣвушка, въ качествѣ служанки. Несмотря на низкое званіе. она получила отъ природы все, чѣмъ можно было потрясти въ основаніи такую сильную и поэтическую натуру, какова была натура Кольцова. И его чувство не осталось безъ отвѣта. Не знаемъ, долго ли продолжалась эта связь; но знаемъ, что она не была шалостью, или легкимъ безотчетнымъ чувствомъ, впервые пробудившеюся потребностію молодой кипящей крови. Нѣтъ, это была страсть глубокая и сильная, вліяніе которой Кольцовъ чувствовалъ всю жизнь свою. Онъ не только любилъ, онъ уважалъ, свято чтилъ предметъ своей любви, въ которомъ нашелъ свой осуществленный идеалъ женщины, еще не мечтая объ идеалахъ и не ища ихъ. Но эта связь, составлявшая жизнь и блаженство молодаго поэта, не нравилась другимъ. Надо было разорвать ее во чтобы ни стало. Для этого воспользовались отсутствіемъ Кольцова въ степь, — и когда онъ воротился домой, то уже не засталъ *ея* тамъ... Это несчастіе такъ же-

стоко поразило его, что онъ схватилъ сильную горячку. Оправившись отъ болѣзни и призанявши у родныхъ и знакомыхъ деньжонокъ, онъ бросился, какъ безумный, въ степи развѣдывать о несчастной. Сколько могъ, далеко ѣздилъ самъ, еще дальше посылалъ преданныхъ ему за деньги людей. Не знаемъ, долго ли продолжались эти розыски; только результатомъ ихъ было извѣстіе, что несчастная жертва разсчета, попавшись въ донскія степи, въ казачью станицу, скоро зачахла и умерла въ тоскѣ разлуки и въ мукахъ жестокаго обращенія...

Эти подробности мы слышали отъ самого Кольцова, въ 1838 году. Несмотря на то, что онъ вспоминалъ горе, постигшее его назадъ тому болѣе десяти лѣтъ, лице его было блѣдно, слова съ трудомъ и медленно выходили изъ его устъ, и, говоря, онъ смотрѣлъ въ сторону и внизъ... Только одинъ разъ говорилъ онъ съ нами объ этомъ, и мы никогда не рѣшались болѣе разспрашивать его объ этой исторіи, чтобъ узнать ее во всей подробности; это значило бы раскрывать рану сердца, которая и безъ того никогда вполнѣ не закрывалась...

Эта любовь, и въ ея счастливую пору и въ годину ея несчастія, сильно подѣйствовала на развитіе поэтическаго таланта Кольцова. Онъ какъ будто вдругъ почувствовалъ себя уже не стихотворцемъ, одолѣваемымъ охотою слагать размѣренныя строчки съ риѳмами, безъ всякаго содержанія, но поэтомъ, стихъ котораго сдѣлался отзывомъ на призывы жизни, грудь котораго носила въ себѣ богатое содержаніе для поэтическихъ изліяній. Піесы: Если встрѣчусь съ тобой, Первая любовь, Къ Ней (Опять тоску, опять любовь), Ты не пой, соловей, Не шуми ты, рожь, Къ Милой, Примиреніе, Міръ Музыки и нѣкоторыя другія явно относятся къ этой любви, которая всю жизнь не переставала вдохновлять Кольцова. Натура Кольцова была крѣпка и здорова физически и нравственно. Какъ ни жестокъ былъ ударъ, поразившій его въ самое сердце,

но онъ вынесъ его, не закрылъ глазъ своихъ на природу и жизнь, не оглохъ къ ихъ обаятельнымъ призывамъ, не ушелъ внутрь себя, не забился въ какія-нибудь сладковатыя утѣшенія, какъ это дѣлаютъ послѣ несчастія нравственно слабыя натуры. Нѣтъ, онъ взялъ свое горе съ собою, бодро и мощно понесъ его по пути жизни, какъ дорогую, хотя и тяжкую ношу, не отказываваясь въ то же время отъ жизни и ея радостей. Въ своемъ поэтическомъ призваніи, увидѣлъ онъ вознагражденіе, за тяжкое горе своей жизни, и весь погрузился въ море поэзіи, читая и перечитывая любимыхъ поэтовъ и, по ихъ слѣдамъ, пробуя самъ извлекать изъ своей души поэтическіе звуки, которыми она была переполнена. Къ тому же, онъ ужь не имѣлъ больше надобности носить свои стихотворенія на судъ къ книгопродавцу, потому что нашелъ себѣ совѣтника и руководителя, какого давно желалъ и въ какомъ давно нуждался. И когда постигла его утрата любви, у него, какъ бы въ вознагражденіе за нее, остался другъ. Это былъ человѣкъ замѣчательный, одаренный отъ природы счастливыми способностями и прекраснымъ сердцемъ. Натура сильная и широкая, Серебрянскій рано почувствовалъ отвращеніе къ схоластикѣ, рано понялъ, что судьба назначила ему благородное призваніе, и, руководимый инстинктомъ, онъ самъ себѣ создалъ образованіе, котораго нельзя получить въ семинаріи. Въ его натурѣ и самой судьбѣ было много общаго съ Кольцовымъ, и ихъ знакомство скоро превратилось въ дружбу. Дружескія бесѣды съ Серебрянскимъ были для Кольцова истинною школою развитія во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ эстетическомъ. Для своихъ поэтическихъ опытовъ, Кольцовъ нашелъ себѣ въ Серебрянскомъ судью строгаго, безпристрастнаго, со вкусомъ и тактомъ, знающаго дѣло. Въ посланіи къ нему (написанномъ неизвѣстно въ которомъ году — должно быть между 1827 и 1830), Кольцовъ говоритъ:

Вотъ мой досугъ: въ немъ умъ твой строгій
Найдетъ ошибокъ слишкомъ много;
Здѣсь каждый стихъ — чай грѣшный бредъ.
Что жь дѣлать! Я такой поэтъ,
Что на Руси смѣшнѣе нѣтъ.
Но не щади ты недостатки,
Замѣть, что требуетъ поправки.

Это посланіе вполнѣ обнаруживаетъ взаимныя отношенія обоихъ друзей и какъ важенъ былъ Серебрянскій для развитія таланта Кольцова. Въ самомъ дѣлѣ, только съ тѣхъ поръ, какъ онъ сошелся съ Серебрянскимъ, и прежнія его стихотворенія, и вновь написанныя, достигли той степени удовлетворительности, что стали годиться для печати. Одни изъ нихъ онъ поправлялъ по совѣту Серебрянскаго, а насчетъ удававшихся съ разу былъ спокоенъ, опираясь на его одобреніе. Но не долго пользо.ался Кольцовъ совѣтами своего друга. Серебрянскому надо было избрать себѣ дорогу, и не столько по влеченію, сколько по разсчету; поприще врача онъ предпочелъ другимъ, чтобы не отчаяваться въ будущемъ, по крайней мѣрѣ въ кускѣ хлѣба, и поступилъ въ Московскую медико-хирургическую академію.

Какъ бы то ни было, но поэтическое призваніе Кольцова было рѣшено и сознано имъ самимъ. Непосредственное стремленіе его натуры преодолѣло всѣ препятствія. Это былъ поэтъ по призванію, по натурѣ, и препятствія могли не охладить, а только дать его поэтическому стремленію еще большую энергію. Прасолъ, верхомъ на лошади гоняющій скотъ съ одного поля на другое, по колѣни въ крови, присутствующій при рѣзаніи, или, лучше сказать, при бойнѣ скота; прикащикъ, стоящій на базарѣ у возовъ съ саломъ, — и мечтающій о любви, о дружбѣ, о внутреннихъ поэтическихъ движеніяхъ души, о природѣ, о судьбѣ человѣка, о тайнахъ жизни и смерти, мучимый и скорбями растерзаннаго сердца и умственными сомнѣ-

ніями, и въ то же время, дѣятельный членъ дѣйствительности, среди которой поставленъ, смышленый и бойкій русскій торговецъ, который продаетъ, покупаетъ, бранится и дружится Богъ знаетъ съ кѣмъ, торгуется изъ копейки и пускаетъ въ ходъ всѣ пружины мелкаго торгашества, которыхъ внутренно отвращается какъ мерзости: какая картина, какая судьба, какой человѣкъ!... Между людьми ему близкими, онъ встрѣчаетъ не ласку, не привѣтъ, а грубое невѣжество, которое никакъ не можетъ простить ему того, что онъ хочетъ быть человѣкомъ. Но у него есть книги,

Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня! —

и онъ закрываетъ глаза на грязную дѣйствительность, не замѣчаетъ презрѣнія, не видитъ ненависти. Презрѣніе, ненависть!... За что же?... Кому онъ сдѣлалъ зло, кого обидѣлъ? Не жертвуетъ ли онъ лучшими своими чувствами, благороднѣйшими своими стремленіями этой грязной и сальной дѣйствительности? Но, увы! удивляться этому презрѣнію и этой ненависти безъ причины, значитъ незнать людей. Сойдитесь съ пьяницей, сами оставаясь трезвымъ человѣкомъ: онъ не взлюбитъ васъ. Неряха никогда не проститъ вамъ опрятности, низкопоклонникъ — благородной гордости, негодяй — честности. Но еще болѣе невѣжество не проститъ вамъ ума и стремленія къ образованности. И какъ простить? Не желая оскорблять его, будучи съ нимъ ласковы и обязательны, вы все-таки унижаете его вашимъ достоинствомъ, вы — живой упрекъ ему! И если это невѣжество — пожилой, почтенный человѣкъ, ничего не умѣющій дѣлать, а вы юноша, который и въ житейскихъ дѣлахъ превосходитъ его способностію и сообраafеніемъ, тогда онъ лютый, непримиримый врагъ вашъ. Онъ воспользуется вашими услугами, выжметъ васъ насухо, какъ апельсинъ, а потомъ растопчетъ ногами и выброситъ за окно, видя, что вы уже больше не нужны ему....

Слухъ о самородномъ талантѣ Кольцова дошелъ до одного молодаго человѣка, одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ тѣснаго кружка близкихъ къ нимъ людей. Это былъ Станкевичъ, сынъ воронежскаго помѣщика, бывшій въ то время въ московскомъ университетѣ и пріѣзжавшій на каникулы въ свою деревню, а оттуда иногда и въ Воронежъ. Станкевичъ познакомился съ Кольцовымъ, прочелъ его опыты и одобрилъ ихъ. Въ 1831 году, Кольцовъ, по дѣламъ отца своего, пріѣхалъ въ Москву и, черезъ Станкевича, пріобрѣлъ тамъ нѣсколько новыхъ знакомствъ, въ послѣдствіи довольно важныхъ для него. Въ это время двѣ или три піески его были напечатаны съ его именемъ въ одномъ, впрочемъ, довольно плохомъ московскомъ журнальцѣ. Для Кольцова, еще не смѣвшаго вѣрить въ свой талантъ, это было лестно и пріятно. Въ послѣдствіи, Станкевичъ предложилъ ему на свой счетъ издать его стихотворенія. Это намѣреніе было выполнено въ 1835 году. Изъ довольно увѣсистой и толстой тетради, Станкевичъ выбралъ 18 піесъ, показавшихся ему лучшими, и напечаталъ ихъ въ маленькой опрятной книжкѣ, которая доставила Кольцову большую извѣстность въ литературномъ мірѣ. Правда, тутъ больше всего дѣйствовало волшебное слово поэтъ-самоучка, поэтъ-прасолъ, — и будь эти 18 стихотвореній изданы какъ произведенія человѣка хотя бы и крестьянскаго званія по рожденію, но кончившаго курсъ въ университетѣ и уже служившаго чиновникомъ въ департаментѣ—на нихъ не обратили бы такого вниманія. Но надо и то сказать, что въ этой книжкѣ видно было больше обѣщаніе въ будущемъ сильнаго таланта, нежели сильный талантъ въ настоящемъ.

1836 годъ былъ эпохою въ жизни Кольцова. По дѣламъ отца своего, онъ долженъ былъ побывать въ Москвѣ и Петер-

бургѣ и пробыть довольно долгое время въ обѣихъ столицахъ. Въ Москвѣ онъ коротко сблизился съ однимъ молодымъ литераторомъ, съ которымъ познакомился еще въ первый пріѣздъ свой въ Москву. Новый пріятель познакомилъ его со многими московскими литераторами. Эти знакомства обогатили его книгами, потому что почти каждый литераторъ спѣшилъ дарить его своими сочиненіями и изданіями. Такимъ образомъ, библіотека его въ короткое время значительно умножилась. Что же касается до чести знакомства со всѣми литературными знаменитостями, большими и малыми, — то нельзя сказать, чтобы Кольцовъ добивался ея, или слишкомъ дорожилъ ею. Съ одной стороны, онъ былъ скроменъ и робокъ, а съ другой — въ немъ сильно было чувство своего человѣческаго достоинства, и потому онъ не любилъ быть на выставкѣ. По чувству деликатности и благодарности, онъ позволялъ принимавшимъ въ немъ участіе людямъ развозить его по литературнымъ знаменитостямъ; но игралъ тутъ болѣе пассивную, нежели дѣятельную роль. Онъ никакъ не могъ убѣдиться, чтобы онъ, по своимъ достоинствамъ, имѣлъ право на вниманіе чуждыхъ ему людей. Представляться кому бы то ни было въ качествѣ таланта, или литературной рѣдкости, ему было и неловко и больно. Притомъ же, Кольцовъ былъ очень проницателенъ и имѣлъ много такту: онъ очень хорошо понималъ и видѣлъ, что одни принимали его какъ диковинку, смотрѣли на него, какъ смотрятъ на заморскаго звѣря, на великана, на карлика; что другіе, снисходя до равенства въ обращеніи съ нимъ, были въ восторгѣ отъ своей просвѣщенной готовности уважать талантъ даже и въ мѣщанинѣ; и что только слишкомъ немногіе протягивали ему руку съ участіемъ и искренностію. Нѣкоторые смотрѣли на него съ чувствомъ своего достоинства и говорили съ нимъ тономъ покровительства; а нѣкоторые только изъ вѣжливости не оборачивались къ нему спиною. Все это онъ очень хорошо видѣлъ и

понималъ. Одинъ знаменитый московскій литераторъ обошелся съ нимъ очень сухо, хотя и вѣжливо; потомъ, встрѣтившись съ молодымъ литераторомъ, который представлялъ ему Кольцова, началъ надъ нимъ подшучивать: «Что-де вы нашли въ этихъ стишонкахъ, какой тутъ талантъ? Да это просто ваша мистификація, вы сами сочинили эту книжку ради шутки». Другой, то же очень извѣстный литераторъ, не нашелъ ничего поэтическаго въ наружности, манерахъ и словахъ Кольцова, а напротивъ, увидѣлъ въ немъ очень положительнаго человѣка, изъ чего и заключилъ, что у него не можетъ быть таланта... Это послѣднее заключеніе особенно замѣчательно: такъ судитъ толпа о поэтѣ! Не находя въ себѣ довольно способности, чтобъ изъ сочиненій поэта удостовѣриться въ его талантѣ, она требуетъ отъ него, чтобъ онъ показывался передъ нею не иначе, какъ въ поэтическомъ мундирѣ, т. е. съ кудрями до плечъ, съ вдохновеннымъ взоромъ, съ восторженною рѣчью, съ поэтическимъ опьянѣніемъ или безуміемъ въ манерахъ и движеніяхъ Тогда ей легко признать его поэтомъ. Но, увы! Кольцовъ нисколько не подходилъ подъ этотъ идеалъ поэта: онъ былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ хорошо зналъ жизнь и людей, чтобы играть глупенькую и пошленькую роль энтузіаста. Онъ не любилъ обращать на себя вниманіе, и думалъ, что въ обществѣ особенно должно держать себя прилично, быть просто человѣкомъ, какъ всѣ, а не геніемъ, не поэтомъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ глупцовъ, которые думаютъ, что если имъ удалось скропать порядочную статейку, повѣстцу, или десятокъ стихотвореній, то всѣ должны почитать за счастіе видѣть ихъ, и что кому они протянули свою руку, тотъ долженъ быть безъ ума отъ радости. Кольцовъ не былъ скоръ ни на знакомства, ни на дружбу. Когда онъ видѣлъ съ чьей-нибудь стороны слишкомъ много ласки къ нему, это пугало его и заставляло быть осторожнымъ. Онъ никакъ не могъ думать,

чтобы въ немъ было что-нибудь особенное, за что нельзя было не любить его. «Что̀ я ему? что̀ такое во мнѣ?» говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ. Но когда онъ сходился съ человѣкомъ, когда увѣрялся, что тотъ не изъ прихоти, а дѣйствительно расположенъ къ нему, и что онъ самъ можетъ платить ему тѣмъ же, — тогда раскрывалъ онъ свою душу, и на его преданность можно было положиться, какъ на каменную гору. Онъ умѣлъ любить, глубоко чувствовалъ потребность дружбы и любви, и, какъ немногіе, былъ способенъ къ нимъ, но не любилъ шутить ими...

Однакожь, знакомства съ литературными знаменитостями были для него не безъ пріятности. Когда онъ освобождался отъ замѣшательства перваго представленія и сколько-нибудь освоивался съ новымъ лицемъ, оно интересовало его. Говоря мало, глядя немножко исподлобья, онъ все замѣчалъ, и едва ли что ускользало отъ его проницательности, — что было ему тѣмъ легче, что каждый готовъ былъ видѣтъ въ немъ скорѣе замѣшательство и нелюдимость, нежели проницательность. Ему любопытно было видѣть себя въ кругу тѣхъ умныхъ людей, которые издалека казались ему существами высшаго рода; ему интересно было слышать ихъ умныя рѣчи. Много ли наслушался онъ ихъ, объ этомъ мы кое-что слышали отъ него въ послѣдствіи...

Въ Петербургѣ, Кольцовъ познакомился съ княземъ Одоевскимъ, съ Пушкинымъ, Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ, былъ хорошо ими принятъ и обласканъ. Съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ онъ всегда о радушномъ и тепломъ пріемѣ, который оказалъ ему тотъ, кого онъ съ трепетомъ готовился увидѣть, какъ божество какое-нибудь — Пушкинъ. Почти со слезами на глазахъ разсказывалъ намъ Кольцовъ объ этой торжественной въ его жизни минутѣ. Кто познакомился въ Петербургѣ съ первыми литературными знаменитостями, тому ниче-

го не стоитъ перезнакомиться съ второстепенными. Сперва онъ и здѣсь больше все молчалъ и наблюдалъ, но потомъ, смекнувъ дѣломъ, давалъ волю своей ироніи ... О, какъ бы удивились многіе изъ фельетонныхъ и стихотворныхъ рыцарей, еслибы могли догадаться, что этотъ мужичокъ, котораго они думали импонировать своею литературною важностію, видитъ ихъ насквозь и умѣетъ настоящимъ образомъ цѣнить ихъ таланты, образованность и ученость...

Въ 1838 году, Кольцовъ опять былъ по дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ этотъ разъ онъ особенно долго жилъ въ Москвѣ, и до отъѣзда въ Петербургъ, и по возвращеніи изъ него, и жизнь въ Москвѣ тогда особенно полюбилась ему. Постоянно пріятное расположеніе духа было причиною, что онъ написалъ въ это время много хорошаго. Возвращеніе домой было для него довольно грустно. Онъ вдругъ почувствовалъ, что есть другой міръ, который ближе къ нему и сильнѣе манитъ его къ себѣ, нежели міръ воронежской и степной жизни. Имъ овладѣло чувство одиночества, которое преодолѣвалось въ немъ только любовію къ природѣ и чтеніемъ. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ къ одному изъ своихъ московскихъ пріятелей: «Въ «Воронежъ я пріѣхалъ хорошо; но въ Воронежѣ жить мнѣ «противу прежняго вдвое хуже; скучно, грустно, бездомно въ «немъ. И все какъ-то кажется то же, а не то. Дѣла ком«мерціи безъ меня разстроились порядочно, новыхъ непрія«тностей куча; что день — то горе, что шагъ — то напасть. «Но, слава Богу, какъ-то я всѣ ихъ переношу теперь терпѣли«во, и онѣ сдѣлались для меня будто предметами посторонними «и до меня почти не касающимися. На душѣ тепло, покойно. «Хорошее лѣто, славная погода, синее небо, свѣтлый день, ве«черняя тишь—все прекрасно, чудесно, очаровательно,—и я «жизнію живу и тону всею душою въ удовольствіяхъ нашего лѣ«та. Благодарю васъ, благодарю вмѣстѣ и всѣхъ вашихъ друзей.

«Вы и они много для меня сдѣлали, о, слишкомъ много, много!
«Эти послѣдніе два мѣсяца стоили для меня пяти лѣтъ воронежской жизни. Я теперь гляжу на себя, и не узнаю. Словесностью занимаюсь мало, читаю немного — некогда, въ головѣ «дрянь такая набита, что хочется плюнуть; матеріялизмъ дрянной, гадкій, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый. Плавай, голубчикъ, на всякой водѣ, гдѣ велятъ дѣла житейскія; ныряй и въ «тинѣ, когда надобно нырять; гнись въ дугу и стой прямо въ одно «время. И я все это дѣлаю теперь даже съ охотою. Новаго не «написалъ ничего — некогда. Воронежъ принялъ меня противу «прежняго въ десять разъ радушнѣе; я благодаренъ ему. До «меня люди выдумали, будто я въ Москвѣ женился; будто въ «Питеръ уѣхалъ навсегда жить; будто меня оставили въ Питерѣ стихи писать. И всѣ встрѣчаются со мной, и такъ любопытно глядятъ, какъ на заморскую чучелу. Я сгоряча немного посердился на нихъ за это; но подумалъ, и вышло, что «я былъ глупъ. На людей сердиться нельзя, и требовать строго отъ нихъ нельзя; кривое дерево не разогнешь прямо, а въ «лѣсу больше криваго и суковатаго, чѣмъ ровнаго. Люди правы: они судятъ по своему. Спасибо и за это, и мнѣ они нравятся въ этихъ странностяхъ. Старикъ отецъ со мною хорошъ; «любитъ меня болѣе за то, что дѣло хорошо кончилось; онъ «всегда такія вещи очень любитъ. Степь опять очаровала «меня; я, чортъ знаетъ, до какого забвенія любовался ею. Какъ «она хороша показалась, и я съ восторгомъ пѣлъ: Пора Любви — она къ ней идетъ. Только это чувство было другаго «совсѣмъ рода; послѣ мнѣ стало на ней скучно. Она хороша «на минуту, и то не одному, а самъ-другъ, и то не надолго. «Къ ней пріѣхалъ погостить — и въ городъ, въ столицу, въ «кипятокъ жизни, въ борьбу страстей! А то она сама-по-себѣ «слишкомъ однообразна и молчалива. Серебрянскій доѣхалъ до «двора, но очень боленъ; кажется, проживетъ не болѣе мѣся-

«цовъ двухъ, а можетъ я ошибаюсь. Съ моими знакомыми расхожусь по-маленьку, наскучили мнѣ ихъ разговоры пошлые. «Я хотѣлъ съ пріѣзда увѣрить ихъ, что они криво смотрятъ «на вещи, ошибочно понимаютъ: толковалъ такъ и такъ. Они «надо мной смѣются, думаютъ, что я несу имъ вздоръ. Я «повернулъ себя отъ нихъ на другую дорогу; хотѣлъ ихъ научить — да ба! — и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ «слушаю, думая самъ-про-себя о другомъ; всѣхъ ихъ хвалю «во всю мочь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые «чиновники, образцовые купцы, образцовые книгопродавцы; и «они стали мной довольны; и я самъ-про-себя смѣюсь надъ «ними отъ души. Такимъ образомъ, все идетъ ладно; а то что «въ самомъ дѣлѣ изъ ничего наживать себѣ дураковъ-враговъ. «Ужь видно, какъ кого Господь умудрилъ, такъ онъ съ своею «мудростью и умретъ».

Въ этомъ письмѣ весь Кольцовъ. Такъ писалъ онъ всегда, и почти такъ говорилъ. Рѣчь его была всегда нѣсколько вычурна, языка не отличался опредѣленностію, но за то поражалъ какою-то наивностію и оригинальностью. Тогдашнее состояніе души его выражено въ этомъ письмѣ вѣрнѣе, нежели какъ, можетъ-быть, думалъ онъ самъ. Глазамъ его открылся другой міръ; воронежская жизнь сдѣлалась скучна; только прекрасная пора лѣта составляла всю его отраду; онъ любилъ еще степь, но уже не такъ какъ прежде: въ первый разъ понялъ онъ, что она однообразна, что на ней весело быть на минуту, и то не одному...

Итакъ, кончилась эпоха непосредственной жизни. Прошедшее спало съ цѣны, настоящее стало грустно, и взоры невольно начали обращаться на будущее. Прежнія знакомства, дотолѣ сносныя и, можетъ-быть, даже пріятныя, сдѣлались невыносимы, и тѣ же люди явились въ другомъ свѣтѣ. Все

родное Кольцова было уже не въ опустѣломъ для него Воронежѣ, а въ Москвѣ, и туда стремились всѣ думы его. Въ семействѣ своемъ, онъ горячо любилъ младшую сестру, и между ними существовала самая тѣсная дружба. Кольцовъ видѣлъ въ сестрѣ много хорошаго, уважалъ за вкусъ и часто совѣтовался съ нею насчетъ своихъ стихотвореній, словомъ, дѣлился съ нею своею внутреннею жизнію. Вѣря въ ея къ нему задушевное расположеніе, онъ дѣлалъ для нея все, что могъ. Настойчивостію, просьбами, лестью, всякими хитростями, онъ склонилъ своего отца купить ей фортепіано и нанять учителя музыки и французскаго языка. Новыя связи и отношенія, новый міръ, открывшійся ему, не ослабилъ этой дружбы, хотя одной ея ему было уже мало, и сердце его рвалось вдаль. Натура Кольцова была не только сильна, но и нѣжна; онъ не вдругъ привязывался къ людямъ, сходился съ ними недовѣрчиво, сближался медленно; но когда уже отдавался имъ, то отдавался весь. Это имѣло для него гибельныя слѣдствія въ отношеніи къ нѣкоторымъ привязанностямъ: предательство, вѣроломство, низкія интриги особы, которой онъ былъ преданъ безусловно и которая казалась ему также преданною, были для него страшнымъ ударомъ. Онъ все на свѣтѣ могъ перенести, кромѣ этого, и кошачья лапка имѣла силу ранить его сильнѣе львиной лапы. Горячо любилъ онъ также своего маленькаго брата, но тотъ давно умеръ, къ его крайнему прискорбію. Счастливое окончаніе нѣкоторыхъ важныхъ для благосостоянія семейства дѣлъ и лестное вниманіе В. А. Жуковскаго къ Кольцову,—вниманіе, которому свидѣтелемъ былъ весь Воронежъ въ 1837 году, способствовали возвышенію его въ глазахъ согражданъ. Онъ былъ необходимъ для отца: на немъ лежали всѣ торговыя дѣла, на него переведены были всѣ долги, всѣ векселя и обязательства; на его дѣятельности, его умѣніи и ловкости вести дѣла лежала участь цѣлаго дома, который былъ въ такомъ положе-

ніи, что еще нѣсколько счастливо преодолѣнныхъ препятствій — и его благосостояніе совершенно упрочивалось.

Еслябы Кольцовъ принялся за дѣла, будучи лѣтъ 18 ти, не раньше, навѣрное можно сказать, что онъ съ ними никакъ бы не освоился, и его поэтическая натура съ ужасомъ и омерзѣніемъ отворотилась бы отъ этой грязной дѣйствительности. Но онъ понемногу и незамѣтно для самого-себя освоился съ ними съ дѣтства; эта дѣйствительность украдкою подошла къ нему и овладѣла имъ прежде, нежели онъ былъ въ состояніи увидѣть ея безобразіе. Самъ не зная какъ, втянулся онъ въ дѣла мелкаго торгашества, тѣмъ легче, что они не отнимали же у него вовсе возможности предаваться чтенію, мечтамъ, природѣ и поэзіи. Онъ же такъ полюбилъ степь! На ней началось его изученіе дѣйствительности и людей, и борьба съ ними: здѣсь была его школа жизни. Тутъ случались съ нимъ обстоятельства не только непріятныя, даже страшныя. Разъ, въ степи, одинъ изъ работниковъ за что-то такъ озлобился на него, что рѣшился его зарѣзать. Намекнули ли объ этомъ Кольцову со стороны, или онъ самъ догадался; но медлить было нельзя, а обыкновенными средствами защищаться невозможно. Надобно было рѣшиться на траги-комедію, и Кольцова достало на нее. Будто ничего не подозрѣвая и не замѣчая, онъ сталъ съ мужикомъ необыкновенно любезенъ, досталъ вина, пилъ съ нимъ и братался. Этимъ опасность была отстранена, потому что русскаго мужика сивухою такъ же можно и отвести отъ убійства, какъ и навести на него. Только по возвращеніи въ Воронежъ, Кольцовъ снялъ съ себя маску передъ отчаяннымъ удальцомъ, требовавшимъ разсчета. При этомъ разсчетѣ, продолжавшемся очень долго, злодѣй имѣлъ причину и время раскаяться въ своемъ умыслѣ, а можетъ-быть, и въ томъ, что не удалось ему его выполнить... Вотъ міръ, въ которомъ жилъ Кольцовъ, вотъ борьба, которую онъ велъ съ дѣйстви-

тельностію!... Не съ одними волками, которые стаями слѣдили за стадами барановъ, приходилось ему вести ожесточенную войну...

Около этого времени, т. е. послѣдней поѣздки его въ Москву, къ прочимъ хлопотамъ Кольцова присоединилась еще постройка новаго дома, который, по величинѣ своей, долженъ былъ давать около семи тысячь ассигнаціями ежегоднаго доходу. Къ несчастію, не одинъ онъ былъ наслѣдникомъ этого дома — обстоятельство, которое въ послѣдствіи дорого ему стоило. Всѣ эти дѣла онъ велъ и ладилъ, и чрезъ два года довелъ на свою погибель до желаннаго конца... Но въ это время они начали тяготить его, и въ немъ все больше и больше усиливалось отвращеніе къ нимъ. Это не было слѣдствіемъ пошлаго идеальничанья, которое любитъ одни облака и не любитъ земли; нѣтъ, тутъ былъ другой, благороднѣйшій источникъ. Кольцовъ полагалъ большое различіе между купцомъ-капиталистомъ, которому не только необходимо, даже выгодно быть честнымъ, потому что честность даетъ кредитъ, а безъ кредита большая торговля невозможна, — и между мелкимъ торговцемъ, котораго положеніе всегда скользко, ненадежно, неопредѣленно, который всегда принужденъ вертѣться ужомъ и жабою, кланяться, подличать, божиться, натягивать всѣми правдами и неправдами... Кольцовъ не боялся дѣла, но не любилъ низости и грязи. Волею и неволею, былъ онъ съ дѣтства завербованъ въ эту грязную дѣятельность; запряженный разъ, терпѣливо тащилъ свою ношу въ надеждѣ будущихъ благъ; но по временамъ эта ноша доводила его до отчаянія. Съ послѣдней поѣздки въ Москву, эти минуты унынія, апатіи и тоски стали являться чаще. Одна надежда облегчала ихъ. По отстройкѣ дома, онъ думалъ сдать отцу приведенныя имъ въ порядокъ дѣла по степи, а самому заняться присмотромъ за домомъ и открыть въ немъ книжную лавку. Это значило бы

для него примирить потребности своей натуры съ внѣшнею дѣйствительностію. Но при всемъ своемъ знаніи жизни и людей, Кольцовъ жестоко обманывался въ своей надеждѣ... Но пока надо было жить, какъ судьба хотѣла. Слѣдующія строки изъ письма его къ одному изъ знакомыхъ ему петербургскихъ литераторовъ, писанныя еще въ 1836 году, представляютъ яркую картину его занятій: «Батинька два мѣсяца въ Москвѣ, «продаетъ быковъ; дома я одинъ, дѣлъ много. Покупаю сви- «ней, становлю на винный заводъ на барду; въ рощѣ рублю «дрова; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ села; «дома по дѣламъ хлопочу съ зари до полночи». Но тогда онъ не жаловался, а черезъ два года писалъ въ Москву къ пріятелю: «Писать къ вамъ хочется, а ничего нейдетъ изъ головы. «Плоха что-то моя голова сдѣлалась въ Воронежѣ, одурѣла «вовсе, и самъ не знаю отчего — не то отъ этихъ дѣлъ тор- «говыхъ, не то отъ перемѣны жизни. Я было такъ привыкъ «быть у васъ и съ вами, такъ забылся для всего другаго; а «тутъ вдругъ все надобно позабыть, дѣлать другое, думать о «другомъ—вѣдь и дѣла торговыя то же сами не дѣлаются, то же «кой-о-чемъ надобно подумать. Такъ одряхлѣлъ, такъ отяже- «лѣлъ: право, боюсь, чтобъ мнѣ не сдѣлаться вовсе человѣ- «комъ матеріяльнымъ. Боже избави! ужь это будетъ весьма «рано; не хотѣлось бы это слышать отъ самого себя. Что-то «скажетъ осень. Кажется, у ней будетъ для меня больше сво- «боднаго времени — посмотримъ. Стройка дома безъ меня и «дѣла торговыя у отца шли дурно. Теперь, слава Богу, плы- «ветъ ровнѣе. Съ отцомъ живемъ хорошо, ладно». — Мѣсяца черезъ два онъ писалъ къ тому же лицу: «Хотѣлось бы писать «къ вамъ совсѣмъ не такъ, какъ пишу теперь; но что жь при- «кажете дѣлать, когда дѣла дьявольски работаютъ со мною. «Бойка скота, стройка дома, туда, сюда — ажъ на душѣ то- «митъ, такъ хорошо мнѣ жить! — Серебрянскій умеръ. Да,

«лишился я человѣка, котораго любилъ столько лѣтъ душою «и котораго потерю горько оплакиваю. Много желаній не сбы- «лося, много надеждъ не исполнилось — проклятая болѣзнь! «Прекрасный міръ прекрасной души, не высказавшись, со- «крылся навсегда. Да, внѣшнія обстоятельства могутъ пода- «вить и великую душу человѣка, если они безпрерывно тяго- «тятъ ее, и когда противу нихъ защиты нѣтъ. На плодотвор- «ной почвѣ земли хорошо удобритъ человѣкъ свою ниву, посѣ- «етъ хлѣбъ; но не сберетъ плода, если лѣто вызжетъ корень, «роса зари ему не помочь—ей нуженъ въ пору дождь. А этой- «то земной благодати и капли не сошло на его жизнь; нужда и «горе сокрушили тѣло страдальца. Грустно думать: былъ нѣ- «когда, недавно даже, милый человѣкъ — и нѣтъ его, и не «увидишь никогда, и все кругомъ тебя молчитъ, и самый зовъ «свиданія мретъ безотвѣтно въ безчувственной дали». Инте- ресны и слѣдующія строки изъ одного письма Кольцова, какъ живое свидѣтельство того, что значили для этой симпатиче- ской натуры дружескія связи и отношенія: «Не было еще му- «чительнѣе въ жизни моей состоянія, какъ въ прошломъ годѣ. «Плохое, мучительное дѣло, больной Серебрянскій — смерть «его все довершила. Скажите: въ одну минуту разломить, что «крѣпло нѣсколько лѣтъ — моя любовь къ нему, прекрасная «душа его, желанія, мечты, стремленія, ожиданія, надежды «на будущее—и все вдругъ! Вмѣстѣ мы съ нимъ росли, вмѣ- «стѣ читали Шекспира, думали, спорили. И я такъ много «былъ ему обязанъ, онъ черезчуръ меня баловалъ. Вотъ по- «чему я онѣмѣлъ было совсѣмъ и всему хотѣлъ сказать: про- «щай! и еслибы не вы, я все бы потерялъ навсегда. Вѣдь «меня не очень увлекала и увлекаетъ блестящая толпа; сход- «ка, общество людей — конечно, хорошо, но если есть *чело- «вѣкъ*, то такъ; а безъ него, толпа не много даетъ. Опять я «такой человѣкъ, которому надобны сильныя потрясенія; иначе

«я — ноль. Никто меня не уничтожитъ съ другою душою, «а собственно мою уничтожитъ всякій».

Такимъ образомъ прошелъ для Кольцова и еще годъ, и горизонтъ его жизни все гуще заволакивался тучами. Свѣтлыя минуты навѣщали его все рѣже и рѣже. «Пророчески угадали «вы мое положеніе» (писалъ онъ, въ 1840 году, въ Петербургъ, къ пріятелю); «у меня у самаго давно уже лежитъ на «душѣ грустное это сознаніе, что въ Воронежѣ долго мнѣ не «сдобровать. Давно живу я въ немъ и гляжу вонъ, какъ звѣрь. «Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ въ «немъ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно. «Какая-нибудь добрая сила невидимо поддерживаетъ меня отъ «паденія. И если я не перемѣню себя, то скоро упаду; это не«минуемо, какъ дважды-два четыре. Хоть я и отказалъ себѣ «во многомъ, и частію, живя въ этой грязи, отрѣшилъ себя отъ «ней, но все-таки не совсѣмъ, но все-таки я не вышелъ изъ «нея». Въ это время, Кольцову было сдѣлано изъ Петербурга предложеніе принять управленіе книжною лавкою, основанною на акціяхъ. Другое предложеніе было сдѣлано ему А. А. Краевскимъ — принять на себя завѣдываніе конторою «Отечественныхъ Записокъ». Первое предложеніе было ему совершенно не по душѣ. Сумма акцій была незначительная, а онъ былъ убѣжденъ, что начинать какую бы то ни было торговлю можно только съ большимъ капиталомъ, и что иначе по неволѣ выйдетъ или раззореніе, или не торговля, а торгашество со всѣми его продѣлками, при одной мысли о которыхъ ему дѣлалось гадко. Кромѣ того, ему ни того, ни другаго предложенія нельзя было принять еще и потому, что, по причинѣ долга въ 20,000, векселя котораго были сдѣланы на его имя, онъ не могъ выѣхать изъ Воронежа противъ воли отца. Разъ какъ-то Кольцовъ зажился въ Москвѣ, и только-что пріѣхалъ домой, какъ его зовутъ въ полицію, по векселю въ 3,000 рублей. Опоздай

онъ нѣсколькими днями, и вексель былъ бы посланъ въ Москву, гдѣ онъ не имѣлъ бы никакой возможности расплатиться по немъ. «Вы боитесь (писалъ онъ) за меня, чтобъ я скоро не «потерялся. Это правда, и такая правда, какая она лишь мо«жетъ быть, — не только черезъ пять лѣтъ, даже и скорѣе, «живя такъ и въ Воронежѣ. Но что жь дѣлать? Буду жить, «пока живется, работать, пока работается. Сколько могу, «столько и сдѣлаю; употреблю всѣ силы, пожертвую, сколько «могу; буду биться до конца края, приведу въ дѣйствіе всѣ «зависящія отъ меня средства. И когда послѣ этого упаду — «мнѣ краснѣть будетъ не передъ кѣмъ, и предъ самимъ собою «я буду правъ. Другаго дѣлать нечего. А что въ 1838 году «написалъ такъ много порядочнаго — это потому, во первыхъ, «что я былъ съ вами и съ людьми, которые меня каждый день «настраивали, а во вторыхъ, — я почти ничего не дѣлалъ и былъ празденъ, тяготило меня до смерти одно дѣло, но только одно «дѣло, не больше. И я все еще писалъ такъ мало. А здѣсь «кругомъ меня другой народъ — татаринъ на татаринѣ, жидъ «на жидѣ, а дѣлъ — беремя: стройка дома (которая кончилась «съ мѣсяцъ назадъ), судебныя дѣла, услуги, прислуги, угож«денія, посѣщенія, счеты, разсчеты, брани, ссоры. И какъ «еще я пишу? И для чего пишу? — для васъ, для васъ од«нихъ; а здѣсь я за писанія терплю одни оскорбленія. Всякій «подлецъ такъ на меня и лѣзетъ, дискать писакѣ-то и крылья «ошибить... Это меня часто смѣшитъ, когда какой-нибудь чу«дакъ пѣтушится».

Осенью 1840 года, снова представился Кольцову случай ѣхать въ Москву и Петербургъ. Хотя это было по двумъ тяжебнымъ дѣламъ, однако онъ былъ радъ и имъ, какъ случаю вырваться изъ Воронежа и увидѣться съ людьми родными ему по чувству и по мысли. Это была его послѣдняя поѣздка. Московскій другъ его давно уже жилъ въ Петербургѣ, и по прі-

ѣздѣ сюда, Кольцовъ остановился у него и прожилъ съ нимъ около трехъ мѣсяцевъ. Одно дѣло его было проиграно. Надо было спѣшить въ Москву поправить и спасти другое, самое важное. Такъ какъ изъ Москвы ему надо было ѣхать домой, то онъ отправлялся въ нее съ тоскою. Его мучили тяжкія предчувствія, которыя и не обманули его. Мысль о возвращеніи въ Воронежъ ужасала его. Онъ уже колебался, не остаться ли ему въ Петербургѣ навсегда, кончивши дѣло въ Москвѣ; но остаться безо всего, съ одними своими средствами, начать снова поприще лавочнаго сидѣльца, прикащика, мелкаго торгаша — одна мысль объ этомъ приводила его въ бѣшенство. Онъ все надѣялся, что отецъ дастъ ему тысячъ десять денегъ, на условіи отказаться отъ дома и всякаго другаго наслѣдства, и что съ этимъ небольшимъ капиталомъ онъ найдетъ возможность пристроиться въ Петербургѣ и вести въ немъ тихую жизнь, зарывшись въ книги и учась всему, чему не могъ учиться въ свое время. Изъ Москвы онъ писалъ къ своему пріятелю: «Ахъ, «еслибы къ вамъ скорѣе! Еслибъ вы знали, какъ не хочется «мнѣ ѣхать домой — такъ холодомъ и обдаетъ при мысли ѣхать «туда, а надо ѣхать: необходимость — желѣзный законъ». Дѣло его въ Москвѣ кончилось хорошо, чѣмъ, какъ и въ прежнихъ дѣлахъ, онъ особенно былъ обязанъ благородному участію князя П. А. Вяземскаго, снабжавшаго его рекомендательными письмами къ особамъ, доступъ къ которымъ иначе былъ бы для него невозможенъ. Новый годъ встрѣтилъ онъ шумно и весело, въ кругу своихъ московскихъ друзей и знакомыхъ. Время шло, а онъ все жилъ въ Москвѣ. «Не хочется ѣхать «(писалъ онъ), да и только. Вотъ пришло время — и домъ и «родные не взлюбились наконецъ. И еслибъ была какая-нибудь «возможность жить въ Питерѣ—я бы прямо маршъ, и остался «бы въ немъ навсегда. Но безъ средствъ этого сдѣлать нельзя— «и я ѣду домой. И эта поѣздка много похожа на ловлю сур-

«ковъ: ихъ изъ земли выливаютъ водой, а меня нужда посы-«лаетъ голодомъ. Вотъ отчего я такъ долго живу въ Москвѣ и «не ѣду домой, и ѣхать не хочется, и не пишу къ вамъ. Я, «признаться, думалъ сначала махнуть въ Питеръ; но какъ про-«хватилъ меня голодъ, я и присѣлъ — и хорошо сдѣлалъ».

По возвращеніи домой, Кольцовъ нашелъ, по обыкновенію, всѣ дѣла въ упадкѣ и разстройствѣ, и принялся ихъ устроивать. Онъ долженъ былъ жить и трудиться безъ копейки въ карманѣ... Тогда имъ овладѣла одна мысль—устроивши дѣла ѣхать въ Петербургъ, куда отецъ отпускалъ его охотно, уплативши всѣ долги по векселямъ на имя сына и рѣшившись прекратить торговлю скотомъ. Но въ это время Кольцовъ началъ дурно себя чувствовать и на страстной недѣлѣ чуть не умеръ, но однакожь кое-какъ оправился. Къ счастію, докторъ его былъ человѣкъ благородный и симпатичный, который лечилъ его больше изъ личнаго расположенія къ нему, нежели изъ разсчета: онъ зналъ впередъ, что получитъ бездѣлицу, а занимался своимъ паціентомъ съ дружескимъ участіемъ. Во время самыхъ сильныхъ припадковъ болѣзни, Кольцовъ говорилъ ему: «Докторъ, если «моя болѣзнь неизлѣчима, если вы только протягиваете жизнь, «то прошу васъ не тянуть ея. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше, и «вамъ меньше хлопотъ». Докторъ ручался за его излеченіе: «Когда такъ, будемъ лечиться». Что терпѣлъ Кольцовъ, во время болѣзни, отъ близкихъ и кровныхъ, за исключеніемъ матери, принимавшей въ немъ искреннее участіе, о томъ страшно и подумать... Это усилило разстройство его здоровья. Но тутъ, какъ нарочно судьба-предательница послала ему жизнь и радость, можно сказать, блаженство, за которое онъ дорого долженъ былъ расплатиться. Страстною любовью озарился восходъ его жизни; пышнымъ, багрянымъ, но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился и закатъ его жизни. Эта женщина была совершенно по немъ — красавица, умна, образована, и ея ха-

рактеръ вполнѣ соотвѣтствовалъ его кипучей, огненной натурѣ. Нужда заставила ее разстаться съ нимъ. Еще до этой разлуки, онъ уже почувствовалъ ослабленіе во всемъ организмѣ своемъ; вскорѣ открылась болѣзнь. Знакомый ему докторъ снова помогъ ему; но вслѣдъ за тѣмъ, открылась боль въ груди, слабость во всемъ тѣлѣ, по ночамъ сильная испарина, разстройство желудка и желудочный кашель. По совѣту доктора, Кольцовъ поѣхалъ на дачу къ одному изъ своихъ родственниковъ, чтобы тамъ купаться въ Дону. Это его немного поправило; но осень наступила прежде, нежели онъ успѣлъ кончить курсъ своего купанья, и надо было прекратить его. Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалось воспаленіе въ почкахъ; но даже и послѣ этого онъ все-таки сталъ оправляться. До сихъ поръ, онъ ничего не читалъ, не писалъ, ни о чемъ не думалъ, кромѣ лекарства, леченія, обѣда и ужина; но тутъ опять принялся за свои занятія, воскресъ нравственно. Нельзя не дивиться силѣ духа этого человѣка. Правда, онъ надѣялся выздоровѣть, и не хотѣлось ему умереть; но возможность смерти онъ видѣлъ ясно и смотрѣлъ на нее прямо, не мигая глазами. Вотъ слова, которыми онъ заключаетъ письмо свое къ двоимъ изъ друзей своихъ въ Петербургъ: «Ну, теперь, милые мои, пришло сказать: прощайте—на долго ли?— «не знаю. Но какъ-то это слово горько отозвалось въ душѣ мо- «ей. Но еще — прощайте, и въ третій разъ прощайте. Еслибъ «я былъ женщина—хорошая бы пора плакать. Минута грусти, побудь хоть ты со мною подольше!» А между тѣмъ, все письмо проникнуто бодростію духа, надеждою и даже веселостію...

Но это выздоровленіе было только отстрочкою смерти. Для возстановленія его здоровья нужно было прежде всего спокойствіе, а онъ его не имѣлъ. Иногда ему не начто было купить лекарства; иногда у него не было ни чаю, ни сахару, ни свѣчей, а иногда ему не доставало обѣда и ужина...

Вскорѣ послѣдовала свадьба въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ: «Все начало ходить и бѣгать черезъ мою комнату; полы моютъ «то и дѣло, а сырость для меня убійственна. Трубки, благово-«нія курятъ каждый день; для моихъ разстроенныхъ легкихъ «все это плохо. У меня опять образовалось воспаленіе, сна-«чала въ правомъ боку, потомъ въ лѣвомъ, противу сердца, «довольно опасное и мучительное. И здѣсь-то я струсилъ, не «на шутку. Нѣсколько дней жизнь висѣла на волоскѣ. Лекарь «мой, несмотря на то, что я ему очень мало платилъ, пріѣз-«жалъ три раза въ день. А въ эту пору, у насъ вечеринки «каждый день — шумъ, крикъ, бѣготня, двери до полночи въ «моей комнатѣ ни минуты не стоятъ на петляхъ. Прошу не «курить — курятъ больше; прошу не благовонить — больше; «прошу не мыть половъ — моютъ». Все это потомъ кое-какъ уладилось; свадьба кончилась; больной, для спасенія жизни, прибѣгъ къ хитрости и со всѣми перемирился, попросивши у всѣхъ извиненія за неудовольствія, которыя ему дѣлали; его оставили въ покоѣ, и онъ увидѣлъ себя точно въ раю. «Я те-«перь слава Богу, живу покойно, смирно. Они меня не безпо-«коятъ. Въ комнатѣ тишина; самъ большой, самъ старшой. «Обѣдъ готовятъ порядочный. Чай есть, сахаръ то же, а мнѣ «пока больше ничего не нужно. Здоровье мое стало лучше. «Началъ прохаживаться, и два раза былъ въ театрѣ. Лекарь «увѣряетъ, что я въ постъ не умру, а весной меня вылечитъ. «Но силъ, не только духовныхъ, и физическихъ еще нѣтъ; «памяти то же. Волоса начали рости; съ лица зелень сошла, «глаза чисты». Въ заключеніи письма, говоря о своемъ нрав-ственномъ состояніи, онъ прибавляетъ: «Что если и выздоро-«вѣвши, такимъ останусь?—Тогда, прощайте, друзья, Москва «и Петербургъ! Нѣтъ, дай Господи умереть, а не дожить до «этого полипнаго состоянія. Или жить для жизни, или—маршъ «на покой!»

Мысль о переѣздѣ въ Петербургъ съ новою силою воскресала въ немъ, какъ скоро начиналъ онъ себя чувствовать лучше. Онъ только ждалъ для этого совершеннаго выздоровленія. Но и тутъ внутри его происходила страшная борьба, которую мы перескажемъ его собственными словами: «Какъ вы скажете: удерживаться ли въ Воронежѣ дома, бросить ли все, ѣхать «въ Петербургъ. Удерживаться дома — житье-бытье мнѣ будетъ плохое. Но все, какъ ни говори, а со двора меня не «сгонятъ. У меня много здѣсь людей хорошихъ, которымъ я «еще ни слова. Про это знаетъ лекарь и тотъ, у кого я жилъ «на дачѣ; скажи я имъ, они помогутъ. Еще есть способъ уладить все — жениться. Но за то, надо взять тамъ, гдѣ другимъ «будетъ угодно. Это значитъ пожертвовать собой, сгубить «женщину и себя. Ѣхать въ Питеръ — мнѣ не дадутъ для «этого ни гроша. Ну, положимъ, я найдусь туда пріѣхать; у «меня есть вещей рублей на триста; этого достаточно. Но, «пріѣхавши туда, что я буду дѣлать? Наняться въ прикащики? «не могу; отъ себя заниматься? — не на что. Положить надежду на мои стишонки: что за нихъ дадутъ! И что буду за «нихъ получать въ годъ — пустяки: на сапоги, на чай, и только. Талантъ мой — надо говорить правду — особенно теперь, «въ рѣшительное время, талантъ мой пустой. Нѣсколько пѣсенокъ въ годъ — дрянь. За нихъ много не дадутъ. Писать «въ прозѣ не умѣю, а мнѣ тридцать-три года. Вотъ мое положеніе. Пожалуста напишите мнѣ ваше мнѣніе; я имъ дорожу «болѣе всего. — В. Г. пишетъ: ѣхать. Да боюсь, страшно. «Я, живя на свѣтѣ, хорошаго не видалъ, или видѣлъ да немного, да и то живя въ Москвѣ и Питерѣ, а въ Воронежѣ не «помню когда. Что, если въ сорокъ лѣтъ придется нищенствовать? — Плохо!»

Послѣднее письмо, которое мы получили отъ Кольцова, было отъ 27-го февраля 1842 года. Лѣтомъ мы писали къ

нему, но отвѣта не было; а осенью получили мы изъ Воронежа, отъ незнакомыхъ намъ людей, извѣстіе о его смерти... Поэтому, подробностей о послѣднемъ времени его жизни мы не знаемъ, и только можемъ предполагать, что это была продолжительная агонія, страданіе, мученичество... Онъ умеръ 19 октября 1842 года, въ три часа по-полудни, на тридцать-четвертомъ году отъ рожденія.

Такова была жизнь этого человѣка! Рожденный для жизни, онъ исполненъ былъ необыкновенныхъ силъ и для наслажденія ею и для борьбы съ нею; а жить для него значило — чувствовать и мыслить, стремиться и познавать. Любовь и симпатія были основною стихіею его натуры. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ быть въ любви идеалистомъ, и былъ слишкомъ деликатно и благородно созданъ, чтобъ быть въ ней матеріялистомъ. Грубая чувственность могла увлекать его, но не надолго, и онъ умѣлъ отрѣшаться отъ нея не столько силою воли, сколько природнымъ отвращеніемъ ко всему грубому и низкому. Нѣжнымъ вздыхателемъ, довольствующимся обожаніемъ своего идеала, онъ никогда не былъ и не могъ быть, потому что для такой смѣшной роли онъ былъ слишкомъ уменъ и слишкомъ одаренъ жизнью и страстью. Женщина никогда не была въ его глазахъ безплотнымъ идеаломъ, эѳирною мечтою, туманнымъ образомъ, таинственнымъ видѣніемъ невѣдомаго міра; но въ то же время онъ умѣлъ понимать ее поэтически; видѣлъ въ ней существо родное мущинѣ, слѣдовательно, подобно ему, земное и тѣмъ болѣе прекрасное, и поклонялся въ ней красотѣ, граціи, жизни, чувству, могуществу страсти. Но вполнѣ обаять и покорить эту сильную натуру могла только женщина съ сильнымъ характеромъ. И вотъ почему его послѣдняя любовь совершенно изгладила въ его сердцѣ всѣ скорбныя воспоминанія первой, и ему казалось, что онъ любитъ только въ первый разъ... Онъ не могъ наслаждаться безъ чувства, безъ раздѣла;

но когда его страсти отвѣчала страсть — онъ предавался ей и ея наслажденіямъ со всѣмъ самозабвеніемъ, со всею стремительностію натуры пламенной и сильной, думая не о последствіяхъ, а только о томъ, что «жить намъ на свѣтѣ не дважды! . . .»

Въ дружбѣ онъ не зналъ разсчета и эгоизма. Грубая и грязная дѣйствительность, въ среду которой втолкнула его судьба, какъ неизбѣжной жертвы, требовала отъ него и поклоновъ, и униженія, и лжи, и всѣхъ изворотовъ мелкаго торгашества; но онъ и тутъ умѣлъ сохранить свое человѣческое достоинство и всегда держаться неизмѣримо выше людей своего сословія, находящихся въ такомъ же положеніи. Внутренно онъ всегда оставался чистъ отъ этой грязи, и ничего изъ нея не внесъ въ задушевный міръ своей жизни. Всегда готовый одолжить близкаго человѣка, онъ избѣгалъ всякаго случая одолжиться имъ: его пугала одна мысль внести разсчетъ въ чистоту дружественныхъ отношеній, и съ этой стороны, онъ доходилъ до ребячества. Какъ всѣ люди съ глубокимъ чувствомъ, онъ больше всего боялся сдѣлать изъ чувства комедію, и потому медленно и робко сходился съ человѣкомъ; но, разъ сблизившись, онъ умѣлъ любить, умѣлъ быть преданнымъ безъ увѣреній и фразъ. Увы! эта сила любви и привязанности больше всего и сгубила его. Мы уже говорили, какъ, года за полтора передъ смертью, вдалекѣ отъ тѣхъ, которые понимали и любили его, онъ видѣлъ себя въ кругу невѣждъ, которые уже не нуждались въ немъ и потому поспѣшили снять съ себя маску любви и отомстить ему за его превосходство надъ ними. Какъ ни тяжело было подобное разочарованіе, но у Кольцова всегда стало бы силы перенести его, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не дорожилъ особенно связями крови безъ связи духа; да, у него стало бы силы отвѣтить презрѣніемъ на подлость и предательство, порожденныя ограниченностію и невѣжествомъ. Но сила измѣ-

нила ему, когда ко всему этому — и къ болѣзни, и къ нуждѣ, и къ черной неблагодарности за услуги, ему пришлось еще горько разочароваться въ самыхъ дорогихъ и нѣжныхъ отношеніяхъ, и когда тутъ, за свою любовь, дружбу и преданность, онъ вдругъ и неожиданно увидѣлъ вражду, ненависть, неблагодарность, предательство, и все это въ формѣ грязной, наглой, безстыдной... Тутъ все было оскорблено въ немъ — и благороднѣйшія, святѣйшія чувства его сердца, и его самолюбіе: ему горько было убѣдиться, что его такъ долго и такъ коварно обманывали, и что бисеръ души своей онъ бросалъ подъ ноги нечистымъ животнымъ...

Говорятъ, будто любящее сердце, умъ, талантъ и всякое превосходство надъ людьми есть страшный даръ природы, родъ проклятія, изрекаемаго судьбою надъ человѣкомъ избраннымъ, въ самую минуту его рожденія... Говорятъ, будто несчастіемъ и страданіями цѣлой жизни избранникъ долженъ расплатиться за дерзкую привиллегію быть выше другихъ... И все это доказываютъ примѣрами изъ жизни людей замѣчательныхъ... Но справедливо ли такое мнѣніе и должна ли жизнь быть мачихою въ отношеніи къ любимѣйшимъ дѣтямъ природы?... О нѣтъ! эта вражда жизни съ природою отнюдь не есть законъ разумной необходимости, но есть только результатъ несовершенства человѣческихъ обществъ. Избранный человѣкъ болѣе, чѣмъ всякой другой, родится для жизни и наслажденія ею, — и не жизнь, а обстоятельства виноваты въ томъ, что, едва родившись, онъ съ бою долженъ брать даже самый воздухъ, чтобъ ему можно было дышать...

Мы уже говорили, что Кольцовъ нисколько не заносился своимъ талантомъ. Онъ живо чувствовалъ недостатокъ своего образованія. «Будь человѣкъ и геніяльный (говоритъ онъ въ «одномъ письмѣ), а не умѣй грамотѣ — не прочтешь и вздор«ной сказки. На всякое дѣло надо имѣть полные способы.

«Прежде я таки, грѣшный человѣкъ, думалъ о себѣ и то и то, «а теперь кровь какъ угомонилась, такъ и осталося одно же-«ланіе въ душѣ — учиться. И думаю, что это хлѣбъ прочный, «и его мнѣ надолго станетъ; а тамъ что Богъ дастъ. Васъ же «прошу объ одномъ: всѣ дурныя піесы бросайте безъ внима-«нія, а какія нравятся, тѣ печатайте». Люди обыкновенно не столько наслаждаются тѣмъ, что̀ имъ дано, сколько горюютъ о томъ, чего имъ не дано; притомъ, они мало цѣнятъ то, что̀ дается имъ безъ труда, и видятъ верхъ совершенства только въ томъ, что̀ добывается по̀томъ и кровью. Кольцова особенно огорчало то, что̀ ему не далась проза, которая, по его выраженію: «съ нимъ еще при рожденіи разошлась самымъ неблагороднымъ образомъ». Въ 1840 году, нашъ знаменитый трагическій актеръ, г. Мочаловъ, посѣтилъ Воронежъ и давалъ представленія на тамошнемъ театрѣ. Кольцову, горячо любившему г. Мочалова, какъ художника и какъ человѣка, очень хотѣлось написать что-нибудь для журнала о его представленіяхъ; но онъ, разумѣется, не рѣшился и попробовать. Досада его очень наивно излилась въ письмѣ къ пріятелю: «Глупое «положеніе нашей братьи-риѳмачей! Вотъ теперь и хочется «написать статейку о Павлѣ Степановичѣ, а чертовскіе раз-«мѣры не даютъ ходу прозѣ и велятъ молчать». Отдѣлаться отъ мелочной торговли и на свободѣ предаться ученію — было любимѣйшею мечтою всей жизни Кольцова. Не имѣя яснаго понятія о наукахъ, онъ хотѣлъ учиться всему — и тому, чему бы могъ и долженъ былъ учиться, и тому, чему не могъ и не долженъ былъ; но сквозь этотъ хаосъ темныхъ представленій о наукѣ, ясно было видно, что еслибы онъ и не могъ заняться исторіею, какъ наукою, то съ жаромъ и страстью предался бы чтенію преимущественно историческихъ сочиненій. Онъ желалъ учиться и языкамъ; но для осуществленія всѣхъ этихъ проэктовъ его время прошло, и все, что̀ оставалось для него—

это предаться съ упоеніемъ чтенію всего, что могъ онъ найдти лучшаго на русскомъ языкѣ. Пріобрѣтеніе книгъ было счастіемъ и радостію его жизни. «Вы не можете представить (писалъ онъ въ 1840 году къ пріятелю), какой богачъ я сталъ «хорошими книгами. Есть что читать! Вашъ подарокъ полу- «чилъ; Отечественныя Записки, Современникъ то же; отъ «Губера получилъ Фауста, отъ Владиславлева — Утреннюю «Зарю; купилъ полное собраніе сочиненій Пушкина, Исторію «философскихъ системъ Галича: мнѣ ее наши бурсаки сильно «расхвалили; прочелъ первую часть—вовсе ничего не понялъ. «Развѣ философія — другое дѣло? Можетъ-быть и такъ; бу- «демъ читать еще до конца. Теперь одинъ недостатокъ ока- «зался: надобно непремѣнно обзавестись исторіею Карамзи- «на; у меня есть Полеваго и Ишимовой краткія, да хочется «имѣть полную, да оперъ нѣсколько». Какъ человѣкъ необразованный, или, лучше сказать, какъ полуобразованный самоучка, Кольцовъ нѣкоторыя изъ лучшихъ своихъ пѣсенъ хотѣлъ назвать русскими балладами, думая этимъ возвысить ихъ. Не изъ этого ли источника происходило и его страстное желаніе написать либретто для оперы — дѣло, къ которому онъ едва ли былъ способенъ? Другое дѣло — къ готовому, но голому драматическому очерку написать аріи, разумѣется, въ родѣ его русскихъ пѣсенъ: это онъ могъ бы выполнить прекрасно, и можетъ-быть, этого-то и хотѣлось ему. Какъ бы то ни было, но оперныя либретто на русскомъ языкѣ онъ собиралъ съ жадностью. Изъ другаго, болѣе истиннаго и глубокаго источника, выходило у него страстное желаніе путешествовать по Россіи. Это было то же любимѣйшею его мечтою, которой, какъ и многимъ другимъ, не суждено было осуществиться.

Какъ человѣку не только съ истиннымъ, но еще и съ большимъ талантомъ, Кольцову знакомы были горькія минуты разочарованія въ своемъ поэтическомъ призваніи. Не зная, что

всякому мастеру часто всегс труднѣе быть судьею собственныхъ произведенiй, онъ думалъ, что у него вовсе нѣтъ эстетическаго вкуса. Такъ писалъ онъ разъ къ одному изъ своихъ друзей объ одной изъ лучшихъ своихъ пiесъ: «Чортъ знаетъ, «иногда прочтешь Хуторокъ — покажется, а иногда разорвать «хочется». Въ другой разъ онъ писалъ: «Сколько я ни бьюся «съ самимъ собою, но все эстетическое чувство не управляетъ «мною, не обладаю имъ я, ка́къ бы хотѣлось — хоть лягъ, да «умри».

Стихотворенiя Кольцова можно раздѣлить на три разряда. Къ первому относятся пiесы, писанныя правильнымъ размѣромъ, преимущественно ямбомъ и хореемъ. Большая часть ихъ принадлежитъ къ первымъ его опытамъ, и въ нихъ онъ былъ подражателемъ поэтовъ наиболѣе ему нравившихся. Таковы пiесы: Сирота, Ровеснику, Маленькому Брату, Ночлегъ Чумаковъ, Путникъ, Красавицѣ, Сестрѣ, «Приди ко мнѣ», Разувѣренiе, «Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный», Мщенiе, Вздохъ на могилѣ Веневитинова, Къ рѣкѣ Гайдарѣ, «Что значу я», Утѣшенiе, «Я былъ у ней», Первая Любовь, Къ ней, Къ ней же, Наяда, Къ N., Соловей, Къ Другу, Изступленiе, Поэтъ и Няня, А. П. Серебрянскому. Въ этихъ стихотворенiяхъ проглядываетъ что-то похожее на талантъ и даже оригинальность; нѣкоторыя изъ нихъ даже очень недурны. По крайней мѣрѣ, изъ нихъ видно, что Кольцовъ и въ этомъ родѣ поэзiи могъ бы усовершенствоваться до извѣстной степени; но не иначе, какъ съ трудомъ и усилiемъ выработавши себѣ стихъ и оставаясь подражателемъ, съ нѣкоторымъ только оттѣнкомъ оригинальности. Правильный стихъ не былъ его достоянiемъ, и какъ бы ни выработалъ онъ его, все-таки никогда бы не сравнился въ немъ съ нашими звучными поэтами даже средней руки. Но здѣсь и видѣнъ сильный, самостоятельный талантъ Кольцова: онъ не остановился на этомъ сомнительномъ успѣхѣ,

но, движимый однимъ инстинктомъ своимъ, скоро нашелъ свою настоящую дорогу. Съ 1831 года онъ рѣшительно обратился къ русскимъ пѣснямъ, и если писалъ иногда правильнымъ размѣромъ, то уже безъ всякихъ претензій на особенный успѣхъ, безъ всякаго желанія подражать, или состязаться съ другими поэтами. Особенно любилъ этимъ размѣромъ, чаще безъ рифмы, съ которою онъ плохо ладилъ, выражать ощущенія и мысли, имѣвшія непосредственное отношеніе къ его жизни. Таковы (за исключеніемъ піесъ: Цвѣтокъ, Бѣдный Призракъ, Товарищу), піесы: Послѣдняя Борьба, Къ Милой, Примиреніе, Міръ музыки, «Не разливай волшебныхъ звуковъ», К***, Вопль страданія, Звѣзда, На новый 1842 годъ. Піесы же: «Очи, очи голубыя», Размолвка, «Люди добрые, скажите», Теремъ, «По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ», Совѣтъ старца, Глаза, Домикъ лѣсника, Женитьба Павла — составляютъ переходъ отъ подражательныхъ опытовъ Кольцова къ его настоящему роду— русской пѣснѣ.

Въ русскихъ пѣсняхъ талантъ Кольцова выразился во всей своей полнотѣ и силѣ. Рано почувствовалъ онъ безсознательное стремленіе выражать свои чувства складомъ русской пѣсни, которая такъ очаровывала его въ устахъ простаго народа; но его удерживала отъ этого мысль, что русская пѣсня — не поэзія, а что-то простонародное, грубое и вульгарное. Къ счастію, ему попалась въ руки книжка стихотвореній барона Дельвига (изданая въ 1829 году). Каково же было его удовольствіе, его радость, когда въ этой книжкѣ онъ увидѣлъ между «настоящими» стихотвореніями и русскія пѣсни! Онъ сейчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло, и порѣшилъ его такимъ силлогизмомъ: баронъ — вѣдь это баринъ, да еще большой, все равно, что графъ или князь, и вѣрно, онъ ученый человѣкъ; но онъ сочиняетъ же русскія пѣсни: стало-быть, русская пѣсня не вздоръ, не глупость, а то же — поэзія... И съ тѣхъ

поръ, онъ все больше и больше началъ наклоняться къ этому роду поэзіи. Первыя пѣсни, какъ написанныя имъ еще до знакомства съ пѣснями Дельвига, такъ и многія, написанныя до 1835 года, были чѣмъ-то среднимъ между романсомъ и русскою пѣснею, и потому походили на русскія пѣсни то Дельвига, то Мерзлякова. Но еще съ 1830 года, ему уже удавалось иногда выражать въ русской пѣснѣ всю оригинальность своего таланта, и піесамъ: Кольцо, Удалецъ, Крестьянская пирушка, Размышленіе поселянина (1830 — 1832), недостаетъ только зрѣлости мысли, чтобъ быть образцовыми въ своемъ родѣ произведеніями. Но съ пѣсенъ: «Ты не пой, соловей» (1830), и «Не шуми ты, рожь» (1834), начинается рядъ русскихъ пѣсенъ, какъ особаго рода, созданнаго Кольцовымъ.

Для означенія различныхъ степеней дара творчества употребляются большею частію два слова: талантъ и геній. Подъ первымъ разумѣется низшая, подъ вторымъ — высшая степень способности творить. Но такое раздѣленіе довольно неопредѣленно: оно не даетъ мѣры (критеріума) для опредѣленія высоты художественной силы. Правда, талантъ и геній отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что первый ниже втораго, а второй выше перваго; но чѣмъ же именно ниже или выше — вотъ вопросъ! Одно изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ качествъ генія есть оригинальность и самобытность, потомъ всеобщность и глубина его идей и идеаловъ, и наконецъ историческое вліяніе ихъ на эпоху, въ которую онъ живетъ. Геній всегда открываетъ, своими твореніями, новый никому до него неизвѣстный, никѣмъ не подозрѣваемый міръ дѣйствительности. Толпа живетъ и движется, но безсознательно; переживши извѣстный историческій моментъ и уже нося въ самой себѣ всѣ элементы новаго существованія, она тѣмъ упорнѣе держится формъ стараго. Является геній — и возвѣщаетъ людямъ новую жизнь, начала которой они уже носили

въ себѣ, и корень которой скрывался уже въ самомъ прошедшемъ. Но толпа не признаетъ своего участія въ дѣлѣ генія; дико и враждебно смотритъ она на новый міръ мысли и формы, открывающійся въ его твореніяхъ, и только немногіе берутъ его сторону, и только новыя поколѣнія упрочиваютъ за нимъ побѣду. Имя генія — милліонъ, потому что въ груди своей носитъ онъ страданія, радости, надежды и стремленія милліоновъ. И вотъ въ чемъ заключается всеобщность его идей и идеаловъ: они касаются всѣхъ, они всѣмъ нужны, они существуютъ не для избранныхъ, не для того или другаго сословія, но для цѣлаго народа, а черезъ него и для всего человѣчества. Частность и исключительность, напротивъ, есть достояніе таланта, — и потому бываютъ таланты, произведенія которыхъ нравятся или только веселымъ и счастливымъ, или только меланхоликамъ и несчастнымъ, или только образованнымъ классамъ общества, или только низшимъ слоямъ его, и т. д. Есть люди, которые нечаянно открывали въ себѣ талантъ черезъ какой-нибудь внѣшній и случайный толчокъ: одинъ оттого что ослѣпъ, другой оттого, что лишился любимой имъ женщины, третій оттого, что пострадалъ за правое дѣло, или за преступленіе, въ которомъ былъ невиненъ, и т. д. Безъ этихъ случайностей, всѣ эти люди никогда не сдѣлались бы поэтами. Естественно, что каждый изъ нихъ поетъ на одинъ и тотъ же ладъ и всегда одно и то же, и потому нравится только людямъ, которые одинаково съ нимъ настроены и находятъ въ его произведеніяхъ отголоски своихъ личныхъ ощущеній, или примѣненія къ обстоятельствамъ своей жизни. Отсутствіе оригинальности и самобытности всегда есть характеристическій признакъ таланта: онъ живетъ не своею, а чужою жизнію, его вдохновеніе есть не что иное, какъ «плѣнной мысли раздраженье» — мысли, захваченной у генія или подслушанной у самой толпы. Талантъ не управ-

ляетъ толпою, а льститъ ей, не утверждаетъ даже новой моды, а идетъ за модою; куда дуетъ вѣтеръ, туда и стремится онъ. Поди онъ противъ — и его сейчасъ забудутъ, а этого-то онъ и боится больше всего на свѣтѣ. Иногда онъ кажется оригинальнымъ и, въ свою очередь, пораждаетъ толпу подражателей; но эта оригинальность тотчасъ изчезаетъ, какъ скоро привыкнутъ и приглядятся къ ней, и оказывается или результатомъ чуждаго вліянія, или проявленніемъ дурнаго вкуса эпохи; а толпа подражателей доказываетъ только то, что и талантъ имѣетъ степени, и менѣе талантливые подражаютъ болѣе талантливому.

Очевидно, что геній и талантъ суть только крайнія степени, противоположные полюсы творческой силы, и что между ними должно быть что-нибудь среднее. Въ самомъ дѣлѣ, иначе міръ искусства былъ бы очень скуденъ, состоя изъ однихъ геніяльныхъ твореній, окруженныхъ развалинами эфемерныхъ произведеній таланта. Напротивъ, во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, исторія сохранила имена людей, которые не были геніями, не были полномочными властелинами своего времени, но тѣмъ не менѣе имѣли на него свое дѣйствительное вліяніе, и потому заняли хотя и второстепенныя, но почетныя мѣста въ благодарной памяти потомства. Въ сферѣ искусства, такихъ людей называютъ большими или великими талантами, въ отличіе отъ геніевъ и отъ обыкновенныхъ талантовъ. Но это названіе довольно неопредѣленно. Мы думаемъ, къ такимъ людямъ лучше бы шло названіе геніяльныхъ талантовъ, какъ выражающее и ихъ сродство съ геніемъ и съ талантомъ, и ту средину, которую они занимаютъ между тѣмъ и другимъ.

Но слова ничего не значатъ, если не выражаютъ идеи, доказывающей ихъ необходимость и дѣйствительность. И потому, мы должны оправдать употребленное нами выраженіе «геніяльнаго таланта», показавши его отношеніе къ «генію и талан-

ту». Геніяльный талантъ отличается отъ обыкновеннаго таланта тѣмъ, что, подобно генію, живетъ собственною жизнію, творитъ свободно, а не подражательно, и на свои творенія налагаетъ печать оригинальности и самобытности, со стороны какъ содержанія, такъ и формы. Отъ генія же онъ отличается объемомъ своего содержанія, которое у него бываетъ менѣе обще и болѣе частно. И потому, геній есть полный властелинъ своего времени, которое носитъ на себѣ его имя, — тогда какъ вліяніе геніяльнаго таланта, какъ бы оно ни было сильно, всегда простирается только на одну какую-нибудь сторону искусства и жизни. Другими словами: геній захватываетъ и наполняетъ собою цѣлую область современной ему дѣйствительности; геніяльный талантъ — одинъ уголокъ ея. Что̀ въ геніи составляетъ полноту его существованія, то въ геніяльномъ талантѣ есть какъ бы отблескъ генія. Но сходное и общее между ними, несмотря на всю огромность раздѣляющаго ихъ пространства — это та оригинальность и самобытность, которая пораждаетъ множество подражателей, но ни одного самостоятельнаго таланта, которой можно подражать, но которой невозможно усвоить. И вотъ гдѣ существенное отличіе геніяльнаго таланта отъ обыкновеннаго. Послѣдній есть не болѣе, какъ посредникъ между геніемъ и толпою, родъ фактора, необходимаго для облегченія сношеній между ними; невольно увлекаясь идеями генія, онъ ихъ совлекаетъ съ ихъ высокаго, недоступнаго толпѣ пьедестала, и тѣмъ самымъ приближаетъ ихъ къ разумѣнію толпы. Подъ рукою таланта, идеи генія, такъ-сказать, мельчаютъ и опошливаются, но этимъ самымъ онѣ и дѣлаются популярными, становятся всѣмъ доступными и каждому извѣстными. И потому, талантъ совершаетъ великое дѣло; но въ этомъ случаѣ, онъ дѣлается жертвою собственнаго успѣха: по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе знакомитъ и сближаетъ толпу съ геніемъ, добродушно думая знакомить

и сближать ее только съ самимъ собою — толпа все болѣе и болѣе отворачивается отъ него, обращаясь все болѣе и болѣе къ самому генію, непосредственныя сношенія съ которымъ стали для нея уже возможными и доступными. Сдѣлавши свое дѣло, таланты (потому что для такого дѣла одного таланта мало, а нужна толпа талантовъ) забываются: имена ихъ остаются въ исторіи литературы, но сочиненія предаются болѣе или менѣе полному забвенію.

Но мы все-таки еще не сказали послѣдняго слова о существенномъ различіи между геніяльнымъ и обыкновеннымъ талантомъ.

Оно заключается въ тайнѣ натуры человѣка. Въ человѣкѣ, владѣющемъ обыкновеннымъ талантомъ, талантъ есть сила абстрактная, родъ капитала, который принадлежитъ своему владѣльцу, но который — не одно съ нимъ. Продолжимъ наше сравненіе. Потерявши капиталъ, можно нажить другой: капиталъ — внѣшнее средство для жизни, но не сама жизнь. Какъ часто видимъ мы людей, которые, долгое время пользовавшись огромною извѣстностію своего таланта, пережили свой талантъ и свою извѣстность, и которые, несмотря на то съумѣли вознаградить себя другими благами жизни: пріобрѣли большіе чины или большія деньги, и прекрасно живутъ-себѣ безъ таланта и безъ славы. Не таковъ человѣкъ, одаренный геніяльнымъ талантомъ: его нельзя отдѣлить отъ его таланта, его талантъ—его жизнь, его кровь, его духъ, его плоть, біеніе его сердца, дыханіе его груди, словомъ — весь онъ самъ. Это роковая сила, которая всегда будетъ мчать его къ одной цѣли, къ одной дѣятельности, наперекоръ судьбѣ, рожденію, воспитанію, всѣмъ внѣшнимъ обстоятельствамъ его жизни, какъ бы ни были они сильны. Онъ страстенъ къ славѣ и очень не чуждъ самолюбія; но еще не въ этомъ только источникъ его ничѣмъ неудержимаго стремленія къ творчеству: оно у него—

инстинктъ, натура, страсть. Въ отношеніи къ своему призванію, онъ смѣло можетъ сказать себѣ:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
. . . .
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю.

Сила геніяльнаго таланта основана на живомъ, неразрывномъ единствѣ человѣка съ поэтомъ. Тутъ замѣчательность таланта происходитъ отъ замѣчательности человѣка, какъ личности, какъ натуры; тогда какъ обыкновенный талантъ отнюдь не условливаетъ собою необыкновеннаго человѣка: тутъ человѣкъ и талантъ — каждый самъ-по-себѣ, и человѣкъ, въ отношеніи къ таланту, есть то же, что ящикъ въ отношеніи къ деньгамъ, которыя въ немъ лежатъ. Сильная и богатая натура всегда отличается отъ натуръ обыкновенныхъ, никогда на нихъ не похожа, всегда оригинальна, — и удивительно ли, если печать этой оригинальности налагаетъ она и на свои творенія? Самобытность поэтическихъ произведеній есть отраженіе самобытности создавшей ихъ личности.

У всякаго человѣка есть лице, слѣдовательно, всякій человѣкъ есть личность; и однакожь, въ человѣческомъ родѣ гораздо больше существъ неопредѣленныхъ, безцвѣтныхъ, безхарактерныхъ, слѣдовательно, безличныхъ, нежели существъ съ рѣзкимъ выраженіемъ особности. Лице есть выраженіе, душа человѣка; но вѣдь есть лица, которыхъ нельзя забыть, разъ увидѣвши, и есть лица, которыя видишь безпрестанно цѣлые годы, и забываешь, не видя недѣлю. Слѣдовательно,

личность имѣетъ свои степени и свою постепенность. Чѣмъ общѣе, тѣмъ ничтожнѣе она; чѣмъ болѣе поражаетъ оригинальностію, тѣмъ она выше. Поэтому, геній есть высочайшее развитіе личности. Тайну генія составляетъ собственно не умъ: умъ, и часто весьма замѣчательный, бываетъ и у обыкновенныхъ людей; не талантъ: талантъ, и притомъ весьма замѣчательный, часто бываетъ и у обыкновенныхъ людей; не сердце: оно то же, и очень часто, бываетъ удѣломъ людей обыкновенныхъ. Нѣтъ, тайна генія заключается больше всего въ какой-то непосредственно творческой способности вдохновенія, похожаго на откровеніе и составляющаго тайну личности человѣка. Это что-то такъ же неуловимое и невыразимое словомъ, какъ выраженіе физіономіи, какъ органическая жизнь. Намъ извѣстны средства жизни, ея органы, ихъ отправленія; но физіологическая жизнь все-таки для насъ тайна. Мы не можемъ выразить сущности генія, но всегда вѣрно чувствуемъ преобладающее надъ нами вліяніе не только генія, но и всякой сколько-нибудь высшей насъ личности. Иногда геніяльная личность, обдѣленная образованіемъ и не подозрѣвающая своего значенія, съ смиреніемъ и съ робостью подходитъ къ человѣку обыкновенному, но образованному, развитому и ученіемъ и свѣтскою жизнію; но дѣло всегда оканчивается тѣмъ, что первая незамѣтно беретъ верхъ надъ послѣднимъ, и обыкновенный человѣкъ въ присутствіи геніяльнаго невѣжды какъ-то невольно дѣлается осторожнымъ, какъ бы боясь проговориться. Вотъ что значитъ личность, натура, — и талантъ тогда только бываетъ плодотворенъ и живучъ, когда онъ тѣсно соединенъ съ личностью, съ натурою человѣка. И вотъ почему иногда бываютъ люди съ талантомъ, не имѣя ни ума, ни сердца: это таланты обыкновенные, которые могутъ существовать безъ связи съ личностію и натурою человѣка. Когда талантъ въ человѣкѣ есть не просто внѣшняя сила производить на основаніи

увлеченія самобытными образцами, но выраженіе внутренней сущности человѣка, его личности, его натуры: тогда, каковъ бы ни былъ объемъ этого таланта, но онъ уже сила творческая, зиждительная, слѣдовательно, въ немъ уже заключается искра геніяльности, — и если, по его объему, его нельзя назвать «геніемъ», то можно и должно назвать «геніяльнымъ талантомъ».

Къ числу такихъ талантовъ принадлежитъ и талантъ Кольцова.

Пока сочиненія Кольцова были разбросаны по разнымъ періодическимъ изданіямъ, подобное заключеніе о его талантѣ не безъ основанія могло бы показаться нѣсколько преувеличеннымъ; но теперь, когда все написанное имъ собрано въ одной книгѣ и наше мнѣніе можетъ быть повѣреннымъ, мы смѣло выговариваемъ его не какъ просто мнѣніе, но какъ глубокое и обдуманное убѣжденіе.

Кромѣ пѣсень, созданныхъ самимъ народомъ, и потому называющихся «народными», до Кольцова, у насъ не было художественныхъ народныхъ пѣсень, хотя многіе русскіе поэты и пробовали свои силы въ этомъ родѣ, а Мерзляковъ и Дельвигъ даже пріобрѣли себѣ большую извѣстность своими русскими пѣснями, за которыми публика охотно утвердила титулъ «народныхъ». Въ самомъ дѣлѣ, въ пѣсняхъ Мерзлякова попадаются иногда мѣста, въ которыхъ онъ удачно подражаетъ народнымъ мелодіямъ, и вообще онъ по этой части сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать талантъ. Но несмотря на то, въ цѣломъ, его русскія пѣсни не что иное, какъ романсы, пропѣтые на русскій народный мотивъ. Въ нихъ видѣнъ баринъ, которому пришла охота попробовать сыграть роль крестьянина. Что же касается до русскихъ пѣсень Дельвига — это уже рѣшительные романсы, въ которыхъ русскаго — одни слова. Это чистая поддѣлка, въ которой роль русскаго крестьянина игралъ

даже и не совсѣмъ русскій, а скорѣе нѣмецкій, или, еще ближе къ дѣлу, итальянскій баринъ. Мерзляковъ по крайней мѣрѣ перенесъ въ свои русскія пѣсни русскую грусть-тоску, русское гореванье, отъ котораго щемитъ сердце и захватываетъ духъ. Въ пѣсняхъ Дельвига нѣтъ ничего, кромѣ сладенькаго любезничанья и сладенькой задумчивости, слѣдовательно, нѣтъ ничего русскаго.

Впрочемъ, наше мнѣніе о пѣсняхъ Мерзлякова клонится не къ униженію его таланта, весьма замѣчательнаго; но мы хотимъ только сказать, что русскія пѣсни могъ создать только русскій человѣкъ, сынъ народа, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ и самъ Пушкинъ не былъ и не могъ быть русскимъ человѣкомъ, по причинѣ рѣзкаго разрыва, произведеннаго реформою Петра Великаго, между образованными классами русскаго общества и массою народа. Въ піесахъ Пушкина, содержаніе которыхъ взято изъ народной жизни и выражено въ народной формѣ, видна душа глубоко-русская, но, въ то же время, видна и та художественная объективность, которая дѣлала для Пушкина возможнымъ быть какъ у себя дома во всѣхъ сферахъ жизни, даже самыхъ противоположныхъ другъ другу, и благодаря которой онъ въ «Каменномъ Гостѣ» изобразилъ природу и нравы Испаніи съ такою же поразительною вѣрностію, какъ въ «Русалкѣ» изобразилъ природу и нравы Руси временъ удѣловъ. Сверхъ того, въ этой «Русалкѣ», если внимательнѣе прислушаться къ ея звукамъ, приглядѣться къ ея колориту,— нельзя не открыть въ ней примѣси поэтическихъ элементовъ, болѣе обрусенныхъ поэтомъ, если можно такъ выразиться, нежели, чисто-русскихъ. Сейчасъ видно, что эта піеса писана поэтомъ, который образованъ европейски и который безъ этого обстоятельства не могъ бы написать ее такъ. Не таковъ міръ русскихъ пѣсенъ Кольцова: въ нихъ и содержаніе и форма чисто-русскія, — и несмотря на всю объективность своего

генія, Пушкинъ не могъ бы написать ни одной пѣсни въ родѣ Кольцова, потому что Кольцовъ одинъ и безраздѣльно владѣлъ тайною этой пѣсни. Этою пѣснею, онъ создалъ свой особенный, только одному ему довлѣвшій міръ, въ которомъ и самъ Пушкинъ не могъ бы съ нимъ соперничествовать; но не по недостатку таланта, а потому, что міръ пѣсни Кольцова требуетъ всего человѣка, а для Пушкина, какъ для генія, этотъ міръ былъ бы слишкомъ тѣсенъ и малъ, и потому могъ входить только, какъ элементъ, въ огромный и необъятный міръ Пушкинской поэзіи.

Кольцовъ родился для поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа, въ полномъ значеніи этого слова. Бытъ, среди котораго онъ воспитался и выросъ, былъ тотъ же крестьянскій бытъ, хотя нѣсколько и выше его. Кольцовъ выросъ среди степей и мужиковъ. Онъ не для фразы, не для краснаго словца, не воображеніемъ, не мечтою, а душою, сердцемъ, кровью любилъ русскую природу, и все хорошее и прекрасное, что̀, какъ зародышъ, какъ возможность, живетъ въ натурѣ русскаго селянина. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его бытъ, его нужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни,—зналъ ихъ не по наслышкѣ, не изъ книгъ, не черезъ изученіе, а потому, что самъ, и по своей натурѣ и по своему положенію, былъ вполнѣ русскій человѣкъ. Онъ носилъ въ себѣ всѣ элементы русскаго духа, въ особенности — страшную силу въ страданіи и въ наслажденіи, способность бѣшено предаваться и печали и веселію, и, вмѣсто того, чтобы падать подъ бременемъ самаго отчаянія, способность находить въ немъ какое-то буйное, удалое, размашистое упоеніе, а если уже пасть, то спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своего паденія, не прибѣгая къ ложнымъ утѣшеніямъ, не ища спасенія въ томъ, чего не нужно было ему въ его

лучшіе дни. Въ одной изъ своихъ пѣсень, онъ жалуется, что у него нѣтъ воли,

Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять;
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ, въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель идти —
Пѣсни пѣть соловьемъ.

Нѣтъ, въ томъ не могло не быть такой воли, кто въ столь мощныхъ образахъ могъ выразить свою тоску по такой волѣ...

Нельзя было тѣснѣе слить своей жизни съ жизнію народа, какъ это само собою сдѣлалось у Кольцова. Его радовала и умиляла рожь, шумящая спѣлымъ колосомъ, и на чужую ниву смотрѣлъ онъ съ любовію крестьянина, который смотритъ на свое поле, орошенное его собственнымъ потомъ. Кольцовъ не былъ земледѣльцемъ, но урожай былъ для него свѣтлымъ праздникомъ: прочтите его «Пѣсню Пахаря» и «Урожай». Сколько сочувствія къ крестьянскому быту въ его «Крестьянской Пирушкѣ» и въ пѣснѣ: «Что ты спишь, мужичокъ!»

Кольцовъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта нашелъ онъ въ самомъ этомъ бытѣ, а не въ риторикѣ, не въ піитикѣ, не въ мечтѣ, даже не въ фантазіи своей, которая давала ему только образы для выраженія уже даннаго ему дѣйствительностію содержанія. И потому, въ его пѣсни смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклоченныя бороды, и старыя онучи — и вся эта грязь превратилась у него въ чистое золото поэзіи. Любовь играетъ въ его пѣсняхъ большую, но далеко не исключительную роль: нѣтъ, въ

нихъ вошли и другіе, можетъ-быть, еще болѣе общіе элементы, изъ которыхъ слагается русскій простонародный бытъ. Мотивъ многихъ его пѣсень составляетъ то нужда и бѣдность, то борьба изъ копейки, то прожитое счастье, то жалобы на судьбу-мачиху. Въ одной пѣснѣ, крестьянинъ садится за столъ, чтобы подумать, какъ ему жить одинокому; въ другой выражено раздумье крестьянина, на что ему рѣшиться—жить ли въ чужихъ людяхъ, или дома браниться съ старикомъ отцомъ, разсказывать ребятишкамъ сказки, ботѣть, старѣться. Такъ, говоритъ онъ, хоть оно и не тово, но ужь такъ бы и быть, да кто пойдетъ за нищаго? «Гдѣ избытокъ мой зарытъ лежитъ?» И это раздумье разрѣшается въ саркастическую русскую иронію:

Куда глянешь — всюду наша степь;
На горахъ — лѣса, сады, дома;
На днѣ моря — груды золота;
Облака идутъ — нарядъ несутъ!...

Но если гдѣ идетъ дѣло о горѣ и отчаяніи русскаго человѣка — тамъ поэзія Кольцова доходитъ до высокаго, тамъ обнаруживаетъ она страшную силу выраженія, поразительное могущество образовъ.

Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

И какая вмѣстѣ съ тѣмъ сила духа и воли въ самомъ отчаяніи:

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ,
Безъ дороги въ путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться...

И послѣ этой пѣсни (Измѣна Суженой), прочтите пѣсню: «Ахъ, зачѣмъ меня» — какая разница! Тамъ буря отчаянія

сильной мужской души, мощно опирающейся на самое себя; здѣсь грустное воркованіе горлицы, глубокая, раздирающая душу жалоба нѣжной женской души, осужденной на безвыходное страданіе...

Когда форма есть выраженіе содержанія, она связана съ нимъ такъ тѣсно, что отдѣлить ее отъ содержанія значитъ уничтожить самое содержаніе; и наоборотъ: отдѣлить содержаніе отъ формы, значитъ уничтожить форму. Эта живая связь, или, лучше сказать, это органическое единство и тождество идеи съ формою и формы съ идеею бываетъ достояніемъ только одной геніяльности. Простой талантъ всегда опирается или преимущественно на содержаніе, и тогда его произведенія не долговѣчны со стороны формы, или преимущественно блистаетъ формою, и тогда его произведенія эфемерны со стороны содержанія; но главное, и въ томъ и другомъ случаѣ, богатыя мыслію, или щеголяющія внѣшнею красотою, они лишены оригинальности формы, свидѣтельствующей о самобытности мысли. Здѣсь-то всего яснѣе и открывается, что обыкновенный талантъ основанъ на способности подражанія, на способности увлеченія образцами, — и въ этомъ заключается причина недолговѣчности, а чаще всего и эфемерности таланта. И потому, оригинальность есть не случайное, но необходимое свойство геніяльности, есть черта, которая отдѣляетъ геніяльность отъ простой талантливости или даровитости. Но эта оригинальность, прежде всего поражающая читателя въ языкѣ поэта, не должна быть искусственною, или изысканною: тогда она увлекаетъ только на минуту и потомъ тѣмъ болѣе дѣлается предметомъ осмѣянія и презрѣнія, чѣмъ больше сперва имѣла успѣха. Поэтъ долженъ быть оригиналенъ, самъ не зная какъ, и если долженъ о чемъ-нибудь заботиться, такъ это не объ оригинальности, а объ истинѣ выраженія: оригинальность придетъ сама собою, если въ талантѣ его есть геніяльность. Истинная

оригинальность въ изобрѣтеніи, а слѣдовательно, и въ формѣ, возможна только при вѣрности дѣйствительности и истинѣ.

Такою оригинальностію Кольцовъ обладалъ въ высшей степени. Съ этой стороны, его пѣсни смѣло можно равнять съ баснями Крылова. Даже русскія пѣсни, созданныя народомъ, не могутъ равняться съ пѣснями Кольцова въ богатствѣ языка и образовъ, чисто-русскихъ. Это естественно: въ народныхъ пѣсняхъ заключаются только элементы народнаго духа и поэзіи, но въ нихъ нѣтъ художественности, подъ которою должно разумѣть цѣлость, единство, полноту, оконченность и выдержанность мысли и формы. Многія русскія пѣсни имѣютъ значеніе только въ пѣніи, а въ чтеніи почти, или и вовсе лишены смысла; другія, при богатствѣ наивныхъ поэтическихъ образовъ, не чужды прозаическихъ выраженій и слабыхъ мѣстъ, и только очень немногія, и то не вполнѣ, удовлетворяютъ болѣе или менѣе богатствомъ содержанія при силѣ выраженія. Изъ поэтовъ, только Мерзляковъ, и то въ одной только пѣснѣ, и то не вполнѣ, умѣлъ приблизиться къ языку народному безъ изысканности, народному не внѣшнимъ только образомъ, но и внутренно; умѣлъ сохранить силу чувства и избѣжать будуарной сантиментальности романса, — въ пѣснѣ: «Чернобровый, черноглазый». По крайней мѣрѣ, слѣдующіе стихи изъ этой пѣсни нельзя не признать удивительными:

Воетъ сыръ-боръ за горою,
Мятелица въ полѣ;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога....

Кольцовъ, напротивъ, никогда не проговаривается противъ народности, ни въ чувствѣ, ни въ выраженіи. Чувство его всегда глубоко, сильно, мощно, и никогда не впадаетъ въ сантиментальность, даже и тамъ, гдѣ оно становится нѣжнымъ и трогательнымъ. Въ выраженіи, онъ также вѣренъ русскому

духу. Даже въ слабыхъ его пѣсняхъ никогда не найдете фальшиваго русскаго выраженія; но лучшія его пѣсни представляютъ собою изумительное богатство самыхъ роскошныхъ, самыхъ оригинальныхъ образовъ въ высшей степени русской поэзіи. Съ этой стороны, языкъ его столько же удивителенъ, сколько и неподражаемъ. Гдѣ, у кого, кромѣ Кольцова, найдете вы такія обороты, выраженія и образы, какими, напримѣръ, усыпаны, такъ сказать, двѣ пѣсни Лихача-Кудрявича? У кого, кромѣ Кольцова, можно встрѣтить такіе стихи:

Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ.
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря...

На гумнѣ — ни снопа,
Въ закромахъ — ни зерна,
На дворѣ, по травѣ,
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны?

Не держи жь, пусти, дай волюшку
Тамъ опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
Безъ талана — гдѣ таланится,
Молодымъ кудрямъ счастливится.

Отчего жь на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Мы не выбирали этихъ отрывковъ, но брали, что прежде попадалось на глаза. Выписывать все хорошее, значило бы большую часть піесъ Кольцова въ одной и той же книгѣ напечатать вдвойнѣ. И потому, мы не войдемъ въ подробный разборъ отдѣльныхъ піесъ. Скажемъ просто: еслибы Кольцовъ написалъ только такія піесы, какъ Совѣтъ Старца, Крестьянская Пирушка, Размышленіе Поселянина, Два Прощанія, Размолвка, Кольцо, Пѣсня Старика, «Не шуми ты, Рожь», Удалецъ, «Ты не пой, Соловей», Пѣсня Пахаря, «Не на радость, не на счастье», Всякому свой талантъ, Пѣсню о Грозномъ, «Я любила его», «Что онъ ходитъ за мной», «Нынче ночью къ себѣ», — и тогда въ его талантѣ нельзя было бы не признать чего-то необыкновеннаго. Но что же сказать о такихъ піесахъ, какъ Урожай, Молодая Жница, Косарь, Раздумье Селянина, Горькая Доля, Пора любви, Послѣдній поцѣлуй, «Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ», Пѣсня Разбойника, Тоска по волѣ, «Говорилъ мнѣ другъ прощаючись», «Безъ ума безъ разума», Разлука, Разсчетъ съ Жизнію, Перепутье, «Дуютъ вѣтры», Грусть Дѣвушки, Доля Бѣдняка, «Ты прости-прощай», «Разступитесь, лѣса темные», «Какъ здоровъ да молодъ»? — Такія піесы громко говорятъ сами за себя, и кто бы не увидѣлъ въ нихъ огромнаго таланта, съ тѣмъ нечего и словъ тратить—съ слѣпыми о цвѣтахъ не разсуждаютъ. Что же касается до піесъ: Лѣсъ (посвященный памяти Пушкина), Двѣ Пѣсни Лихача-Кудрявича, «Ахъ, зачѣмъ Меня», Измѣна Суженой, Деревенская Бѣда, Бѣгство, Путь, «Что ты спишь мужичокъ», «Въ непогоду вѣтеръ», Дума Сокола, «Свѣтитъ Солнышко», «Такъ и рвется душа», «Много есть у меня», «Не весна тогда», Хуторокъ и Ночь—эти піесы принадлежатъ не только къ лучшимъ піесамъ Кольцова, но и къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній русской поэзіи. Мы не говоримъ уже о неподражаемомъ превосходствѣ собственно лирическихъ пѣсень — талантъ

Кольцова былъ попреимуществу лирическій, но не можемъ не указать на повѣствовательный характеръ піесъ: Измѣна Суженой, Деревенская Бѣда, Бѣгство, Обѣ пѣсни Лихача-Кудрявича, и на страстно-драматическій характеръ піесъ: Хуторокъ и Ночь.

Почти всѣ пѣсни Кольцова писаны правильнымъ размѣромъ; но этого вдругъ не замѣтишь, а если замѣтишь, то не безъ удивленія. Дактилическое окончаніе ямбовъ и хореевъ и полуриѳма, вмѣсто риѳмы, а часто и совершенное отсутствіе риѳмы, какъ созвучія слова, но, взамѣнъ, всегда риѳма смысла, или цѣлаго реченія, цѣлой соотвѣтственной фразы — все это приближаетъ размѣръ пѣсень Кольцова къ размѣру народныхъ пѣсень. Кольцовъ не имѣлъ яснаго понятія о версификаціи, и руководствовался только своимъ слухомъ. И потому, безъ всякаго старанія и даже совершенно безсознательно умѣлъ онъ искусно замаскировать правильный размѣръ своихъ пѣсень, такъ-что его и не подозрѣваешь въ нихъ. Притомъ онъ придалъ своему стиху такую оригинальность, что и самые ихъ размѣры кажутся совершенно оригинальными. И въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ другомъ, подражать Кольцову невозможно: легче сдѣлаться такимъ же, какъ онъ, оригинальнымъ поэтомъ, нежели въ чемъ-нибудь поддѣлаться подъ него. Съ нимъ родилась его поэзія, съ нимъ и умерла ея тайна.

Нѣкоторыя пѣсни Кольцова положены на музыку многими нашими композиторами. Жаль, что это большею частію не лучшія его пѣсни, что произошло, вѣроятно, оттого, что пѣсни Кольцова были доселѣ разсѣяны во множествѣ періодическихъ изданій. Теперь, выходомъ въ свѣтъ этой книги, музыкальному таланту предоставляется прекрасное поприще для состязанія съ поэтическимъ талантомъ. Русскіе звуки поэзіи Кольцова должны породить много новыхъ мотивовъ національной русской музыки. И придетъ время, когда пѣсни Кольцова

пройдутъ въ народъ и будутъ пѣться на всемъ пространствѣ безпредѣльной Руси, какъ нѣкогда пройдутъ въ народъ и будутъ заучены имъ наизустъ басни Крылова...

Къ третьему разряду произведеній Кольцова принадлежатъ думы—особый и оригинальнный родъ стихотвореній, созданный имъ.

Эти думы далеко не могутъ равняться въ достоинствѣ съ его пѣснями; нѣкоторыя изъ нихъ даже слабы, и только немногія прекрасны. Въ нихъ онъ силился выразить порыванія своего духа къ знанію, силился разрѣшить вопросы, возникавшіе въ его умѣ. И потому въ нихъ естественно представляются двѣ стороны: вопросъ и рѣшеніе. Въ первомъ отношеніи, нѣкоторыя думы прекрасны, какъ напримѣръ: Великая Тайна, Неразгаданная Истина, Молитва, Вопросъ. Такъ, напримѣръ, что можетъ-быть прекраснѣе этихъ стиховъ, проникнутыхъ глубокою мыслію, выраженною поэтически и страстно:

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

Но во второмъ отношеніи, эти думы, естественно, не могутъ имѣть никакого значенія. Сильный, но неразвитый умъ, томясь великими вопросами, и чувствуя себя не въ силахъ разрѣшить ихъ, обыкновенно старается успокоить себя или какою-нибудь риторическою фразою о высшемъ мірѣ, или ироническою выходкою противъ слабости ума человѣческаго,

какъ, напримѣръ, сдѣлалъ это Кольцовъ въ думѣ: Неразгаданная Истина, которая оканчивается такъ:

Подсѣку жь я крылья
Дерзкому сомнѣнью,
Прокляну усилья
Къ тайнамъ провидѣнья.
Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу,
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

Это случалось и случается и съ великими мыслителями, когда они брались или берутся за вопросы выше ихъ времени, или выше ихъ самихъ. Кольцовъ, съ его вопросами, не могъ быть ни въ какихъ отношеніяхъ ни съ какимъ вѣкомъ: они были важны только для него, и тѣмъ труднѣе было ему рѣшать ихъ. Но самый вопросъ излагается у него часто съ необыкновенною поэзіею, доходящею до высокаго (sublime); чтобы убѣдится въ этомъ, стоитъ только прочесть его Великую Тайну. Несмотря на мистическую темноту выраженія, которая иногда доходитъ до рѣшительной безсмыслицы, какъ, напримѣръ, въ трехъ первыхъ стихахъ думы «Божій Міръ», и естественная причина которой была та, что поэтъ больше ощущалъ и чувствовалъ, или, лучше сказать, больше предощущалъ и предчувствовалъ сердцемъ, нежели сознавалъ умомъ то, что̀ хотѣлъ выразить словомъ, — несмотря на эту мистическую темноту, почти во всѣхъ его думахъ есть поэзія, и мысли, и выраженія. Многіе осуждали Кольцова за этотъ родъ стихотвореній, видя въ нихъ претензіи полуграмотнаго прасола на философское умничанье. Да если вспомнить, мало ли за что̀ не осуждали Кольцова эти «многіе» — даже за то, что въ бесѣдахъ онъ сидѣлъ не все молча, но иногда осмѣливался высказывать свое мнѣніе о предметѣ общаго разговора. Этою строгостію къ Кольцову особенно отличались умные и обра-

зованные люди, книжники, литераторы, полулитераторы и литературщики. И подѣломъ ему: какъ было смѣть ему, безграмотному мѣщанину, удостоенному, за его талантъ, чести быть принятымъ въ общество умныхъ людей, — какъ было ему, при нихъ, «смѣть свое сужденіе имѣть!»... Люди съ книжнымъ, вычитаннымъ умомъ, съ готовыми сужденіями о чемъ угодно, никогда не поймутъ, чтобы человѣкъ съ высшею натурою, но обдѣленный образованіемъ, могъ, на своемъ странномъ языкѣ, вслухъ выговаривать то, что̀ глубоко запало въ его душу и сильно заняло его умъ; никогда не растолкуете вы имъ, что такой человѣкъ и ошибается-то лучше, нежели какъ они говорятъ дѣло, потому что онъ ошибается по своему, а они говорятъ чужое . . .

Особенное достоинство «думъ» Кольцова заключается въ ихъ чисто-русскомъ, народномъ языкѣ. Кольцовъ не по кокетству таланта, а по необходимости прибѣгалъ къ этому складу. Въ своихъ «думахъ», Кольцовъ — русскій простолюдинъ, ставшій выше своего сословія на столько, чтобы только увидѣть другую, высшую сферу жизни, но не на столько, чтобы овладѣть ею, и самому совершенно отрѣшиться отъ своей прежней сферы. И потому, онъ по необходимости говоритъ ея понятіями и ея языкомъ объ увидѣнной имъ вдали сферѣ другихъ, высшихъ понятій; но потому же онъ въ своихъ думахъ искрененъ и истиненъ до наивности,—что и составляетъ главное ихъ достоинство. Хотя пѣсни Кольцова были бы понятны и доступны для нашего простаго народа, но все же онѣ были бы для него гораздо высшею школою поэзіи, а слѣдовательно, чувствъ и понятій, нежели поэзія народныхъ пѣсень, — и потому, были бы очень полезны для нравственнаго и эстетическаго его образованія. Такимъ же точно образомъ, думы Кольцова, изложенныя образами и складомъ чисто-русскими, и представляющія собою первую высшую ступень простаго русскаго человѣка

въ стремленіи къ нравственно-идеальному развитію, — были бы очень полезны для избранныхъ натуръ въ простомъ народѣ.

Мистическое направленіе Кольцова, обнаруженное имъ въ думахъ, не могло бы у него долго продолжиться, еслибъ онъ остался живъ. Этотъ простой, ясный и смѣлый умъ не могъ бы долго плавать въ туманахъ неопредѣленныхъ представленій. Доказательствомъ этому служитъ его превосходная дума «Не время ль намъ оставить», написанная имъ менѣе, нежели за годъ до смерти. Въ ней виденъ рѣшительный выходъ изъ тумановъ мистицизма и крутой поворотъ къ простымъ созерцаніямъ здраваго разсудка.

Теперь намъ остается сказать слова два о редакціонной части изданія сочиненій Кольцова. Мы расположили его сочиненія по годамъ и раздѣлили ихъ на два отдѣла. Въ первомъ помѣстили мы одно лучшее, избранное, не нарушая однако же хронологической послѣдовательности, — и потому, въ этомъ отдѣлѣ сперва идутъ піесы перваго періода поэтическихъ опытовъ Кольцова, которыя, естественно, слабѣе послѣдующихъ, которыя занимаютъ собою средину и большую часть отдѣла; а въ концѣ его, по той же причинѣ, рѣшились мы помѣстить и четыре послѣднія стихотворенія, довольно слабыя и написанныя Кольцовымъ уже не задолго до смерти, во время тяжкой болѣзни, въ мучительныхъ обстоятельствахъ. Изъ нихъ, стихотвореніе «На новый 1842-й годъ» имѣетъ свой интересъ, какъ скорбное предчувствіе поэта — увы! слишкомъ вѣрно сбывшееся; остальныя же три — какъ послѣдніе, уже замирающіе звуки еще недавно громкаго, мощнаго и гармоническаго голоса... Думы помѣстили мы отдѣльно, непосредственно послѣ пѣсень, и не отдѣлили лучшихъ изъ нихъ отъ слабыхъ, потому что эти піесы слишкомъ тѣсно слиты съ личностію Кольцова и интересны болѣе какъ факты его внутренней

жизни, нежели какъ поэтическія произведенія, хотя нѣкоторыя изъ нихъ прекрасны и съ этой точки зрѣнія, какъ напримѣръ: Великая Тайна, Могила, «Не время ль намъ оставить». Такимъ образомъ, изъ 125 піесъ, въ первомъ отдѣлѣ помѣщено 79 піесъ. Остальныя 46 стихотвореній мы напечатали въ особомъ отдѣлѣ, въ видѣ приложенія. Между ними есть много слабыхъ, даже очень слабыхъ; но нѣтъ ни одного, которое не имѣло бы хотя относительнаго интереса или замѣчательною степенью одушевленія, даже страсти, или оригинальною мыслію, или счастливыми оборотами выраженій, или, наконецъ, болѣе или менѣе любопытнымъ отношеніемъ къ жизни и личности автора. Нѣкоторыя изъ стихотвореній этого отдѣла были бы даже очень недурны, если бы отзывались большею зрѣлостію и выдержанностію. Таковы, напримѣръ, піесы: «Если встрѣчусь съ тобой», Теремъ, «По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ», Домикъ Лѣсника, Размышленіе Поселянина, Глаза, Два Прощанія, Бѣдный Призракъ, Товарищу, «Не скажу никому», «Гдѣ вы, дни мои».

Такъ же, въ видѣ приложенія, рѣшились мы, при собраніи стихотвореній Кольцова, напечатать Мысли о музыкѣ, статью друга его Серебрянскаго. Это единственный оставшійся послѣ Серебрянскаго литературный памятникъ, погребенный въ одномъ малоизвѣстномъ и притомъ старомъ уже журналѣ. Мы увѣрены, что отношенія Серебрянскаго къ Кольцову, равно какъ и достоинства статьи, которая сама такъ похожа на музыкальное произведеніе, вполнѣ оправдываютъ ея помѣщеніе въ книгѣ сочиненій Кольцова.

СТИХОТВОРЕНІЯ

КОЛЬЦОВА.

РАЗМОЛВКА.

Теперь яснѣй
Ужь вижу я:
Огонь любви
Давно потухъ
Въ груди твоей.
Бывало ты —
Сестра и другъ;
Бывало ты —
Совсѣмъ не та̀!
А нынче — грѣхъ
И вымолвить,
Какъ ты со мной
Суха, дика
И сумрачна!
Незванный гость,
Долой съ двора!
Немилый другъ.
Не знай меня!

Ахъ, радъ не радъ —
Пришлось и мнѣ
Сказать съ слезой:
Прости, прощай,
Любезный другъ
И недругъ мой!

ПУТНИКЪ.

Сгустились тучи, вѣтеръ вѣетъ,
Трава пустынная шумитъ;
Какъ черный пологъ, ночь виситъ,
И даль пространная чернѣетъ;
Лишь тамъ, въ дали степи обширной,
Какъ тайный лучъ звѣзды призывной,
Зажженъ случайною рукой,
Горитъ огонь во тьмѣ ночной.
Унылый путникъ, запоздалый
Одинъ среди глухихъ степей,
Плетусь къ ночлегу; на своей
Клячонкѣ тощей и усталой
Держу я путь къ тому огню;
Ему я радъ, какъ счастья дню.
И кто такъ пристально, средь ночи,
Вперялъ на дѣву страстны очи,
Кто, не смыкая зоркихъ глазъ,
Кто такъ стерегъ условный часъ,
Какъ я, съ походною торбою,
Трясясь на клячѣ чуть живой,
Встрѣчалъ огонь во тьмѣ ночной?

То нашъ очагъ горитъ звѣздою,
То спѣетъ каша степняка,
Подъ пѣснь родную чумака!...

ЛЮДИ ДОБРЫЕ, СКАЖИТЕ.

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Гдѣ мой милый? Вы молчите!
Злую ль тайну вы храните?

За далекими ль горами
Онъ живетъ одинъ, тоскуя?
За степями ль, за морями
Счастливъ съ новыми друзьями?

Вспоминаетъ ли порою:
Чья любовь къ нему до гроба?
Иль, забывъ меня, съ другою
Связанъ клятвой вѣковою?

Иль ужь ранняя могила
Приняла его въ объятья?
Чья жь слеза ее кропила?
Чья душа о немъ грустила?

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Гдѣ мой милый? Вы молчите!
Злую тайну вы храните!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Что̀ душу въ юности плѣнило,
Что̀ сердце въ первый разъ
Такъ пламенно, такъ нѣжно полюбило —
И полюбило не на часъ,
То все я силюся предать забвенью,
И сердцу пылкому и страстному томленью
Хочу другую цѣль найтить,
Хочу другое также полюбить!
Напрасно все: тѣнь прежней милой
Нельзя забыть!
Уснешь — непостижимой силой
Она тихонько къ ложу льнетъ,
Печально руку мнѣ даетъ,
И сладкою мечтой вновь сердце очаруетъ,
И очи томныя къ моимъ очамъ прикуетъ!...
И вновь любви привѣтный гласъ
Я внемлю страждущей душою...
Когда жь ударитъ часъ
Забвенья о тебѣ, иль вѣчности съ тобою?...

СОВѢТЪ СТАРЦА.

Скучно съ жизнью старческой,
Скучно, други, въ мірѣ жить;
Грустно, среди пиршества,
О могилѣ взгадывать,
И съ сѣдою мудростью
Къ ней, наморщась, двигаться

Поспѣшайте жь, юноши,
Наслаждаться жизнію!
Отпируйте въ радости
Праздникъ вашей юности!
Много ль разъ роскошная,
Въ годъ, весна является?
Много ль разъ долинушку
Убираетъ зеленью?
Муравою бархатной.
Парчой раззолоченой?
Не одно ль мгновеніе
И веснѣ и юности?

КЪ НЕЙ.

Опять тоску, опять любовь
Въ моей душѣ ты заронила,
И прежнее, былое вновь
Привѣтнымъ взоромъ оживила.
Ахъ! для чего мнѣ пламенѣть
Любовью сердца безнадежной?
Мой кроткій ангелъ, другъ мой нѣжный,
Не мой удѣлъ тобой владѣть!
Но я любимъ, любимъ тобою!
О, для чего же намъ судьбою
Здѣсь не даны въ удѣлъ благой,
На зло надменности людской,
Иль счастье, иль одна могила!
Ты жизнь моя, моя ты сила!...
Горю огнемъ любви святымъ,

Довѣрься жь, хоть на мигъ, моимъ
Объятіямъ! я не нарушу
Священныхъ клятвъ — ихъ грудь хранитъ,
И, вѣрь, страдальческую душу
Преступное не тяготитъ...

КОЛЬЦО.

Я затеплю свѣчу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.

Безъ него, для меня
Ты не надобно;
Безъ него, на рукѣ —
Камень на сердцѣ.

Что взгляну, то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горькимъ горемъ слезъ.

Возвратится ли онъ?
Или вѣсточкой
Оживитъ ли меня
Безутѣшную?

Нѣтъ надежды въ душѣ. . .
Ты разсыпься же
Золотой слезой,
Память милова!

Невредимо, черно,
На огнѣ кольцо,
И звенитъ по столу
Память вѣчную.

ПѢСНЯ СТАРИКА.

Осѣдлаю коня,
Коня быстрова,
Я помчусь, полечу
Легче сокола,

Чрезъ поля, за моря,
Въ дальню сторону:
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь — и являюсь
Прежнимъ молодцомъ,
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ!

Но, увы, нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному!
Никогда не взойдетъ
Солнце съ запада!

ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ;
Ну! тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну! тащися сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка —
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

ПѢСНЯ.

Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ;
Улети ты въ лѣса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-дѣвицы;
Прощебечь нѣжно ей
Про мою тоску...

Ты скажи, какъ безъ ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Передъ осенью.

Безъ нея, ночью, мнѣ
Мѣсяцъ сумраченъ;
Среди дня, безъ огня
Ходитъ солнышко.

Безъ нея, кто меня
Приметъ ласково?
На чью грудь, отдохнуть,
Склоню голову?

Безъ нея, на чью рѣчь
Улыбнуся я?
Чья мнѣ пѣснь, чей привѣтъ
Будетъ по сердцу?

Чтожь поешь, соловей,
Подъ моимъ окномъ?
Улетай, улетай
Къ душѣ-дѣвицѣ!

УДАЛЕЦЪ.

Мнѣ ли, молодцу,
Разудалому,
Зиму-зимскую
Жить за печкою?

Мнѣ ль поля пахать?
Мнѣ ль траву косить,
Затоплять овинъ,
Молотить овесъ?

Мнѣ поля — не другъ,
Коса — мачиха,
Люди добрые —
Не сосѣди мнѣ.

Еслибъ молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатный ножъ,
Да темны лѣса!

Снаряжу коня,
Наточу булатъ,
Затяну чекмень,
Полечу въ лѣса:

Стану въ тѣхъ лѣсахъ
Вольной волей жить,
Удалой башкой
Въ околоткѣ слыть.

Съ кѣмъ дорогою
Сойдусь, съѣдусь ли —
Всякой молодцу
Шапку до земли!

Оберу купца,
Убью встречнаго,
Мужика - глупца,
За желѣзный грошъ!

Но не грѣхъ ли мнѣ
Будетъ отъ Бога
Обижать людей
За ихъ доброе?

Въ церкви попъ Иванъ
Міру гуторитъ,
Что душой за кровь
Злодѣй платится...

Лучше жь воиномъ,
За царевъ законъ,
За крещеный міръ,
Сложить голову!...

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ.

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь!
Прочилъ молодецъ,
Прочилъ доброе,
Не своей душѣ —
Душѣ-дѣвицѣ.
Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи, полныя
Полюбовныхъ думъ!
И тѣ ясныя
Очи стухнули,
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна дѣвица!
Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи
Легла на сердце
Дума черная!

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПИРУШКА.

Ворота тесовы
Растворилися,
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись;
Со двора повели

Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ Святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные,
На сосновыхъ скамьяхъ,
Сѣли званые.
На столахъ, куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя.

Бахрамой, кисеёй
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подругъ
Съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ
Чашу горькова.
Самъ хозяинъ, за ней,
Брагой хмѣльною
Изъ ковшей вырѣзныхъ
Ро́дныхъ подчуетъ;
А хозяйская дочь
Медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ,
Съ лаской дѣвичей.

Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ:
Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку:

Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ урóдитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись;
Призатихъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ;
Отъ воротъ поворотъ
Видѣнъ по снѣгу.

УРОЖАЙ.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелится:

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ;

Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась —
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...

Ополчается —
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой радугой;

Ополчилася —
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся;

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали —
Богу-Господу
Помолилися;

Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчёсывать...

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что̀ послалъ Господь
За труды людямъ:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли.

Словно божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается;

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...

Люди се́мьями
Принялися жать,
Косить по́дъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко —
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

ЦВѢТОКЪ.

Природы милое творенье,
Цвѣтокъ, долины украшенье,
На мигъ взлелѣянный весной,
Безвѣстенъ ты въ степи глухой!

Скажи: зачѣмъ же такъ алѣешь,
Росой заискрясь, пламенѣешь,
И дышишь чѣмъ-то какъ живымъ.
Благоуханнымъ и святымъ?

Ты для кого въ степи широкой,
Ты для кого отъ селъ далеко?
Не для крылатыхъ ли друзей,
Поющихъ въ воздухѣ степей?

Для нихъ ли, въ роскоши, семьями,
Румяной ягодой, цвѣтами,
И обаяньемъ для души,
Вы, травы, зрѣете въ тиши?

О, пой, косарь! зови пѣвицу,
Подругу, красную дѣвицу,
Пока еще, шумя косой,
Не тронулъ ты травы степной!

МОЛОДАЯ ЖНИЦА.

Высоко стоитъ
Солнце на небѣ,
Горячо печетъ
Землю-матушку.
Душно дѣвицѣ,
Грустно на̀ полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи.
Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горитъ-гормо все
Лицо бѣлое.
Голова со плечь
На грудь клонится,
Колосъ срѣзанный
Изъ рукъ валится...
Неспроста-ума
Жница жнетъ — не жнетъ,

Глядитъ въ сторону,
Забывается.
Охъ, болитъ у ней
Сердце бѣдное,
Заронилось въ немъ
Небывалое!
Она шла вчера —
Нерабочимъ днемъ,
Лѣсомъ шла-себѣ
По малинушку;
Повстрѣчался ей
Добрый молодецъ;
Ужь не въ первый разъ
Повстрѣчался онъ.
Повстрѣчается
Будто нехотя,
И стоитъ, глядитъ
Какъ-то жалобно.
Онъ вздохнулъ, запѣлъ
Пѣсню грустную —
Далеко въ лѣсу
Раздалась та пѣснь;
Глубоко въ душѣ
Красной дѣвицы
Озвалась она
И запала въ ней...
Душно, жарко ей,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи...

ПѢСНЯ.

Перстенечикъ золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Свѣтлой памятью любви,
Въ очи черныя гляди.

Если грустно будетъ ей —
Ты потускни, почернѣй;
Если радость — измѣнись,
Весь алмазомъ разгорись!

День забвенья ли придетъ,
Душа чувство изживетъ:
Тогда, перстень золотой,
Почернѣй ты самъ-собой!

КОСАРЬ.

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.
У меня ль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая —

Моей матушки.
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную;
Кудри чорныя
Лежатъ скобкою;
Что работаю —
Все мнѣ спорится;
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью,
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку —
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Я ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачомъ слыветъ?
Пускай домъ его —
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо бѣлое,
Заря алая —

Щеки полныя,
Глаза темные
Свели молодца
Съ ума-разума. . .
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера. . .
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью! . . .

Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее —
И прости-прощай
Село ро́дное!
Не плачь, Грунюшка:
Косой вострою
Не подрѣжусь я. . .
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края далніе
Пойдетъ молодецъ.
Что внизъ по̀ Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой

Разстилается!...
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ Морю-Чорному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ
Съ ней хотѣлося...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошоная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохните,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, молодецъ!

Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ —
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь въ село —
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью —
Такъ разжалоблю
Золотой казной!...

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря...

Вмѣстѣ съ бѣдностью,
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ —
Силу крѣпкую;

Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

ЛѢСЪ.

(Памяти А. С. Пушкина).

Что дремучій лѣсъ
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?

Что Бова-силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,

Ты стоишь — поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ —
И развѣялъ въ прахъ.

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь — поникъ,
И не ратуешь.

Гдѣ жь дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было,
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...

У тебя ль, было,
Дни — роскошество,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ —

Распахнетъ она
Тучу чорную,
Обоймѣтъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ,

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!»

Закружитъ она,
Разыграется,
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься —

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...

Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за̀ море.

Гдѣ жь теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился;

Одичалъ, замолкъ —
Только, въ непогодь,
Воешь жалобу
На безвременье...

Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули;

Съ богатырскихъ плечь
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломенкой...

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ.

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла,
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась;

От кручины-думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Что любилъ, какъ душу —
И то измѣнило.

Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ,
Солнце — сожигаетъ.

До поры, до время,
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечь долой свалился!

Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь:
Разойдусь съ бѣдою —
Съ горемъ повстрѣчаюсь!

На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ:
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ — гніетъ...

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ

ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Съ радости-веселья
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.

Ихъ не гребень чешетъ —
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольцы
Молодецка удаль.

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.

Чего душа хочетъ —
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.

Что шутя задумалъ —
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями —
Въ одинъ мигъ поспѣло.

Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
А что̀ худо — смотришь,
По водѣ поплыло!

Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ чорными бровями!

Во время, да въ пору,
Медомъ рѣчи льются;
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.

Про тѣ рѣчи, пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ —
И о кудряхъ зиму
Ночь не спятъ, гадаютъ.

Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется —
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!

Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой —
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, браво!

ВТОРАЯ ПѢСНЯ

ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются;
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся.

Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота;
Полюбитъ забота —
Не чешетъ и гребень!

Не родись въ сорочкѣ,
Не родись таланливъ:
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ.

Вѣкъ прожить — не поле
Пройдти за сохою;
Кручину, что тучу —
Не уноситъ вѣтромъ.

Зла бѣда, не буря —
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору.

Отъ ея напасти
Не уйдти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ;

Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ...

И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое:
Все — изъ рукъ вонъ — плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.

То — скосило градомъ,
То — сняло пожаромъ;
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ...

Къ старикамъ на сходку
Выйдти приневолятъ —
Старыя лаптишки
Безъ онучь обуешь,

Кафтанишка рваный
Нà плечи натянешь,
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь,

Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи...
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья.

ПОРА ЛЮБВИ.

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полнымъ-полна;
Поютъ онѣ и день и ночь.
То пѣсенки чудесныя!
Ихъ слушаетъ красавица,
И смысла въ нихъ не вѣдаетъ,
Въ душѣ своей не чувствуетъ,
Что пѣсни тѣ волшебныя:
Въ нихъ сила есть любовная...
Любовь — огонь; съ огня — пожаръ...
Не слушай ихъ, красавица,

Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
Спокоенъ, тихъ до утра-дня!
Какъ-разъ бѣду наслушаешь:
Въ цвѣту краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорѣй платка износится.

Стоитъ она, задумалась,
Дыханьемъ чаръ овѣяна;
Запала въ грудь любовь-тоска,
Нейдетъ съ души тяжолый вздохъ;
Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ;
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ — туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря...

Весной, въ рѣкѣ, при мѣсяцѣ,
Поитъ коня дѣтинушка;
Самъ думаетъ онъ думушку
Про дѣвицу завѣтную:
«Четвертый годъ, какъ я люблю
Меньшую дочь сосѣдскую;
Пойдешь за ней на улицу,
Затѣешь рѣчь сторонкою —
Такъ, нѣтъ, куда! сидитъ, молчитъ...
Пошлешь къ отцу посвататься —
Сѣдой старикъ спѣсивится:
Нельзя никакъ — жди череду.

«Болитъ моя головушка,
Щемитъ въ груди ретивое,
Печаль моя всесвѣтная;

Пришла бѣда незваная,
Какъ съ плечь свалить — не знаю самъ.
И сила есть — да воли нѣтъ;
Наружѣ кладъ — да взять нельзя:
Заклялъ его обычай нашъ;
Ходи, гляди, да мучайся,
Толкуй съ башкой порожнею...

«Возьму жь я ржи двѣ четверти,
Поѣду жь я на мельницу;
Про мельника слухъ носится,
Что мастеръ онъ присушивать.
Скажу ему: Иванъ Кузмичъ!
Къ тебѣ нужда есть кровная;
Возьми съ меня, что хочешь ты,
Лишь сдѣлай мнѣ — по-своему».

Въ селѣ, весной, при мѣсяцѣ,
Спокойно спитъ крещоной міръ;
Вдоль улицы нашъ молодецъ
Идетъ самъ-другъ съ сосѣдкою;
Промежъ себя ведутъ они
О чемъ-то рѣчь хорошую.
Даетъ онъ ей съ руки кольцо —
У ней беретъ себѣ въ обмѣнъ;
А не былъ онъ на мельницѣ,
Иванъ Кузмичъ не грѣшенъ тутъ.

Ахъ, степь, ты степь зеленая,
Вы, пташечки пѣвучія,
Разнѣжили вы дѣвицу.

Отбили хлѣбъ у мельника!
У васъ весной присуха есть,
Сильнѣй присухъ нашоптанныхъ...

ПѢСНЯ.

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилова —
Мужа старова?

Небось весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія!

Небось весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье-бытье
Горемышное!

Небось сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великой день;

Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ — печаль,
На душѣ — тоску!

Поздно, ро́дные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть изъ-за моря
Корабли плывутъ,
Пущай золото
На полъ сыплется:

Не рости травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу!

ПОСЛѢДНІЙ ПОЦѢЛУЙ.

Обойми, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ, поскорѣй,
Поцѣлуй горячѣй.
Что печально глядишь?
Что̀ на сердцѣ таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Изъ очей слезъ не лей;
Мнѣ не надобно ихъ,
Мнѣ не нужно тоски...

На полгода всего
Мы разстаться должны;

Есть за Волгой село
На крутомъ берегу:
Тамъ отецъ мой живетъ,
Тамъ родимая мать
Сына въ гости зоветъ;
Я поѣду къ отцу,
Поклонюся родной —
И согласье возьму
Обвѣнчаться съ тобой.

Мучитъ душу мою
Твой печальный уборъ:
Для чего ты въ него
Нарядила себя?
Разрядись, уберись
Въ свой нарядъ голубой,
И на плечи накинь
Шаль съ каймой расписной;
Пусть пылаетъ лицо,
Какъ поутру заря,
Пусть сіяетъ любовь
На устахъ у тебя!
Какъ мнѣ мило теперь
Любоваться тобой!
Какъ весна, хороша
Ты, невѣста моя!
Обойми жь, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ, поскорѣй,
Поцѣлуй горячѣй!

ИЗМѢНА СУЖЕНОЙ.

Жарко въ небѣ солнце лѣтнее,
Да не грѣетъ меня молодца!
Сердце замерло отъ холода,
Отъ измѣны моей суженой.

Пала грусть-тоска тяжолая
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

Я пошелъ къ людямъ за помочью:
Люди съ смѣхомъ отвернулися;
На могилу къ отцу, матери —
Не встаютъ они на голосъ мой.

Замутился свѣтъ въ глазахъ моихъ,
Я упалъ въ траву безъ памяти...
Въ ночь глухую, буря страшная
На могилѣ подняла меня...

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
Безъ дороги въ путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться...

ПѢСНЯ.

Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ
Травку колыхаетъ,
Путь, мою дорогу
Пылью покрываетъ.

Выходи жь ты, туча,
Съ страшною грозою,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой темнотою.

Мо́лодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ —
Безъ пути, безъ свѣта ,
Свою долю сыщетъ.

Что̀ ему дорога,
Тучи громовыя,
Какъ придутъ по сердцу
Очи голубыя !

Что̀ ему на свѣтѣ
Доля нелюдская,
Когда его любитъ
Она̀, молодая !

ДЕРЕВЕНСКАЯ БѢДА.

На селѣ своемъ жилъ молодецъ,
Ничего не зналъ, не вѣдывалъ —
Со друзьями гулялъ, бражничалъ,
По всему селу роскошничалъ.

Въ день воскресный, съ утра до ночи,
Въ хороводѣ пѣсни игрывалъ;
Вмѣстѣ съ дѣвицей-красавицей
Пляски новыя выдумывалъ.

Полюбилъ я эту дѣвушку:
Что душою — больше разумомъ,
Больше поступью павлиною,
Да что рѣчью соловьиною...

Какъ бывало, лѣтомъ, съ улицы,
Мы пойдемъ съ ней рука-объ-руку
До двора ея богатова,
До крыльца ея высокова;

Да какъ гляну, противъ зорюшки,
На ея глаза — бровь чорную,
На ея лицо — грудь бѣлую,
Всю монистами покрытую —

Аль ни потъ съ лица посыпится;
Аль ни въ грудь душа застукаетъ;
Мѣсяцъ въ облака закроется,
Звѣзды мелкія попрячутся...

Такъ, за полночь съ нею сидючи,
По душѣ мы рѣчь затѣяли:
Поцалуями помолвились,
Другъ за другомъ быть условились.

На погибель мою, староста
За сынка впередъ посватался,
И его казна несмѣтная
Повернула все по-своему.

Тошно, грустно было на сердцѣ —
Какъ изъ церкви мою милую,
При народѣ, взялъ онъ за руку,
Съ похвальбою поклонился мнѣ.

Тошно, грустно было на сердцѣ —
Какъ онъ съ нею, вдоль по улицѣ,
Что есть духу поскакалъ, злодѣй,
Къ своему двору широкому.

Я стоялъ, глядѣлъ, задумался;
Снявши шапку — хватилъ объ землю,
И пошолъ-себѣ загуменьемъ —
Подъ его окошки красныя.

Тамъ огни горятъ; тамъ дѣвушки
Поютъ пѣсни; тамъ товарищи
Пьютъ, играютъ, забавляются;
Съ молодыми всѣ цалуются.

Вотъ приходитъ полночь мертвая
Разошлися гости пьяные,
Добры молодцы разъѣхались,
И ворота затворилися...

Въ эту пору, для пріятеля,
Заварилъ я брагу хмѣльную,
Заигралъ я свадьбу новую,
Что бесѣду небывалую:

Аль ни дымъ пошолъ подъ облаки,
Аль ни пламя закрутилося;
По сосѣдамъ — черезъ улицу—
На мою избушку бросилось.

Гдѣ стоялъ его богатый домъ,
Гдѣ была избушка бѣдная:
Утромъ все съ землей сравнялося —
Только уголья чернѣлися...

Съ той поры я съ горемъ-нуждою
По чужимъ угламъ скитаюся.
За дневной кусокъ работаю,
Кровнымъ пóтомъ умываюся...

ПѢСНЯ РАЗБОЙНИКА.

(Памяти друга, А. П. Серебрянскаго).

Не страшна мнѣ, добру молодцу,
Волга матушка широкая,
Лѣса темные, дремучіе,
Вьюги зимнія, крещенскія...

Ужь какъ было: по темнымъ лѣсамъ
Пировалъ я зимы круглыя;
По чужимъ краямъ, на свой таланъ,
Погулялъ я, поохотился.

А по Волгѣ, моей матушкѣ,
По родимой по кормилицѣ,
Вмѣстѣ съ братьями, за до́бычью
На край свѣта леталъ соколомъ.

Но не Волга, лѣса темные,
Вьюги зимнія, крещенскія,
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь желѣзную...

Въ некрещеномъ, славномъ городѣ,
На крутомъ, высокомъ островѣ,
Живетъ дѣвушка-красавица,
Дочка гостя новгородскаго...

Она въ теремѣ, что зорюшка,
Подъ окномъ сидитъ растворенными:
Поетъ пѣсни задушевныя,
Наши братскія-отцовскія.

«Ахъ, душа ль, моя ты душенька!
Что сидишь ты? что ты думаешь!
Али рѣчь моя не по сердцу?
Али батюшка спѣсивится?...

Не сиди, не плачь; ты кинь отца,
Ты бѣги ко мнѣ изъ терема;
Мы съ тобою птицы вольныя,
Жить поѣдемъ въ Москву красную».

Отвѣчаетъ ему дѣвица:
«За любовь твою, мой милый другъ!
Рада кинуть отца съ матерью;
Но боюсь суда я страшнова!»

Забушуй же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку...

БѢГСТВО.

Ужь какъ гляну я на поле —
Поле чистое дрогнетъ,
Нагуститъ свои туманы,
Въ нихъ одѣнется на ночь.

Я изъ поля въ лѣсъ дремучій —
Лѣшій по лѣсу шумитъ,
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ.

Крикну лѣсу, топну въ берегъ —
Лѣшій за горы уйдетъ,
Съ тихимъ трепетомъ русалка
Въ берегахъ своихъ уснетъ.

Я чрезъ рѣчку, огородомъ,
Всю слободку обойду,
Съ темной полночью глухою
Къ дому барскому приду.

Свистну — въ теремѣ высокомъ
Вмигъ растворится окно;
Подъ окномъ душа-дѣвица
Дожидается давно.

Скучно въ теремѣ весною,
Одинокой горевать;
То ли дѣло, на просторѣ,
Друга къ сердцу прижимать!

Поднимайся, туча-буря
Съ полуночною грозой!
Зашатайся, лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой, —

Чтобъ погони злой бояринъ
Вслѣдъ за нами не послалъ;
Чтобъ я съ милою до свѣта
На Украйну прискакалъ.

Тамъ всего у насъ довольно;
Будетъ гдѣ намъ отдохнуть.
Отъ боярина сокроютъ,
Хату славную дадутъ.

Будемъ жить съ тобой по-пански...
Эти люди — намъ друзья;
Что̀ душѣ твоей угодно,
Все добуду съ ними я!

Будутъ платья дорогія,
Ожерелья съ жемчугомъ;
Наряжайся, одѣвайся
Хоть парчою съ серебромъ!

ПУТЬ.

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, ни ходить...

Кто же держитъ меня,
И что̀ кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до-сихъ-поръ
Не стремлюся я вдаль?

Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась!

По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!

Много слугъ и казны
Подъ замками лежитъ;
И лихой-вороной
Ужь осёдланъ стоитъ.

Да на путь — по душѣ —
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;

Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;

И чтобъ съ горемъ въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель идти —
Пѣсни пѣть соловьемъ!

ТОСКА ПО ВОЛѢ.

Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка;
Ясны очи соколиныя
Не хотятъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ.

Тяжело жить дома съ бѣдностью,
Даромъ хлѣбъ сбирать подъ окнами;
Тяжелѣй того въ чужихъ людяхъ
Быть въ неволѣ, въ одиночествѣ.

Дни проходятъ здѣсь безъ солнышка,
Ночи темныя — безъ мѣсяца;
Бури страшныя, громовыя,
Удалой души не радуютъ.

Гдѣ жь друзья мои — товарищи?
Куда дѣлись? разлетѣлися?
Иль не хочутъ дать мнѣ помочи?
Или голосъ мой разноситъ вѣтръ?

Знать забыли время прежнее,
Какъ, бывало, въ полночь мертвую,
Крикну, свистну имъ изъ-за лѣса —
Аль ни темный лѣсъ шелохнется...

И они, мои товарищи,
Соколья, орлы могучіе,
Всѣ въ одинъ кругъ собираются,
Погулять ночь, пороскошничать.

А теперь, какъ крылья быстрыя
Судьба злая мнѣ подрѣзала:
И друзья, мои товарищи,
Одново меня всѣ кинули...

Гой ты, сила пододонная!
Отъ тебя я службы требую —
Дай мнѣ волю, волю прежнюю,
А душой тебѣ я кланяюсь...

---

* * *

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работàютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Чтò ты былъ? и чтò сталъ?
И чтò есть у тебя?

На гумнѣ — ни снопа,
Въ закромахахъ — ни зерна;
На дворѣ, по травѣ —
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой, —

Со двора и гумна,
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему,
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ нескошенъ стоитъ.
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужь лѣто прошло,
Вѣдь ужь осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

ХУТОРОКЪ.

За рѣкой, на горѣ,
Лѣсъ зеленый шумитъ;
Подъ горой, за рѣкой,
Хуторочекъ стоитъ.

Въ томъ лѣсу соловей
Громко пѣсни поетъ;
Молодая вдова
Въ хуторочкѣ живетъ.

Въ эту ночь-полуночь
Удалой молодецъ
Хотѣлъ быть, навѣстить
Молодую вдову...

На рѣкѣ рыболовъ
Поздно рыбу ловилъ;
Погулять, ночевать
Въ хуторочекъ приплылъ.

«Рыболовъ мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекоръ дома сидитъ —
Онъ не любитъ тебя.

Не сердися, плыви,
Въ свой рыбачій курень;
Завтра жь, другъ мой, съ тобой
Гулять рада весь день».

—Сильный вѣтеръ подулъ,
А ночь будетъ темна...
Лучше, здѣсь, на рѣкѣ,
Я просплю до утра. —

Опознился купецъ
На дорогѣ большой;
Онъ свернулъ ночевать
Ко вдовѣ молодой.

«Милый купчикъ-душа!
Чѣмъ тебя мнѣ принять...
Не топила избы,
Нѣту сѣна, овса.

Лучше къ куму въ село
Поскорѣе ступай;
Только, завтра, смотри
Погостить заѣзжай!»

— До села далеко;
Конь усталъ мой совсѣмъ;
Есть свой кормъ у меня:
Не печался о немъ.

Я вчера въ городкѣ
Долго былъ — все купилъ;
Вотъ подарокъ тебѣ,
Что давно посулилъ. —

«Не хочу я его!...
Боль головушку всю
Разломила на смерть;
Ступай къ куму въ село».

— Эта боль — пустяки!...
Средство есть у меня:
Слова два — заживетъ
Въ-мигъ головка твоя. —

Засвѣтился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогихъ
Столъ готовитъ вдова.

За столомъ, съ рыбакомъ,
Ужь гуляетъ купецъ;
А въ окошко глядитъ
Удалой молодецъ...

«Ты, рыбакъ, пей вино!
Мнѣ съ сестрой наливай!
Если мастеръ — плясать,
Пѣть мы пѣсни давай!

Я съ людями люблю
По-пріятельски жить;
Ваше дѣло — поймать,
Наше дѣло — купить...

Такъ со мною, прошу,
Безъ чиновъ — по рукамъ,
Одну басню твержу
Я всѣмъ добрымъ людямъ:

Горе есть — не горюй,
Дѣло есть — работай;
А подъ случай попалъ —
На здоровье гуляй!»

И пощолъ съ рыбакомъ
Купецъ пѣсни играть,
Молодую вдову
Обнимать, цѣловать.

Не стерп лъ удалой,
Загорѣлась душа!
И — какъ глазомъ моргнуть —
Растворилась изба...

И съ тѣхъ поръ, въ хуторкѣ,
Никого не живетъ;
Лишь одинъ соловей
Громко пѣсни поетъ...

ПѢСНЯ.

Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ.

Горемышной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдыхъ волосъ любовью
Душа не согрѣта.

Нѣту силъ; усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,
А на свѣтъ посмотришь:
Жалко съ нимъ проститься!

Доля жь, моя доля!
Гдѣ ты запропала?
До поры, до время,
Въ воду камнемъ пала?

Поднимись, что силы
Размахни крылами:
Можетъ, наша радость
Живетъ за горами.

Если нѣтъ — у моря
Сядемъ, да дождемся;
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся!

ПѢСНЯ.

Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись:
«Не грусти, не плачь ты по-пусту,
Не печаль лица ты бѣлова,
Не гаси румянца алова.

Ты вѣдь знаешь, моя милая!
Что иду я не охотою;
Но судьба велитъ, нужда несетъ —
Отецъ силой проситъ дома жить.

Я пойду скажу: вотъ, батюшка,
Мой избытокъ весь возьми себѣ;
Но въ твоемъ дому родительскомъ
Не жилецъ я, не кормилецъ твой!

Не держи жь, пусти, дай волюшку
Тамъ опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
Безъ талана гдѣ таланится,
Молодымъ кудрямъ счасливится»...

Говорилъ такъ другъ, прощаючись,
А въ душѣ его былъ замыселъ:
Не къ отцу идти — въ иномъ селѣ
Замужъ взять вдову богатую...

Ну Господь съ тобой, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не сéржуся...
Хоть и женишься — раскаешься,
Ко мнѣ, можетъ-быть, воротишься.

ПѢСНЯ.

Безъ ума, безъ разума,
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій,
Силой укорòтали.

Для того ли молодость
Соблюдали, нѣжили,
За стекломъ, отъ солнышка,
Красоту лелѣяли, —

Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала,
Безъ любви, безъ радости
Сокрушалась, мучилась.

Говорятъ родимые:
Поживется — слюбится;
И по сердцу выберешь —
Да горчѣе придется.

Хорошо, состарѣвшись,
Разсуждать, совѣтывать,
И съ собою молодость
Безъ разсчета сравнивать!

ДУМА СОКОЛА.

(В. П. Б — ну).

Долго ль буду я
Сидьнемъ дома жить,
Мою молодость
Ни на что губить?

Долго ль буду я
Подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдаль
День и ночь глядѣть?

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны?

Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой-мачихой
Самъ-собою жить?

Для чего жь на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Иль, зачѣмъ она,
Моя милая,
Здѣсь сидитъ со мной,
Слезы льетъ рѣкой;

Отъ меня летитъ,
Пѣсню мнѣ поетъ,
Все рукой манитъ,
Все съ собой зоветъ?

Нѣтъ, ужь полно мнѣ,
Дома вѣкъ сидѣть,
По дорожкѣ вдаль,
Изъ окна глядѣть!

Со двора пойду,
Куда путь манитъ,
А жить стану тамъ—
Гдѣ ужь Богъ велитъ!

ПѢСНЯ.

Свѣтитъ солнышко,
Да осенью;
Цвѣтутъ цвѣтики —
Да нé въ-пору,

А весной была
Степь жолтая,
Тучки плавали
Безъ дождика.

По ночамъ роса
Гдѣ падала —
По утру трава
Тамъ сохнула.

И тѣ пташечки,
Касаточки,
Пѣли грустно такъ
И жалобно, —

Что, ихъ слушая,
Кровь стынула,
По душѣ лилась
Боль смертная.

Такъ прошла моя
Вся молодость —
Безъ любви души,
Безъ радости.

ПѢСНЯ.

Такъ и рвется душа
Изъ груди молодой!
Хочетъ воли она,
Проситъ жизни другой!

То ли дѣло — вдвоемъ
Надъ рѣкою сидѣть,
На зеленую степь,
На цвѣточки глядѣть!

То ли дѣло — вдвоемъ
Зимню ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать, —

Поутру, на зарѣ,
Обнимать-провожать,
Вечеркомъ, у воротъ
Его вновь поджидать!

РАЗЛУКА.

На зарѣ туманной юности,
Всей душой любилъ я милую;
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.

Что̀ предъ ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечеръ, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску!
А при ней васъ — хоть бы не было;
Съ ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мнѣ, какъ въ послѣдній разъ,
Я сказалъ ей: «Прости, милая!
Такъ, знать, Богъ велѣлъ — разстанемся,
Но когда-нибудь увидимся»...

Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося, —
И, рыдая, какъ безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мнѣ
Задушить грусть, печаль выплакать;
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся духъ — слово замерло...

ПѢСНЯ.

Не на радость, не на счастіе,
Знать, съ тобой, мы, другъ мой, встрѣтились;
Знать, на горе горемычное,
Такъ сжились мы, такъ слюбилися.

Жилъ одинъ я, въ одиночествѣ:
Холостая жизнь наскучила;
Полюбилъ тебя, безродную:
Полюбивши — весь измучился.

Гдѣ ты время, гдѣ ты времечко,
Какъ одно я только думывалъ:
Гдѣ бы — какъ — съ тобой увидѣться,
Однимъ словомъ перемолвиться.

Тогда было — иду, ѣду ли,
Ты всегда со мной, съ ума нейдешь;
На грудь полную ручкой бѣлою
Ты во снѣ меня всю ночь зовешь...

А теперь другая думушка
Грызетъ сердце, крушитъ голову:
Какъ въ чужомъ углѣ съ тобой намъ жить,
Какъ свою казну трудомъ нажить?

Но куда умомъ ни кинуся —
Мои мысли врозь расходятся,
Безъ слѣда вдали теряются,
Черной тучей покрываются...

Погубить себя? — не хочется!
Разойтися? — нѣту волюшки!
Обмануть, своею бѣдностью
Красоту сгубить? — жаль дò смерти!

ПЕРЕПУТЬЕ.

До чего ты, моя молодость,
Довела меня, домыкала,
Что ужь шагу ступить некуда,
Въ свѣтѣ бѣломъ стало тѣсно мнѣ!

Что жь теперь съ тобой, удалая,
Пригадаемъ мы, придумаемъ?
Въ чужихъ людяхъ вѣкъ домаять ли?
Сидя дома ли состарѣться?

По людямъ ходить, за море плыть —
Надо кровь опять горячую,
Надо силу, силу прежнюю,
Надо волю безотмѣнную...

А у насъ съ тобой давно ихъ нѣтъ;
Мы, гуляя — все потратили,
Молодую жизнь, до времени,
Какъ попало — такъ и прожили!

Сидѣть дома ботѣть, старѣться,
Съ старикомъ-отцомъ вновь ссориться,
Работать, съ женой хозяйничать,
Ребятишкамъ сказки сказывать...

Хоть не такъ оно — не выгодно;
Но, положимъ — дѣлать нечево
Въ непогоду — не до плаванья,
За большимъ въ нуждѣ не гонятся...

Но вотъ тутъ скажи, какъ придется
По душѣ спросить, по совѣсти:
Кто пойдетъ за насъ? и гдѣ будемъ жить?
Гдѣ избытокъ мой зарытъ лежитъ?...

Куда глянешь — всюду наша степь;
На горахъ — лѣса, сады, домà;
На днѣ моря — груды золота;
Облака-идутъ — нарядъ несутъ!...

ПѢСНЯ.

Дуютъ вѣтры,
Вѣтры буйные;
Ходятъ тучи,
Тучи темныя.

Не видать въ нихъ
Свѣта бѣлова;
Не видать въ нихъ
Солнца краснова.

Во сырой мглѣ,
За туманами,
Только ночька
Лишь чернѣется...

Въ эту пору,
Непогожую,
Одному жить —
Сердцу холодно.

Грудь другую
Ему надобно:
Огонь-душу —
Красну дѣвицу!

Съ ней зимою —
Лѣто теплое;
При бездольи —
Горе — нé горе!

ВСЯКОМУ СВОЙ ТАЛАНЪ.

Какъ женился я, раскаялся;
Да ужь поздно, дѣлать нечево:
Обвѣнчавшись — не разженишься;
Наказалъ Господь, такъ мучайся.

Хоть бы взялъ ее я силою,
Иль обманутъ былъ злой хитростью.
А то волей своей доброю,
Гдѣ задумалъ, тамъ сосватался.

Было кромѣ много дѣвушекъ,
И хорошихъ и таланливыхъ;
Да ни съ чѣмъ взять — видишь, совѣстно
Отъ своей родни — товарищей.

Вотъ и выбралъ, по ихъ разуму,
По обычаю — какъ водится:
И съ роднею, и съ породою,
Именитую, почетную.

И живемъ съ ней, только ссоримся,
Да роднею похваляемся;
Да проживши все добро свое,
Въ долги стали неоплатные . . .

«Теперь, придетъ время тѣсное:
Что намъ дѣлать, жена, надобно?»
— Какъ, скажите, люди добрые,
Научу я мужа глупова? —

«Ахъ, жена моя, боярыня!
Когда умной ты родилася,
Такъ зачѣмъ же мою голову
Ты сгубила, змѣя лютая?

Придетъ время, время грозное,
Кто поможетъ? куда дѣнемся?»
— Самъ прожился мой безумный мужъ,
Да у бабы ума требуетъ. —

ПѢСНЯ.

Много есть у меня
Теремовъ и садовъ,
И раздольныхъ полей,
И дремучихъ лѣсовъ.

Много есть у меня
Деревень и людей,
И знакомыхъ бояръ,
И надежныхъ друзей.

Много есть у меня
Жемчуговъ и мѣховъ,
Драгоцѣнныхъ одеждъ,
Разноцвѣтныхъ ковровъ.

Много есть у меня
Для пировъ — серебра,
Для бесѣдъ — красныхъ словъ,
Для веселья — вина!

Но я знаю, на что
Травъ волшебныхъ ищу;
Но я знаю, о чемъ
Самъ съ собою грущу...

РАЗСЧЕТЪ СЪ ЖИЗНІЮ.

(В. Г. Б — му).

Жизнь! зачѣмъ ты собой
Обольщаешь меня?
Почти вѣкъ я прожилъ,
Никого не любя.

Въ душѣ страсти огонь
Разгарался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ,
Онъ сгорѣлъ и погасъ.

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ, —
И что ждало меня,
Я не видѣлъ за нимъ.

Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма — судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;

Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ;
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ;

Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела.

Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня?
Еслибъ силу богъ далъ —
Я разбилъ бы тебя!

ГРУСТЬ ДѢВУШКИ.

Отчего, скажи,
Мой любимый серпъ,
Почернѣлъ ты весь,
Что коса моя?

Иль обрызганъ ты,
Въ скукѣ-горести,
По миломъ дружкѣ
Слезой дѣвичей?

Въ широкихъ степяхъ
Дона тихова,
Зеленà трава
Давно скошена;

На селѣ косцы
Давно женятся;
Только нѣтъ его,
Ясна сокола!

Иль онъ бросилъ домъ,
Разлюбилъ меня;
И не придетъ ужъ
Къ своей дѣвицѣ?...

Ахъ, не птица тамъ
Летитъ по небу:
То печальный слухъ
Объ немъ носится...

Не къ добру жь тоска
Давитъ бѣлу грудь,
Нѣтъ, не къ радости
Плакать хочется.

НОЧЬ.

(Князю В. Ѳ. Одоевскому).

Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,
Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою;

А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила,
Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна!

Лишь зеленый садъ
Подъ горой чернѣлъ;
Мрачный образъ, къ намъ,
Изъ него глядѣлъ.

Улыбаясь, онъ
Зубъ о зубъ стучалъ;
Жгучей искрою
Его глазъ сверкалъ.

Вотъ онъ къ намъ идетъ,
Словно дубъ большой...
И тотъ призракъ былъ —
Ея мужъ лихой...

По костямъ моимъ
Пробѣжалъ морозъ;
Самъ не знаю какъ,
Къ полу я приросъ.

Но лишь только онъ
Рукой за дверь взялъ:
Я схватился съ нимъ —
И онъ мертвый палъ.

«Что жь ты, милая,
Вся какъ листъ дрожишь?
Съ дѣтскимъ ужасомъ
На него глядишь?

Ужь не будетъ онъ
Караулить насъ;
Не придетъ теперь
Въ полуночный часъ!»...

— Ахъ, не то, чтобъ я...
Умъ мѣшается...
Все два мужа мнѣ
Представляются:

На полу, одинъ
Весь въ крови лежитъ:
А другой — смотри—
Вонъ въ саду стоитъ! —

ПОМИНКИ.

(Памяти Н. В. Ст — ча).

Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ,
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья!

Могучая сила
Въ душѣ ихъ кипитъ;
На блѣдныхъ ланитахъ
Румянецъ горитъ.

Ихъ очи, какъ звѣзды
По небу, блестятъ;
Ихъ думы — какъ тучи;
Ихъ рѣчи горятъ.

Давайте веселья!
Давайте печаль!
Давно ихъ не манитъ
Волшебница даль!

И съ міра, и съ время
Покровы сняты;
Загадочной жизни
Прожиты мечты.

Шумна ихъ бесѣда,
Разумно идетъ:
Роскошная младость
Здоровьемъ цвѣтетъ.

Но вотъ къ нимъ приходитъ
Невѣдомый гость, —
И молча садится,
Какъ темная ночь.

Лицо его мрачно,
И взгляды — что ядъ;
И весь на немъ страненъ
Печальный нарядъ.

И лучшему другу
Онъ руку пожалъ;
И глазъ его чорный
Огнемъ засверкалъ.

Вмигъ юноша вздрогнулъ,
И очи закрылъ;
И темныя кудри
На грудь опустилъ.

Прозрачно, какъ мраморъ,
Застыло лицо —
Уснулъ онъ надолго!
Уснулъ глубоко!...

Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ,
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья!

Ихъ такъ же, какъ прежде,
Бесѣда шумна;
Но часто невольно
Печаль въ ней видна.

ДОЛЯ БѢДНЯКА.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмѣльная —
Не разымчива!

Рѣчи вольныя —
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва...

Изъ души ль, порой,
Радость вырвется —
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится.

И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится;
Грустью чорною,
Міръ одѣнется.

И сидишь, глядишь
Улыбаючись;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую!

ЗВѢЗДА.

Гдѣ бъ ни былъ я — всегда,
До утренней зари, алмазная звѣзда
Противъ меня стоитъ
И въ очи мнѣ язвительно глядитъ . . .
При ней когда-то часъ разлуки былъ . . .
Но я давно ее и часъ тотъ позабылъ!
Одинъ лишь этотъ лучъ неотразимъ, —
И я никакъ не свыкнусь съ нимъ!
Порою онъ приводитъ въ умиленье,
Порой въ восторгъ и изступленье,
Порою въ горькую печаль . . .
И мнѣ ее, погибшую, все жаль!

ПѢСНЯ.

Не весна тогда
Жизнь вѣяла,
Не трава въ поляхъ
Зеленѣлася;

Не заря съ небесъ
Красовалася,
Не луна на насъ
Любовалася!

Нѣтъ! подъ холодомъ,
Подъ туманами,
Ты въ объятьяхъ жгла —
Поцалуями!

Ночи темныя,
Ночи бурныя
Шли, какъ облачки,
Мимо солнышка . . .

Вьюги зимнія,
Вьюги шумныя,
Напѣвали намъ
Пѣсни чудныя!

Наводили сны,
Сны волшебные,
Уносили въ край —
Заколдованный!

ПѢСНЯ.

Ты прости-прощай,
Сыръ-дремучій боръ,
Съ лѣтней волею,
Съ зимней вьюгою!

Одному съ тобой
Надоѣло жить,
Подъ дорогою
До зари ходить!

Поднимусь, пойду
Въ свою хижину,
На житье-бытье,
На домашнее.

Тамъ возьму себѣ
Молоду жену;
И начну съ ней жить —
Припѣваючи...

ПѢСНЯ.

Разступитесь, лѣса темные;
Разойдитесь, рѣки быстрыя;
Запылись ты, путь-дороженька;
Дай мнѣ вѣстку, моя пташечка!

Я рѣкой пойду по бережку,
Полечу горой за облакомъ,
На край свѣта — на край бѣлова —
Искать стану друга милова. . .

Я найду его гдѣ бъ ни былъ онъ,
Я скажу ему: «стыдно, совѣстно,
Бросить домъ свой, отца старова,
Да, Богъ вѣсть куда, завихриться».

Какъ завьетъ онъ кудри чорныя,
Какъ надѣнетъ кафтанъ бархатный,
Подпояшетъ кушакъ шолковый,
Поцалуетъ, скажетъ ласково:

— Нѣтъ, душа моя, ошиблась ты,
Я не въ полѣ вихремъ вѣялся:
По людямъ ходилъ, деньгу копилъ,
За морями счастье пробовалъ.

Моя доля здѣсь счастливая:
Я нажилъ тебѣ два терема,
Лисицъ, шолку, много золота, —
Станетъ вѣкъ прожить боярами. —

Ахъ, вы, душеньки-подруженьки
Не отъ горя плачу — съ радости;
На душѣ она огнемъ горитъ,
А нѣтъ силы словъ души открыть!...

ПѢСНЯ.

Какъ здоровъ, да молодъ —
Безъ веселья — веселъ;
Безъ призыва — счастье
И валитъ и ѣдетъ.

Въ непогоду-вѣтеръ
Шапка на макушкѣ;
Проходи попъ, баринъ —
Волоска не тронемъ!

Только думъ, заботы,
У царя-головки:
Погулять по свѣту,
Пожить на распашкѣ;

Свою удаль-силку,
Попытать на людяхъ;
Чтобъ не стыдно вспомнить
Молодое время!...

ПѢСНЯ.

Я любила его
Жарче дня и огня,
Какъ другимъ не любить
Никогда, никогда!

Только съ нимъ лишь однимъ
Я на свѣтѣ жила;
Ему душу мою —
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
Вся блѣдна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вотъ идетъ онъ, поетъ:
«Гдѣ ты, зорька моя?»
Вотъ онъ руку беретъ,
Вотъ цалуетъ меня!

«Милый другъ, погаси
Поцалуи твои!
И безъ нихъ, при тебѣ,
Огнь пылаетъ въ крови;

И безъ нихъ, при тебѣ,
Жжетъ румянецъ лицо,
И волнуется грудь,
И блистаютъ глаза,
Словно въ небѣ звѣзда!»

НА НОВЫЙ 1842 ГОДЪ.

Прожитый годъ, тебя я встрѣтилъ шумно,
Въ кругу знакомыхъ и друзей —
Широко, вольно и безумно,
При звукахъ бѣшеныхъ рѣчей.

Тогда, забывшись на мгновенье,
Впередъ всякъ дерзостно глядѣлъ,
Своихъ страстей невольное стремленье
Истолковать пророчески хотѣлъ.

Въ комъ сила есть на радость, на страданье —
Въ томъ духъ огнемъ восторженнымъ горитъ,
Тотъ о своемъ загадочномъ призваньи
Свободно, смѣло говоритъ.

Такъ, до зари, бесѣда наша
Была торжественно шумна!
Веселья круговая чаша
Всю ночь не осушала дна!

Но годъ прошелъ: однимъ звѣздою ясной,
Другимъ онъ молніей мелькнулъ;
Меня жь годъ, встрѣченный прекрасно —
Какъ другъ, какъ демонъ обманулъ!

Онъ, за таинственнымъ покровомъ,
Мученья горькія скрывалъ;
И, въ этомъ свѣтѣ безтолковомъ,
Меня вполнѣ рокъ грозный испыталъ.

Тяжелый годъ, тебя ужь нѣтъ, а я еще живу,
И новый, тихо, безъ друзей, одинъ встрѣчаю;
Одинъ въ его заманчивую тьму,
Свои я взоры потопляю.

Что въ ней таится для меня?
Ужели новыя страданья?
Ужель, безвременно, изъ міра выйду я,
Не совершивъ и задушевнаго желанья?

ПѢСНЯ.

Что онъ ходитъ за мной,
Всюду ищетъ меня
И, встрѣчаясь, глядитъ
Такъ лукаво всегда?

Что смѣшнова во мнѣ —
Я понять не могу;
И за мною ходить —
Кто далъ право ему?

Помню, какъ-то, давно,
У знакомыхъ былъ балъ;
Какъ безумный, всю ночь,
Онъ со мной танцовалъ!

Слова нѣтъ — онъ хорошъ:
Брови, носъ и лицо,
Но глаза — за глаза
Ненавижу его!

Голубые они...
И какъ жарко горятъ!
Будто яда полны, —
Будто съѣсть васъ хотятъ!...

Нѣтъ, отстаньте, прошу,
Не слѣдите меня;
Вашихъ дьявольскихъ глазъ
Я боюсь, какъ огня!...

ПѢСНЯ.

— Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду.
«Безъ знакомыхъ, одинъ,
Сказалъ — радость! приду.

Мѣсяцъ будь иль не будь —
Конь дорогу найдетъ;
Самъ лукавый, въ потьмахъ,
Съ ней его не собьетъ.

И, до ночи, мятель
Снѣгомъ путь весь закрой:
Безъ дороги — чутьемъ,
Сыщетъ домикъ онъ твой!»

— Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду;
Онъ, прощаясь, сказалъ:
«Хоть умру, а приду.

Что мнѣ крѣпкой замокъ,
Караулъ, ворота? —
Воеводская дверь
Мнѣ всегда расперта.

Не любивши тебя,
Въ селахъ слылъ молодцомъ:
А съ тобою, мой другъ,
Города ни по чемъ!»

ДУМЫ.

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА.

Тучи носятъ воду,
Вода поитъ землю,
Земля плодъ приноситъ;
Бездна звѣздъ на небѣ,
Бездна жизни въ мірѣ;
То мрачна, то свѣтла
Чудная природа...

Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣки за вѣками;
У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ:
«Чѣмъ кончилось дѣло?»
— Вопроси другова, —
Каждый отвѣчаетъ.

Смѣлый умъ, съ мольбою,
Мчится къ Провидѣнью.
Ты повѣдай мыслямъ
Тайну сихъ созданій!

Шлютъ отвѣтъ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя...

Что же совершится
Въ будущемъ съ природой?...
О гори, лампада,
Ярче предъ Распятьемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!

БОЖІЙ МІРЪ.

Отецъ свѣта — вѣчность,
Сынъ вѣчности — сила;
Духъ силы — есть жизнь,
Міръ жизнью кипитъ.
Вездѣ Тріединый,
Воззвавшій все къ жизни!
Нѣтъ вѣка Ему,
Нѣтъ мѣста Ему!
Съ величества трона,
Съ престола чудесъ
Божій образъ — солнце
Къ намъ съ неба глядитъ,
И днемъ повѣряетъ
Всемірную жизнь.
Въ другомъ мѣстѣ неба
Оно отразилось —

И мѣсяцемъ землю
Всю ночь сторожитъ.
Тьма, на лонѣ ночи
И живой прохлады,
Всѣ стихіи міра
Сномъ благословляетъ.
Въ царствѣ Божьей воли,
Въ переливахъ жизни,
Нѣтъ безсильной смерти,
Нѣтъ бездушной жизни!

НЕРАЗГАДАННАЯ ИСТИНА.

Цѣлый вѣкъ я рылся
Въ таинствахъ вселенной,
До сѣдинъ учился
Мудрости священной.

Всѣ вѣка былые
Съ новыми повѣрилъ;
Чудеса земныя
Опытомъ измѣрилъ.

Мелкія причины
Тѣшились людями;
Карлы-властелины
Двигали мірами.

Райскія долины
Кровью обливались;
Карлы-властелины
Въ бездну низвергались.

Гдѣ пройдетъ коварство
Съ злобою людскою —
Тамъ, въ обломкахъ, царство
Заростетъ травою...

Племена другія
На нихъ поселятся:
Города большіе
Людьми разродятся.

Сторона пустая
Снова зацарюетъ —
И жизнь молодая
Шумно запируетъ!

Подсѣку-жь я крылья
Дерзкому сомнѣнью,
Прокляну усилья
Къ тайнамъ Провидѣнья!

Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу;
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Всѣ творенья въ божьемъ мірѣ
Такъ прекрасны, хороши!
Но прекраснѣй человѣка
Ничего нѣтъ на землѣ!

То себя онъ ненавидитъ;
То собой онъ дорожитъ;
То полюбитъ, то разлюбитъ;
За мигъ жизни вѣкъ дрожитъ...

Дастъ желаньямъ ли свободу —
Землю кровью напоитъ;
Буйной волѣ дастъ ли волю —
Подъ нимъ море закипитъ.

Но измѣнятся стремленья,
Озарится свѣтомъ умъ:
И своей онъ красотою
Все на свѣтѣ помрачитъ...

ВЕЛИКОЕ СЛОВО.

(В. А. Жуковскому).

Глубокая вѣчность
Огласилась словомъ:
То слово — «да будетъ!»
«Ничто» воплотилось

Въ тьму ночи и свѣтъ;
Могучія силы
Сомкнуло въ міры,
И чудной, прекрасной
Повѣяло жизнью.
Земля красовалась
Роскошнымъ эдемомъ,
И духъ воплощенный —
Владѣтель земли —
Съ челомъ вѣчно-юнымъ,
Высокимъ и стройнымъ,
Съ отсвѣтомъ свободы
И мысли во взорѣ,
На свѣтлое небо,
Какъ ангелъ, глядѣлъ...

Свобода, свобода!...
Гдѣ жь рай твой веселый?
Слѣды твои страшны,
Отмѣчены кровью
На пестрой страницѣ
Широкой земли!
И лютое горе
Ее залило,
Ту дивную землю,
Безславную землю!...

Но слово: «да будетъ!»
То вѣчное слово
Не мимо идетъ:
Въ хаосѣ печали,
Въ полуночномъ мракѣ
Надземныхъ судебъ,

Божественной мыслью
На древѣ креста
Сіяетъ и свѣтитъ
Терновый вѣнецъ...

И горькія слезы,
Раскаянья слезы,
На блѣдныхъ ланитахъ
Земнова царя
Зажглись упованьемъ
Высокимъ и свѣтлымъ, —
И духъ вдохновляетъ
Мятежную душу, —
И сладко ей горе,
Понятно ей горе:
Оно — искупленье
Прекраснаго рая...

Да будетъ! — и было, —
И, видимъ, — и будетъ...
Всегда — безъ конца.
Кто жь Онъ, Всемогущій?
И гдѣ обитаетъ?...
Нѣтъ Богу вопроса, —
Нѣтъ мѣры Ему!...

УМОЛКШІЙ ПОЭТЪ.

Съ душою пророка,
Съ печатью величья
На гордомъ челѣ,

Родился младенецъ
На диво землѣ.

Земныя богини,
Какъ хитрыя дѣвы,
Манили младенца:
Роскошной мечтою,
Притворною лаской
Любовь обманули;
Сожгли поцѣлуемъ
Румянецъ лица;
Сорвали улыбку —
Сіянье души.
Напрасно таилъ онъ,
Напрасно берегъ
Дары вдохновеній
Отъ горняго міра
Для жизни земной;
Напрасно онъ райской
И звучною пѣсней,
Родимыя дебри,
Поля оглашалъ:
Пустыня молчала...
Толпа отступилась
Отъ взоровъ пророка!
Высокое чувство,
И жаръ вдохновенья,
И творчества силу
Толпа не признала:
Смѣшны ей и радость,
И горе поэта...
Сгори онъ въ пожарѣ

Презрѣнныхъ страстей —
Она, какъ вакханка,
Его зацѣлуетъ,
И братскимъ восторгомъ,
Нечистымъ, постыднымъ,
На вѣкъ заклеймитъ...

Очарованъ утромъ,
Обманутый полднемъ,
Одѣтый вечернимъ
Туманомъ и тѣнью
Загадочной жизни, —
Глядитъ равнодушно
Безмолвный поэтъ...
Ты думаешь: палъ онъ?
Нѣтъ, ты не замѣтилъ
Высокую думу,
Огонь благодатный
Во взорѣ его...

МОГИЛА.

Чья это могила
Тиха, одинока?
И крестъ тростниковый
И насыпь свѣжа;
И чистое поле
Кругомъ безъ дорогъ.

Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?
Татаринъ ли дикій
Свершилъ здѣсь убійство
Въ ночной темнотѣ,
И свѣжею кровью,
Горячею брызнулъ
На русскую быль?...
Или молодая
Жница-поселянка
Ангела-младенца
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его, —
И подъ яснымъ небомъ
Въ полѣ на просторѣ,
Въ цвѣтахъ васильковыхъ
Положенъ дитя?...

Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку,
Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не пробудитъ,
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы!...

———

МОЛИТВА.

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

На крестъ, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала
И цѣли твореній,
Творецъ всемогущій
Накинулъ завѣсу,
Налóжилъ печать:
Печать та на вѣки;
Ее не расторгнутъ
Міры, разрушаясь,
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода!...

Прости жь мнѣ, Спаситель!
Слезу моей грѣшной
Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ Тебѣ...

ДВѢ ЖИЗНИ.

Двѣ жизни въ мірѣ есть:
Одна свѣтла, горитъ она какъ солнце;
Въ ея очахъ небесный тихій день;
Въ сіяніи — святая мысль и чувство;
Ея живая сила такъ роскошно
Звучитъ свободной и разумной рѣчью.
И это — жизнь земнова духа:
Долга она, какъ Божья вѣчность...

Другая жизнь темна;
Въ ея очахъ — земная грусть и ночь;
И спитъ она сномъ крѣпкимъ и мятежнымъ,
Таится мысль въ ея цвѣтистыхъ формахъ,
Но не звучитъ свободной рѣчью;
Наклоннѣе во тьмѣ она къ молчанью.
И это — жизнь земнова праха:
Кратка она, какъ блескъ звѣзды падучей...

ВОПРОСЪ.

Какъ ты можешь
Кликнуть солнцу:
Слушай, солнце!
Стань, ни съ мѣста!
Чтобъ ты въ небѣ
Не ходило,

Чтобъ на землю
Не свѣтило!

Стань на берегъ,
Глянь на море:
Что ты можешь
Сдѣлать морю,
Чтобъ вода въ немъ
Охладѣла,
Чтобы камнемъ
Затвердѣла?

Какой силой
Богатырской
Шаръ вселенной
Остановишь,
Чтобъ не шолъ онъ,
Не кружился?

Какъ же быть мнѣ
Въ этомъ мірѣ,
При движеньи —
Безъ желанья?
Что жь мнѣ дѣлать
Съ буйной волей,
Съ грѣшной мыслью,
Съ пылкой страстью?

Въ эту глыбу
Земляную
Сила неба
Жизнь вложила,
И живетъ въ ней,
Какъ царица!

Съ колыбели,
До могилы,
Духъ съ землею
Ведутъ брани:
Земь не хочетъ
Быть рабою, —
И нѣтъ мочи
Скинуть бремя;
Духу жь неба
Невозможно
Съ этой глыбой
Породниться...

Много ль время
Пролетѣло?
Много ль время
Есть впереди?
Когда будетъ
Конецъ брани?
За кѣмъ поле?
Богъ ихъ знаетъ!
Въ этой сказкѣ
Цѣль сокрыта;
Въ моемъ толкѣ
Смыслу нѣту,
Чтобъ провидѣть
Дѣла Божьи...

За могилой
Рѣчь безмолвна;
Вѣчной тьмою
Даль одѣта...

Буду ль жить я
Въ безднѣ моря?
Буду ль жить я
Въ дальнемъ небѣ?
Буду ль помнить:
Гдѣ былъ прежде?
Что я думалъ
Человѣкомъ?...

Иль за гробомъ
Все забуду,
Смыслъ и память
Потеряю?...
Что жь со мною
Тогда будетъ,
Творецъ міра,
Царь природы?...

ЦАРСТВО МЫСЛИ.

Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью солнце;
Осѣнены все той же тайной думой,
Блистаютъ звѣзды въ безпредѣльномъ небѣ;
И одинокой, молчаливый мѣсяцъ
Глядитъ на нашу землю свѣтлымъ окомъ.
Въ тьмѣ ночи возникаетъ мысль созданья;
Во свѣтѣ дня она уже одѣта,
И крѣпнетъ въ вѣяньи живой прохлады,
И спѣетъ въ нѣгѣ теплоты и зноя.
Повсюду мысль одна — одна идея:

Она живетъ и въ пеплѣ и пожарѣ;
Она и тамъ — въ огнѣ, въ раскатахъ грома;
Въ сокрытой тьмѣ бездонной глубины;
И тамъ, въ безмолвіи лѣсовъ дремучихъ;
Въ прозрачномъ и пловучемъ царствѣ водъ глубокихъ,
Въ ихъ зеркалѣ, и въ шумной битвѣ волнъ;
И въ тишинѣ безмолвнаго кладбища;
На высяхъ горъ безлюдныхъ и пустынныхъ;
Въ печальномъ завываньи бурь и вѣтра;
Въ глубокомъ снѣ недвижимаго камня;
Въ дыханіи былинки молчаливой;
Въ полетѣ къ облаку орлиныхъ крылій;
Въ судьбѣ народовъ, царствъ, ума, и чувства, всюду —
Она одна — царица бытія!

ЛѢСЪ.

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль?...

Коня скорѣй! какъ соколъ быстрый,
На немъ весь лѣсъ изъѣзжу я:
Вездѣ глубокій сонъ, шумъ вѣтра,
И дикая краса угрюмо спитъ...

Когда-нибудь его стихія
Рвалася землю всю покрыть,
Но, въ сонъ невольно погрузившись,
Въ одномъ движеніи стоитъ.

Порой, во тьмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины его выходятъ, —
И на людей наводятъ страхъ.

Съ приходомъ дня, уходятъ тѣни,
Слѣдовъ ихъ нѣтъ; лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ, да въ темной грусти
Ночь безразсвѣтная лежитъ...

Какая жь тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,
Въ забвенье погружаетъ душу
И мысли новыя рождаетъ въ ней?...

Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ безсознательно живетъ,
Что можетъ лишь въ предѣлахъ смерти
Свое величье сознавать?...

ПЕРЕДЪ ОБРАЗОМЪ СПАСИТЕЛЯ.

Предъ тобою, мой Богъ!
Я свѣчу погасилъ,
Премудрую книгу —
Предъ тобою закрылъ.

Твой небесный огонь
Негасимо горитъ;
Безконечный твой міръ
Предъ очами раскрытъ;

Я съ любовью къ тебѣ
Погружаюся въ немъ;
Со слезами стою
Передъ свѣтлымъ лицомъ!

И напрасно весь міръ
На тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Онъ тебя осуждалъ:

На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
И спокоенъ, и тихъ,
До конца ты молилъ
За злодѣевъ своихъ!

ПОЭТЪ.

Въ душѣ человѣка
Возникаютъ мысли,
Какъ въ дали туманной
Небесныя звѣзды...

Міръ есть тайна Бога,
Богъ есть тайна жизни;
Цѣлая природа —
Въ душѣ человѣка.

Проникнуты чувствомъ,
Согрѣты любовью,
Изъ нея всѣ силы
Въ ὀбразахъ выходятъ...

Властелинъ-художникъ
Создаетъ картину —
Великую драму,
Исторію царства.

Въ нихъ духъ вѣчной жизни,
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ
Себя проявляетъ;

И живетъ столѣтья,
Умъ нашъ поражая,
Надъ бездушной смертью
Вѣчно торжествуя.

Дивныя созданья
Мысли всемогущей!
Весь міръ, передъ вами,
Со мной изчезаетъ...

ЖИЗНЬ.

Умомъ легко намъ свѣтъ обнять;
Въ немъ мыслью вольной мы летаемъ;
Что̀ не дано намъ понимать —
Мы все какъ будто понимаемъ.

И рѣзко судимъ обо всемъ,
Съ вѣковъ покрова не снимая;
Дошло, что людямъ ни по чемъ
Сказать: вотъ тайна міровая!

Какъ свѣтъ стоитъ, до этихъ поръ,
Всего мы много пережили;
Страстей мы видѣли напоръ;
За царствомъ царство схоронили.

Живя, проникли глубоко
Въ тайникъ природы чудотворной;
Одни познанья взяли мы легко,
Другія — силою упорной...

Но все жь успѣхъ нашъ не великъ.
Что до преданій — мы не знаемъ.
Впередъ что будетъ — кто проникъ?
Что мы теперь — не разгадаемъ.

Одинъ лишь опытъ говоритъ:
Что прежде насъ здѣсь люди жили, —
И мы живемъ, — и будутъ жить.
Вотъ каковы всѣ наши были!...

***

(Князю П. А. Вяземскому).

Не время ль намъ оставить
Про высоты мечтать,
Земную жизнь безславить,
Что есть — иль нѣтъ — желать?

Легко, конечно, строить
Воздушные міры,
И увѣрять и спорить:
Какъ въ нихъ-то важны мы!

Но, отъ-души ль, порою,
Въ насъ чувство говоритъ,
Что жизнію земною —
Нѣтъ нужды дорожить?...

Темна, страшна могила;
За далью — мракъ густой;
Ни вѣсти, ни отзыва
На вопль нашъ роковой!

А тутъ дары земные,
Дыханіе цвѣтовъ,
Дни, ночи золотыя,
Разгульный шумъ лѣсовъ,

И сердца жизнь живая,
И чувства огнь святой,
И дѣва молодая
Блистаетъ красотой!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Стихотворенія Кольцова.
II. Статья Серебрянскаго: Мысли о музыкѣ.

Пишу не для мгновенной славы;
Для развлеченья, для забавы,
Для милыхъ, искреннихъ друзей,
Для памяти минувшихъ дней.

I.

СИРОТА.

Не прельщайте, не маните,
Пылкой юности мечты!
Удалитесь, улетите
Отъ бездомной сироты!

Что жь, вы злыя, что вы вьетесь
Надъ усталой головой?
Что вы съ вѣтромъ не несетесь
Въ край невѣдомый, чужой?

Были дни — и я любила
Сны о радости земной;
Но надежда измѣнила,
Радость — сонъ въ судьбѣ моей.

На яву же, въ облегченье,
Только слезы проливать,
И не вѣрить въ облегченье,
И покоя не вкушать.

Не прельщайте жь, не маните,
Свѣтлой радости мечты!
Унеситесь, улетите
Отъ бездомной сироты!

РОВЕСНИКУ.

О чемъ, ровесникъ молодой,
Горюешь и вздыхаешь?
О чемъ серебряной струей
Ты слезы проливаешь?
О чемъ безсмѣнная печаль
И частыя стенанья?
Страшна ли жизни темна даль
И съ юностью прощанье?
Или нежданная бѣда
Явилась и сразила?
Житейская ль тебя нужда
Такъ рано посѣтила?
Иль сердца тайная любовь
Раскрыла въ немъ желанья,
И юнымъ пламенемъ вся кровь
Зажглась безъ упованья?
Я вижу думу на челѣ,
Безъ словъ, безъ выраженья;
Но есть во взорахъ, какъ въ стеклѣ
Востока отраженье —
Замѣтное волненье:

Ахъ, то любовь, любовь!... Она
Въ твоей душѣ играетъ;
Она, въ пиру, на ложѣ сна,
Покой твой разрушаетъ.
Я отгадалъ. Дай руку мнѣ!
Ты не одинъ, кипя душою,
Горишь и гаснешь въ тишинѣ:
Прошу тебя, будь другъ со мною.

ПѢСНЯ.

Если встрѣчусь съ тобой,
Иль увижу тебя —
Что за трепетъ-огонь
Разольется въ душѣ!

Если взглянешь, душа, —
Я горю и дрожу,
И безчувственъ и нѣмъ,
Предъ тобою стою!

Если молвишь мнѣ что —
Я на рѣчи твои,
На привѣты твои,
Что сказать не сыщу.

А лобзаньямъ твоимъ,
А восторгамъ твоимъ —
На землѣ, у людей,
Выраженья имъ нѣтъ!

Дѣва-радость души!
Это жизнь — мы живемъ!
Не хочу я другой
Жизни въ жизни моей!

ОСЕНЬ.

Настала осень — непогоды
Несутся въ тучахъ отъ морей,
Угрюмѣетъ лице природы,
Не веселъ видъ нагихъ полей;
Лѣса одѣлись синей тьмою,
Туманъ гуляетъ надъ землею
И омрачаетъ свѣтъ очей.
Все умираетъ, охладѣло;
Пространство дали почернѣло;
Нахмурилъ брови бѣлый день;
Дожди безсмѣнные полились;
Къ людямъ въ сосѣдки поселились
Тоска и сонъ, хандра и лѣнь.
Такъ точно немочь старца скучна;
Такъ точно тоже для меня
Всегда водяна и докучна
Глупца пустая болтовня.

МАЛЕНЬКОМУ БРАТУ.

Рости счастливо, братъ мой милый,
Подъ кровомъ Вышняго Творца,
На груди матушки родимой,
Въ объятьяхъ нѣжнаго отца.
Будь добродѣтеленъ душою,
Великъ и знатенъ — простотою;
На сцену свѣта ты войдешь
Любимцемъ ли слѣпой фортуны,
Или, какъ я, полюбишь струны,
И посохъ бѣдный понесешь —
Въ высокомъ званіи предъ бѣднымъ
Счастливой долей не гордись!
Но съ нимъ — чѣмъ Богъ послалъ, послѣднимъ,
Какъ съ ро́днымъ братомъ, подѣлись.
Суму дадутъ — не спорь съ судьбою;
У Бога мы равны: предъ нимъ
Смирися съ дѣтской простотою —
И съ сердца грусть слетитъ, какъ дымъ.
Пробудишь струны — пой безъ лести!
Будь неподкупенъ въ дѣлѣ чести;
Люби Творца, своихъ владыкъ
И будь въ ничтожествѣ великъ.

ПѢСНЯ.

Очи, очи голубыя!
Мнѣ васъ болѣ не встрѣчать!
Дѣвы, дѣвы молодыя!
Вамъ меня ужь не ласкать!

Побывали, унеслися
Дни моей златой весны;
Въ сердцѣ опытномъ слилися
Лишь отзывы старины.

Ахъ, на что же оживили
Предо мной мои мечты,
Сердцу сладостныя были,
Ласки юной красоты?

Мнѣ ль привѣтливымъ казаться,
Съ хладнымъ сердцемъ вновь любить?
Мнѣ ль надеждой обольщаться?
Безпробудно другъ мой спитъ...

НОЧЛЕГЪ ЧУМАКОВЪ.

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.
Въ степи и пасмурно и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной ничто не нарушаетъ;
Порой проѣзжій лишь играетъ,
И колокольчикъ почтовой,
Звеня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ.
Между возовъ огонь горитъ;
На таганѣ котелъ виситъ;
Чумакъ раздѣтый, бородатый,
Поджавшись на ногахъ, сидитъ

И кашу съ саломъ кипятитъ.
За таборомъ невдалекѣ
Волы усталые пасутся:
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнемъ въ кружкѣ
Хохлы чумазые, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И вдаль невесело глядятъ.
Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?
Давно ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены?
Бывало, часто, ночью темной
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ внималъ
Съ какой-то радостью невольной...
Но вотъ во тьмѣ игра свирѣли,
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украйны вольныя сыновъ...
И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!...

СПЯЩЕМУ МЛАДЕНЦУ.

О, всеблагое Провидѣнье,
Храни его успокоенье!

Еще не знаетъ онъ, что скука,
Что безпредѣльная любовь,
И какъ тяжка любви разлука,
И какъ хладѣетъ въ сердцѣ кровь.
Не знаетъ жизненной заботы,
Тяжелыхъ сновъ и страшныхъ бѣдъ,
И міра гибельныхъ суетъ,
И дней безжизненной дремоты,
Коварства свѣта и людей,
Надеждъ, желаній и страстей.
Теперь онъ рѣзвится, играетъ,
Незрѣлый умъ мечтой питаетъ;
Во снѣ испугъ его не будитъ,
Нужда до солнца встать не нудитъ,
Печаль у ложа не стоитъ —
Священнымъ сномъ невинность спитъ...
Но эти дни, какъ тѣнь, проходятъ,
Прекрасный міръ съ собой уводятъ...

О, всеблагое Провидѣнье,
Храни его успокоенье!

КРАСАВИЦѢ.

Ахъ, кто ты, дѣва красота?
Твои уста, твои ланиты
Такою прелестью покрыты!
И въ комъ чудесная мечта
Груди бъ младой не взволновала,
Когда бъ ты на скалѣ крутой,

Одна, надъ бездною морской,
Какъ дѣва Пушкина, стояла —
Подъ бѣлой дымкой покрывала?
И вкругъ тебя, одеждой снѣжной,
Зефиръ привѣтливо бъ игралъ;
По сгибу плечъ, по шеѣ нѣжной,
Свитыя кудри развивалъ?...
Когда бъ, качаяся, дремало
Перо на шляпкѣ голубой;
И грудь лебяжая вздыхала
Любовью дѣвственной, святой?...
Тогда бъ, въ сердечномъ упоеньи,
Склонивъ колѣни предъ тобой,
Въ нѣмомъ и сладостномъ забвеньи,
Сгорѣлъ бы весь, какъ огнь степной!...

СЕСТРѢ.

(При посылкѣ ей моихъ пѣсень).

Сестра! вотъ были чудныхъ снэвъ,
Вотъ звуки самодѣльной лиры,
Мои мечты, мои кумиры,
Моя душа, моя любовь!
Сестра! земная жизнь — мгновенье,
Судьбы жь кто знаетъ назначенье?
Быть можетъ, раньше я другихъ
Не окажусь въ семьѣ живыхъ.
Пройдетъ годъ, два — за суетою,
За лживой радостью мірскою,

Забудешь ты меня; но вмигъ
Когда-нибудь прочтешь мой стихъ,
Вспомянѣшь брата — и вздохнешь,
И сладкихъ слезъ потокъ прольешь.

ПРИДИ КО МНѢ.

Приди ко мнѣ, когда зефиръ
Колышетъ рощами лѣниво,
Когда и лугъ, и степь — весь міръ
Одѣнется въ покровъ сонливый.

Приди ко мнѣ, когда луна
Изъ облакъ въ облака ныряетъ,
Иль съ неба чистаго она
Такъ пышно воды озлащаетъ.

Приди ко мнѣ, когда весь я
Въ любовны думы погружаюсь,
Когда, красавица, тебя
Нетерпѣливо дожидаюсь.

Приди ко мнѣ, когда любовь
Восторги пылкіе рождаетъ,
Когда моя младая кровь
Кипитъ, волнуется, играетъ.

Приди ко мнѣ — вдвойнѣ съ тобой
Хочу я жизнью наслаждаться,
Хочу къ твоей груди младой
Со всею страстію прижаться...

РАЗУВѢРЕНІЕ.

Да! жизнь не то, что говорили
Мои мнѣ книги и мечты;
Ее не даромъ заклеймили
Печатью зла и суеты.
Сначала искренно встрѣчая
И утро дня благословляя,
Я въ мірѣ все благословлялъ...
Дитя! я ласки расточалъ,
Я простиралъ мои объятья
Ко всѣмъ съ любовію, какъ братьямъ!
Пришла пора — узналъ и я,
Но ужь не то, что прежде снилось,
Чѣмъ сердце юное плѣнилось,
О чемъ такъ сладко думалъ я...
Узналъ родныхъ — къ родству холодныхъ;
Въ друзьяхъ — предателей притворныхъ;
Въ толпахъ людей — толпы невѣждъ;
Обманчивость земныхъ надеждъ;
Въ обѣтахъ — лживые обманы;
Въ невинномъ взглядѣ — хитрый взоръ;
Въ умахъ возышенныхъ — туманы,
Надутой глупости позоръ...
Богъ съ ними! Я страну земную
Съ упрекомъ тайнымъ разлюбилъ;
Душой постигнулъ жизнь другую,
Въ ту жизнь мечту переселилъ:
И странствую безъ дальнихъ нуждъ,
Земли жилецъ, земнаго чуждъ.

ТЕРЕМЪ.

Тамъ, гдѣ теремъ тотъ стоитъ,
Я люблю всегда ходить,
Ночью тихой, ночью ясной,
Въ благовонный май прекрасный!

Чѣмъ же теремъ этотъ милъ?
Чѣмъ меня онъ такъ плѣнилъ?
Онъ не пышный, онъ не новый,
Онъ бревенчатый — дубовый!

Ахъ, въ томъ теремѣ простомъ
Есть съ раскрашеннымъ окномъ
Разубранная свѣтлица:
Въ ней живетъ душа-дѣвица.

Какъ-то встрѣтился я съ ней —
Не свожу съ тѣхъ поръ очей;
Красна жъ дѣвица не знаетъ,
По комъ грудь моя вздыхаетъ.

Разрывайся, грудь моя!
Буду суженымъ не я:
Тотъ богатый; я безъ хаты —
Цѣлый міръ мои палаты!

Вѣщунъ-сердце говоритъ:
Жить тебѣ, дѣтинкѣ, жить
Не съ женою молодою —
Съ чужой-дальней стороною...

---

* * *

Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный
Въ тѣнистой рощѣ соловья;
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ прибрежный
И говоръ свѣтлаго ручья.

Прошла пора! но въ дни былые
Я слушалъ филомелы гласъ;
Тогда-то въ сумраки густые
Веселья огнь во мнѣ не гасъ.

Тогда съ Анютой милой, нѣжной,
Часовъ полета не видалъ;
Тогда, надеждой обольщенный,
Я праздникъ жизни пировалъ.

Теперь же, о друзья! со мною
Анюты скромной болѣ нѣтъ...
Съ другимъ она... и я съ тоскою
Встрѣчаю дня огнистый свѣтъ.

Такъ мнѣ ль внимать напѣвъ волшебный
Въ тѣнистой рощѣ соловья?
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ прибрежный
И говоръ свѣтлаго ручья...

МЩЕНІЕ.

(Отрывокъ).

Скажи: какія возраженья
Разсѣютъ новыя сомнѣнья,

Какую снова хочешь лесть
Въ защиту чести произнесть?
Молчи, и словъ не трать напрасно;
Я знаю все — и знаю ясно,
Когда... и гдѣ... и какъ... кто онъ?...
Но ты, ты скажешь: это сонъ
Развилъ невѣрное видѣнье,
Чтобъ поселить межъ насъ сомнѣнье...
Напротивъ, слушай — я скажу —
Вчера бьетъ полночь, я лежу,
Не сплю, но спящимъ притворился,
И чуткимъ сномъ какъ бы забылся;
Вдругъ слышу: робко ты меня
Своей рукой пошевеля,
Тихонько встала, — и потомъ
Изчезла въ сумракѣ ночномъ;
Я всталъ, гляжу — тебя ужь нѣтъ.
Схватилъ кинжалъ, пустился въ слѣдъ.
Но я не видѣлъ, какъ ты съ нимъ
Дышала воздухомъ однимъ,
И какъ въ объятьяхъ ты его
Пылала, млѣла и сгарала,
Какъ жарко друга своего
При разставаньи цѣловала...
Забывши страхъ, законъ, себя,
Кровавымъ мщеніемъ горя,
Ужаснымъ гнѣвомъ пламенѣя,
Бѣгу... Нечаянно злодѣя,
Какъ тѣнь могильную, схватилъ
И въ грудь ему кинжалъ вонзилъ...
Гдѣ вы, любви моей мечты?
И кто довелъ?... Теперь и ты

Страшись меня, какъ грѣшникъ ада;
Не то — подобная награда!...

---

* * *

По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ,
  Во саду дорожка:
На нее бъ я все глядѣлъ,
  Сидя, изъ окошка...

Тамъ съ кувшиномъ за водой
  Маша проходила,
Томный взоръ потупивъ свой,
  Со мной говорила.

«Маша, Маша! молвилъ я:
  Будь моей сестрою!
Я люблю... любимъ ли я,
  Милая, тобою?»

Не забыть мнѣ никогда,
  Какъ она глядѣла!
Какъ съ улыбкою любви
  Весело краснѣла!

Не забыть мнѣ, какъ она
  Сладко отвѣчала,
Изъ кувшина, въ забытьи,
  Воду проливала...

Сплю и вижу все ея
  Платье голубое,
Страстный взглядъ, косы кольцо,
  Лентой перевитое.

Сладкій мигъ мой, возвратись!
  Съ Дономъ я прощаюсь...
Ахъ, нигдѣ ужь, никогда
  Съ ней не повстрѣчаюсь!...

ВЗДОХЪ НА МОГИЛѢ ВЕНЕВИТИНОВА.

Какія думы въ глубинѣ
Его души таились, зрѣли?
Когда бъ онѣ сказалися вполнѣ —
Кого бъ мы въ немъ, друзья, узрѣли?
Но онъ, нашъ сѣверный поэтъ,
Какъ юный лебедь величавый,
Средь волнъ тоскуя, пѣсню славы
Едва началъ — и стихъ средь юныхъ лѣтъ!

КЪ РѢКѢ ГАЙДАРѢ.

Стою, зловѣщей думы полнъ,
При шопотѣ, при плескѣ волнъ...
Гайдарь! все тѣми жь ты волнами
Катишься вдаль, какъ и всегда,
Такими жь свѣтлыми водами
Поишь людей, поишь стада,
И тѣ жь въ тебѣ глядятся горы
И моются корни лѣсовъ;
Все тѣ жь кругомъ поля, озеры,
Все такъ же ночью вдоль бреговъ,

На лодкѣ легкой и качливой,
Плыветъ веселый рыболовъ;
По влагѣ сонной, прихотливой,
Кидаетъ сѣть онъ — и впередъ
Весломъ размашисто гребетъ,
И пѣснь Украйны, для забавы,
Безъ мыслей, безъ желаній славы,
Напѣвомъ прадѣда поетъ!
Катись Гайдарь, и пой водою
Брега, счастливые тобою!
Твой вѣкъ тебѣ не измѣнилъ;
А я, старикъ, всю жизнь прожилъ...
Гдѣ жь вы, благія упованья,
Гдѣ ты, священный сердца жаръ?...
Катися, свѣтлая Гайдарь,
Неси съ собой мои стенанья!

ВЕСЕЛЫЙ ЧАСЪ.

Дайте бокалы!
Дайте вина!
Радость — мгновенье.
Пейте до дна!
Громкія пѣсни
Гряньте, друзья!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Нынѣ пируемъ —
Юность на часъ —
Нынче веселье,

Радость у насъ!
Завтра что будетъ,
Знаю ль, друзья?
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Шумно, разгульно
Пойте, друзья!
Лейте въ бокалы
Больше вина!
Ну-те жь все разомъ
Выпьемъ до дна!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!

ЧТО ЗНАЧУ Я?

Чтò, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
Въ желаньи счастья время трачу,
И, вѣчно недовольный, плачу!
Чего жь ищу? къ чему стремлюсь?
Въ какой странѣ, на чтò гожусь?
Есть люди — до смерти желаютъ
Вопросы эти разгадать;
Но что до нихъ! пусть, какъ хотятъ,
О всемъ серьёзно разсуждаютъ.
Я недоросль — я не мудрецъ,
И мнѣ нужнѣе знать немного;
Шероховатою дорогой
Иду шажкомъ я, какъ слѣпецъ;

Съ смѣшнымъ сойдусь ли — посмѣюсь;
Съ прекраснымъ встрѣчусь — имъ плѣнюсь;
Съ несчастнымъ отъ души поплачу,
И не стараюсь знать — что̀ значу.

Я БЫЛЪ У НЕЙ.

Я былъ у ней; она сказала:
Люблю тебя, мой милый другъ!
Но эту тайну отъ подругъ
Хранить мнѣ строго завѣщала.

Я былъ у ней; на прелесть злата
Клялась меня не промѣнять;
Ко мнѣ лишь страстію пылать,
Меня любить, любить, какъ брата.

Я былъ у ней; я съ устъ прелестной
Счастливое забвенье пилъ,
И все земное позабылъ
У дѣвичьей груди, прелестной.

Я былъ у ней; я вѣчно буду
Съ ея душой душою жить;
Пускай она мнѣ измѣнитъ —
Но я измѣнникомъ не буду.

УТѢШЕНІЕ.

Какъ жаль, что счастія звѣзда
На небѣ вашемъ закатилась!
Но развѣ горесть навсегда

Съ судьбою вашей породнилась?
Пройдетъ зима — настанетъ май;
Бѣда глупа — взведетъ на счастье.
Всякъ Провидѣнью довѣряй:
Оно насъ цѣнитъ безъ пристрастья.
Пусть, кто доволенъ здѣсь не право,
Или не право кто гонимъ...
Земныя радости — съ отравой,
Отрава — съ счастіемъ земнымъ.
Все постоянно лишь за моремъ,
И потому, что насъ тамъ нѣтъ;
А между тѣмъ кто минутъ горемъ?
Никто — таковъ ужъ бѣлый свѣтъ!...

---

* * *

О, не кажи улыбки страстной!
Не мучь надеждою напрасно;
Прошу, такъ нѣжно не гляди;
Со мной рѣчей не заводи;
Будь больше недовольна,
Будь равнодушна, хладнокровна;
Какъ недруга, пренебрегай!
Въ бесѣдахъ — съ злобою нѣмою
Со мною встрѣчи убѣгай.
Ахъ, ты неправдою такою,
Меня, быть можетъ, охладишь
И къ-счастью счастія лишишь!...

НАЯДА.

Взгрустнулось какъ-то мнѣ въ степи однообразной:
Я слёгъ
Подъ стогъ,
И, дремля въ скукѣ праздной,
Уснулъ; уснулъ — и вижу сонъ:
На берегу морскомъ, подъ дремлющей сосною,
Съ унылою душою,
Сижу одинъ; передо мною
Со всѣхъ сторонъ
Безбрежность водъ и небо голубое —
Все въ сладостномъ ночномъ покоѣ,
На все навѣянъ легкій сонъ.
Казалось, море — небеса другія,
Казались моремъ небеса:
И тамъ и здѣсь, одни свѣтила золотыя,
Одна лазурь, одна краса
Въ объятьяхъ дружбы дремлетъ.
Но кто вдали, нарушивъ тишину,
Уснувшую волну
Подъемлетъ и колеблетъ?
Прелестная, нагая
Богиня синихъ водъ —
Наяда молодая.
Она плыветъ,
Она манитъ, она зоветъ
Къ себѣ на грудь мои объятія и очи...
Какъ сладострастный геній ночи,
Она, съ дѣвичьей красотой,
Являлась вся сверхъ волнъ нагой

И обнималася съ волной!...
Я съ береговъ, я къ ней, и — чудо — достигаю,
Плыву ль, стою ль, не потопаю.
Я съ ней — ее я обнимаю,
Съ боязнью дѣтскою ловлю
Ея привѣтливые взгляды;
Сжимаю станъ Наяды,
Цѣлую и шепчу: люблю!
Она такъ ласково ко мнѣ главу склонила;
Она сама меня такъ тихо обнажила,
И рубище мое пошло ко дну морей...
Я чувствовалъ, въ душѣ моей
Раждалась новая, невидимая сила,
И счастливъ былъ я у ея грудей...
То отъ меня притворно вырываясь,
Она, какъ дымъ, сгибаясь, разгибаясь,
Со мной тихонько въ даль плыла; —
То тихо, отклонивъ она меня руками,
Невидима была;
То долго подъ водами
Напѣвомъ чуднымъ пѣснь поетъ; —
То, охвативъ меня рукою,
Шалитъ лѣнивою водою
И страстный поцѣлуй даетъ; —
То вдругъ, одѣтые въ покровъ туманной мглы,
Идемъ мы въ воздухѣ до дремлющей скалы.
Съ вершины вновь въ морскую глубину!
По ней кружимся, въ ней играемъ,
Другъ друга, нѣжась, прижимаемъ
И предаемся, будто сну...
Но вспыхнула во мнѣ вся кровь,
Пожаромъ разлилась любовь:

Съ воспламененною душою —
Я всю ее объемлю, всю обвилъ...
Но мигъ — и я отъ ужаса остылъ:
Наяда, какъ мечта, мгновенно изчезаетъ;
Коварное мнѣ море измѣняетъ:
Я тяжелѣю, я тону,
И страсть безумную кляну;
Я силюсь плыть, но надо мною
Со всѣхъ сторонъ валы встаютъ стѣною;
Разлился мракъ, и съ мрачною душой
Я поглощенъ бездонной глубиной. . .
Проснулся — потъ холодный
Обдалъ меня.
Поэзія! подумалъ я,
Твой жрецъ — душа святая
И чистая и неземная!

---

* * *

Мой другъ, мой ангелъ милый,
Тебя ли я съ такою силой,
Такъ нѣжно, пламенно лобзалъ,
И къ нѣжной груди прижималъ?
Или, въ минуту изступленья,
Въ жару сердечнаго волненья,
Я обнималъ одну мечту,
Твою рисуя красоту?
Какъ упоителенъ душѣ влюбленной
Живой твой взоръ полусмущенный,
Твой жгучій, страстный поцѣлуй! —
Приди же вновь! страдальца поцѣлуй!

Тобой любимымъ быть прекрасно!
Прекраснѣе — тебя любить!
Что муки мнѣ? душою страстной
О милой сладко мнѣ грустить!

СОЛОВЕЙ.

(Подражаніе Пушкину).

Плѣнившись розой, соловей
И день и ночь поетъ надъ ней;
Но роза молча пѣснямъ внемлетъ,
Невинный сонъ ее объемлетъ. . .
На лирѣ такъ пѣвецъ иной,
Поетъ для дѣвы молодой;
Онъ страстью пламенной сгараетъ,
А дѣва милая не знаетъ —
Кому поетъ онъ? отъ чего
Печальны пѣсни такъ его?. . .

КЪ ДРУГУ.

Развеселись, забудь что̀ было!
Чего ужь нѣтъ — не будетъ вновь!
Все ль намъ на свѣтѣ измѣнило?
И все ль взяла съ собой любовь?

Еще отрадъ у жизни много,
У ней мы снова погостимъ:
Съ однимъ развелъ насъ опытъ строгой,
Поладимъ, можетъ-быть, съ другимъ!
И что̀ мы въ жизни потеряли —
У жизни снова мы найдемъ!
Что намъ мгновенныя печали?
Мы ль ихъ съ тобою не снесемъ?
Что грусть земли? ужель за гробомъ
Ни жизни, ни награды нѣтъ?
Ужели тамъ, за синимъ сводомъ
Ничтожество и тьма живетъ?
Ахъ, нѣтъ! кто мучится душою,
Кто въ мирѣ за-живо умретъ,
Тотъ тамъ, за дальней синевою,
Награды вѣрныя найдетъ!
Не вѣрь истлѣнія кумиру,
Не вѣрь себѣ, не вѣрь людямъ,
Не вѣрь пророчащему міру,
Но вѣруй, вѣруй небесамъ!
И пусть меня людская злоба
Всего отраднаго лишитъ,
Пусть съ колыбели и до гроба
Лишь зломъ и мучитъ и страшитъ:
Предъ ней душою не унижусь,
Въ мечтахъ не разувѣрюсь я;
Могильной тѣнью въ прахъ низринусь,
Но скорби не отдамъ себя!...

———

ДОМЪ ЛѢСНИКА.

Въ темномъ лѣсѣ, за рѣкой,
Стоитъ домикъ небольшой,
Съ двумя свѣтлыми окнами,
Съ распашными воротами.

Подъ замкомъ тѣ ворота,
И калитка заперта,
Чтобъ не вшелъ туда рогатый
Лѣшій, страшный и косматый.

Чтобъ не вшелъ туда упырь,
Ни проѣзжій богатырь.
Кто жь живетъ тутъ одиноко,
Отъ жилья кругомъ далеко?

Рыболовъ ли небогатый?
Иль разбойникъ бородатый
Въ немъ спасается мольбой
Съ сундуками и казной?

Живетъ въ домѣ съ давнихъ поръ,
Караулитъ царскій боръ —
Лѣсной староста, съ женою,
Съ третьей дочкой молодою.

И для ней старикъ сѣдой
Замыкаетъ домикъ свой,
Чтобы въ каменны палаты
Не увезъ купецъ богатый;

Чтобъ бояринъ окружной
Не прильнулъ бы къ молодой
Безотвязной повиликой —
Чтобъ не быть ей горемыкой.

ИЗСТУПЛЕНІЕ.

Духи неба, дайте мнѣ
Крылья сокола скорѣй!
Я въ полночной тишинѣ
Полечу въ объятья къ ней!
Сладострастными руками
Кругомъ шеи обовьюсь,
Ея черными глазами
Залюбуюсь, загляжусь!
Беззаботно къ груди полной,
Какъ пчела къ цвѣтку, прильну,
Сладострастьемъ усыпленный,
Безпробудно я засну.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ПОСЕЛЯНИНА.

На восьмой десятокъ
Пять лѣтъ перегнулось,
Какъ одну я пѣсню,
Пѣсню молодую,
Пою, запѣваю
Старою погудкой;

Какъ одну я лямку
Тяну безъ подмоги!
Ровесникамъ дѣтки
Давно помогаютъ,
Только мнѣ на свѣтѣ
Перемѣны нѣту.
Сынъ пошелъ на службу,
А другой въ могилу:
Двѣ вдовы невѣстки:
У нихъ дѣтей кучи —
Все малъ-мала меньше;
Зàдной головою
Ничего не знаютъ,
Гдѣ пахать, чтò сѣять
Позабыли думать.
Богу, знать, угодно
Наказать, подъ старость,
Меня горемыку
Такой тяготою.
Сбыть съ двора невѣстокъ,
Пустить сиротъ въ люди —
Старики, на сходкѣ,
Про Кузьму, что скажутъ?
Нѣтъ, мой згадъ, ужь лучше,
Доколь мочь и сила,
Доколь душа въ тѣлѣ,
Буду я трудиться;
Кто у Бога проситъ,
Да работать любитъ —
Тому невидимо
Господь посылаетъ.
Посмотришь — одинъ я

Батракъ и хозяинъ;
А живу чѣмъ хуже
Людей семьянистыхъ?
Лиха-бѣда, въ землю
Кормилицу ржицу
Мужичку закинуть;
А тамъ Богъ уро́дитъ,
Микола подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля
Такъ его достанетъ
Годъ семью пробавить,
Посбыть полать съ шеи
И нужды поправить,
И лишней копейкой
Божій праздникъ встрѣтить.

ПОЭТЪ И НЯНЯ.

«Няня, няня! правда ль это,
Что здѣсь сказано поэтомъ?
Будто мнѣ не вѣкъ играть;
Что достанется узнать
Дѣвушкѣ дѣвичье горе,
Своенравное какъ море;
И что̀ мнѣ теперь такъ мило,
Будетъ горестно, постыло.
Что привыкну тосковать
И украдкою вздыхать...
День ли весело проснется —
Дѣва дню не улыбнется;

Выйдетъ съ грустью на крыльцо
Освѣжить свое лицо,
Поглядитъ ли на дубравы,
На невинныя забавы,
На шелковые луга,
На зеленые брега —
Все подъ твердью голубою
Дышетъ радостью земною;
Ей лишь скучно, и слеза
Ороситъ ея глаза...»

— И!... не вѣрь, мое дитя,
Они гуторятъ шутя;
Ихъ ты сказкамъ не внимай,
Плюнь на книжку! пой, играй! —

ГЛАЗА.

Погубили меня
Твои черны глаза:
Въ нихъ огонь неземной
Жарче солнца горитъ!

Омрачитесь, глаза,
Охладѣйте ко мнѣ!
Ваша радость, глаза,
Не моя, не моя!...

Не глядите же такъ,
О, не мучьте меня!
Въ васъ, страшнѣе грозы,
Блещутъ искры любви.

Нѣтъ, прогляньте, глаза,
Загоритесь, глаза!
И огнемъ неземнымъ
Сердце жгите мое!

Мучьте жаждой любви!
Я горю — и въ жару
Безконечно хочу
Оживать, умирать,

Чтобы, чорны глаза,
Васъ съ любовью встрѣчать,
И опять, и опять
Горевать и страдать!

ЖЕНИДЬБА ПАВЛА.

Павелъ дѣвушку любилъ,
Ей подарковъ надарилъ:
Два аршина касандрики,
Да платокъ, да черевики,

Да китаечки конецъ
Да золоченный вѣнецъ;
Она стала щеголиха,
Какъ богатая купчиха.

Плясать въ улицу пойдетъ,
Распотѣшитъ весь народъ;
Пѣсни ль на голосъ заводитъ,
Словно зельями обводитъ.

Одаль мо́лодцы стоятъ,
Межь собою говорятъ:
«Всѣ мы ходимъ за тобою;
Чьей-то будешь ты женою?»

Говорите. Самъ-третей,
Запрягъ Павелъ лошадей,
Везть товары подрядился,
Кой-гдѣ зиму волочился.

И, разго́рившись казной,
Къ веснѣ ѣдетъ онъ домой:
Въ гости ро́дныхъ созываетъ;
Свахой тетку наряжаетъ...

Большой выкупъ далъ отцу—
Кладъ достался молодцу.
Свадьбу весело играли:
Двѣ недѣли пировали.

ДВА ПРОЩАНІЯ.

«Такъ ты, моя
Красавица,
Лишилась вдругъ
Двухъ мо́лодцовъ.
Скажи же мнѣ,
Какъ съ первымъ ты
Разсталася,
Прощалася?»

— Разсталась съ нимъ
Я весело;
Прощалася —
Смѣялася...
А онъ ко мнѣ,
Бѣдняжечка,
Припалъ на грудь
Головушкой;
И долго такъ
Лежалъ, молчалъ;
Смочилъ платокъ
Горючими...
Ну — Богъ съ тобой!
Промолвилъ мнѣ.
Схватилъ коня,
Поѣхалъ въ путь,
Въ чужихъ краяхъ
Коро́тать вѣкъ. —

«И ты надъ нимъ
Смѣялася?
Его слезамъ
Не вѣрила?
Скажи жь теперь,
Мудреная,
Какъ ты съ другимъ
Прощалася?»

— Другой не то...
Не плакалъ онъ,
А и теперь
Все плачу я.

Ахъ, обнялъ онъ
Такъ холодно;
Такъ сухо рѣчь
Повелъ со мной:

Я ѣду — вишь —
На нȁдолго;
Еще съ тобой
Увидимся,
И въ-волюшку
Наплачемся.
По сердцу ли
Такой привѣтъ?
Махнулъ рукой,
Не кланяясь,
Въ мое лицо
Не смотрючи,
Пустилъ коня —
И былъ таковъ! —

«Кто жь памятнѣй
Останется
Душѣ твоей,
Красавица?»

— Мнѣ перваго,
Конечно, жаль;
Люблю же я
Послѣдняго.

———

ПОСЛѢДНЯЯ БОРЬБА.

Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.

Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ — силу, въ сердцѣ — жаръ!

Что погибель! что спасенье!
Будь, что будетъ — все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно!

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна!
Безконечно въ ней стремленье;
Въ ней покой и тишина...

Не грози жь ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой;
Готовъ биться я съ тобою,
Но не сладишь ты со мной!

У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь,
Подъ крестомъ — моя могила,
На крестѣ — моя любовь!

———

КЪ МИЛОЙ.

Давно разстались мы съ тобою.
Быть можетъ, ты теперь не та;
Быть можетъ, ужь другой
Тебя отъ сладкаго забвенья
Для новой жизни пробудилъ,
И въ тѣхъ же снахъ, другія сновидѣнья,
Роскошнѣе моихъ, твою лелѣютъ душу.
Хорошъ ли онъ? вполнѣ ли замѣнилъ
Огонь любви моей могучей,
И силу страстнаго лобзанья,
И наслажденья безъ конца?
Что, если онъ, своею волей,
Съумѣлъ любовь пересоздать,
И на разрушенныхъ обломкахъ
Построилъ міръ другой —
Подобье дня подъ небесами?
И въ этотъ міръ, волшебной силой,
Прелестныя мечты безъ образовъ собралъ,
Кругомъ тебя разсыпалъ,
Преобразилъ въ живыя лица,
Святой любовью озарилъ,
И власть тебѣ онъ далъ
Ихъ безконечно ощущать?...
Ахъ, если такъ, то ты счастлива!
Среди духовъ небесныхъ,
Нѣтъ духа счастливѣй тебя!...
Что жь я? — ненужное созданье!
Приди ко мнѣ, моя богиня,

Во время сна, въ покровахъ ночи,
Возьми къ себѣ въ его прекрасный міръ,
И съ нимъ въ одно созданье слей!

БѢДНЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Убилъ я жизнь, искавши счастья,
Сгубилъ себя — а счастья нѣтъ;
Пойду къ друзьямъ на пиръ старинный,
И заживу я съ ними вновь.

«Противъ меня возстали люди;
Судьба караетъ день и ночь;
На свѣтѣ жить несносно, горько;
Страдальцу дайте отдохнуть».

Отвѣта нѣтъ. Друзья-счастливцы
На бѣдность холодно глядятъ;
Со мною встрѣчи избѣгаютъ,
И «нѣту дома» говорятъ.

Какъ-будто я недобрый гость,
Пришелъ богатство ихъ присвоить;
Печалью радость отравить;
Свое имъ горе навязать!

И вотъ дожилъ на старость лѣтъ,
Что не съ кѣмъ слова перемолвить;
Сердечной скуки раздѣлить,
Кому бъ «ночь добрую» сказать.

О, ночь! приди хоть ты... но съ этой мыслью,
Вся повѣсть прежнихъ дней
Изъ глубины души выходитъ
И тѣнью страшною стоитъ.

И грустно мнѣ смотрѣть:
Весной на лугъ зеленый,
На плодъ любимыхъ яблонь
И на пожатый колосъ нивъ...

ПРИМИРЕНІЕ.

На пиръ сердечныхъ наслажденій,
На свѣтлый пиръ любви младой,
Съ судьбою грозной злые люди
Напали буйною толпой.
И я, въ безумномъ изступленьи,
Изъ міра дѣвственной любви,
Къ моимъ врагамъ на праздникъ шумный,
Съ челомъ открытымъ гордо вышелъ.
а злобу — злобой ополчился,
И на̀ бѣду — съ бѣдой пошолъ;
Противъ людей я грудью сталъ,
На смертный бой судьбу я вызвалъ!
И гдѣ жь она?... гдѣ злые люди?...
Гдѣ сила ихъ, оружье, власть?...
Ихъ зло на нихъ же обратилось;
И все кругомъ меня безмолвно,
Въ одно мгновенье покорилось;
А я стоялъ, глядѣлъ на небо —
И улыбнулось небо мнѣ...

На небо — нѣтъ! Ея прекрасный,
Привѣтный взоръ я встрѣтилъ тамъ...

Теперь, лукавый соблазнитель,
Ты, демонъ гибнущей души,
Оставь меня. Ни прелестью порока,
Ни буйной страстью грѣшныхъ наслажденій,
Не увлечешь меня ты больше;
Не для тебя — для ней одной
Я жизнью пламенной живу.
И вотъ ужь нѣтъ пространства между нами;
И вотъ ужь нѣтъ въ пространствѣ пустоты;
Она и я — различные два міра —
Въ одну гармонію слились,
Одною жизнію живемъ!
Но что за грустныя сомнѣнья
Порой еще мою волнуютъ грудь?
Ужель, души моей надежды,
Есть за могилой вамъ конецъ?
Ужель, всѣ истины на свѣтѣ —
Одна лишь выдумка ума?
Ужель и ты, святая вѣра чувствъ —
Людскихъ страстей пустая тѣнь?...
Нѣтъ, нѣтъ! не для того на небѣ солнце ходитъ,
Чтобъ бѣлый день покрылся тьмой!...

МІРЪ МУЗЫКИ.

Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни
Гармонической волной;
По душѣ волшебной ходятъ
И проходятъ съ быстротой.

Полечу я вслѣдъ за ними;
Погружуся въ нихъ душой;
Въ очарованномъ забвеньи
Позабуду міръ земной!

Сколько звуковъ, сколько пѣсень
Раздалося вновь во мнѣ!
Сколько ȍбразовъ чудесныхъ
Оживилось въ вышинѣ!

Между нихъ, она, младая,
Заблистала красотой!
Чистой пламенной любовью
Озарился міръ земной...

Улетайте жь въ небо, звуки,
Сокрывайтеся вдали!
Здѣсь я съ нею, здѣсь я счастливъ —
Любо жить мнѣ на землѣ!

ТОВАРИЩУ.

Что ты ходишь съ нуждой,
По чужимъ по людямъ?
Вѣруй силамъ души,
Да могучимъ плечамъ.

На заботы жь свои
Чуть заря поднимись
И одинъ во весь день,
Что есть мочи, трудись.

Неудачи, бѣда —
Съ грустью дома сиди;
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.

И такъ бейся, пока
Случай счастье найдетъ,
И на славу твою
Жить съ тобою начнетъ.

Та же сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно, и смѣшно,
Всѣхъ къ тебѣ прикуетъ.

И тѣ жь люди-враги,
Что чуждались тебя,
Богъ ужь вѣдаетъ какъ,
Назовутся въ друзья.

Ты не сердись на нихъ;
Но спокойно, въ тиши,
Жизнь горою пируй,
По желаньямъ души.

---

* * *

Не разливай волшебныхъ звуковъ!
Не уноси ты въ свой прекрасный міръ!
Твоя душа — какъ Божій ангелъ!
Вся жизнь твоя — какъ свѣтлый день!

Ты можешь силой дивной пѣсни
Созвать невидимыхъ духовъ:
Они всю прелесть чудной жизни
Въ твоихъ видѣньяхъ разольютъ;

Мятежный міръ въ мечтахъ сокроютъ,
Съ печалью радость съединятъ;
Коснется ль грусть — на душу снидетъ
Всесильной жизни благодать!

А предо мной — лишь прошлыхъ дней
Всѣ образы страстей безумныхъ
Изъ глубины души поднимутъ
Во всей ихъ страшной наготѣ.

И если ты, мой милый другъ,
Не озаришь меня своимъ сіяньемъ,
Не дашь руки, «люблю» не скажешь,
Со мною вмѣстѣ не пойдешь —

Тогда погибъ я навсегда!
Тогда, страдалецъ одинокій,
Ни для земли, ни для небесъ
Я не воскресну никогда!

КЪ * * *

Ты въ путь иной отправилась одна,
И для преступныхъ наслажденій,
Для сладострастья безъ любви,
Другихъ любимцевъ избрала...

Ну, что жь — далеко ль этотъ путь пройденъ?
Какія впечатлѣнья
Въ твоей душѣ оставилъ онъ?
Изъ всей толпы избранниковъ твоихъ
Съ тобой остался ль хоть одинъ,
И для спасенья твоего
Готовъ ли жертвовать собой?
Гдѣ жь онъ? Дай мнѣ его обнять,
Обоихъ васъ благословить
На безконечный жизни путь!
Но ты одна — надъ страшной бездной,
Одна, несчастная, стоишь!
Въ безумномъ изступленьи
Враговъ на помощь ты зовешь,
И съ безнадежною тоскою
На гибель вѣрную идешь.
Дай руку мнѣ: еще есть время
Тебя отъ гибели спасти...
Какъ холодна твоя рука!
Какъ тяжело намъ проходить
Передъ язвительной толпою!
Но я рѣшился, я пойду,
И до конца тебя не брошу,
И вновь я выведу тебя
Изъ бездны страшнаго грѣха...
И вновь ты будешь у меня
На прежнемъ небѣ ликовать,
И трудный путь судьбы моей
Звѣздою свѣтлой озарять!...

ВОПЛЬ СТРАДАНІЯ.

Напрасно я молю святое Провидѣнье
Отвесть ударъ карающей судьбы,
Укрыть меня отъ бурь мятежной жизни
И облегчить тяжелый жребій мой;

Иль, слабому, ничтожному творенью,
Дать силу мнѣ, терпѣнье, вѣру,
Чтобъ могъ я равнодушно пережить
Земныхъ страстей безумное волненье.

Пощады нѣтъ! Душевную молитву
Разноситъ вѣтръ во тьмѣ пустынной,
И вопли смертнаго страданья
Безъ отзыва въ дали глубокой тонутъ.

Ужель во цвѣтѣ лѣтъ подъ тяжестью лишеній,
Я долженъ пасть, не насладившись днемъ
Прекрасной жизни, досыта не упившись
Очаровательнымъ дыханіемъ весны?

ПѢСНЯ.

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полямъ и лугамъ
Не сбираю цвѣтовъ.

Та весна далеко,
Тѣ завяли цвѣты,
Изъ которыхъ мы съ нимъ
Завивали вѣнки!

И тѣхъ нѣтъ ужь и дней,
Что летѣли стрѣлой,
Что любовью насъ жгли,
Что палили огнемъ!

Все прошло ужь давно...
Не воротишь назадъ!
Для чего жь, безъ него,
Цвѣты стану я рвать?

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла...

ПѢСНЯ.

Гдѣ вы, дни мои,
Дни весенніе,
Ночи лѣтнія,
Благодатныя?

Гдѣ ты, жизнь моя,
Радость милая!
Пылкой юности
Заря красная?

Съ какой гордостью
Я смотрѣлъ тогда
На туманную
Даль, волшебную!

Тамъ свѣтился свѣтъ
Голубыхъ очей;
Тамъ мечтамъ моимъ
Конца не было!

Но, среди весны,
Въ цвѣтѣ юности,
Я сгубилъ твою
Душу чистую...

Безъ тебя, одинъ,
Я съ тоской гляжу,
Какъ ночная тьма
Покрываетъ день...

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

Изъ лѣсовъ дремучихъ, сѣверныхъ,
Поднялась не тучка темная,
А рать сильная — могучая,
Царя грознова, московскова.

Словно птица быстролетная
Пролетѣла море синее —
Перешла такъ сила русская
Степь пустую, непроходную.

И пришла она, незваная,
Къ царству славному, Казанскому —
Къ бусурману — хану лютому,
Къ своему недругу заклятому.

И куда еще — спитъ зорюшка,
А ужь бьется Русь съ Татариномъ, —
Стѣны крѣпкія разрушила,
И пошла гулять по городу.

Воеводы, рати храбрыя
Ѣздятъ, бьютъ Татаръ по улицамъ;
А на башнѣ, съ русскимъ знаменемъ,
Юный царь стоитъ, какъ солнышко!

А. П. СЕРЕБРЯНСКОМУ.

Не посуди: чѣмъ я богатъ
Послѣднимъ подѣлиться радъ.
Вотъ мой досугъ; въ немъ умъ твой строгій
Найдетъ ошибокъ слишкомъ много:
Здѣсь каждый стихъ — чай, грѣшный бредъ.
Что жь дѣлать! я такой поэтъ,
Что на Руси смѣшнѣе нѣтъ!
Но не щади ты недостатки,
Замѣть, что требуетъ поправки...
Когда бъ свобода, время, чинъ,
Когда бъ, примѣрно, господинъ
Я былъ такой, чтобъ только съ трубкой
Сидѣть день цѣлый и зѣвать,

Роскошно жить, безпечно спать:
Тогда, клянусь тебѣ! не шуткой
Я бъ вышелъ въ люди, вышелъ въ свѣтъ.
Теперь я самъ-собой поэтъ,
Теперь мой генiй... но довольно!
Душа груститъ моя невольно.
Я чувствую, мой милый другъ,
Съ издѣтскихъ лѣтъ какой-то духъ
Владѣетъ ею не напрасно!
Нѣтъ! я не даромъ сладострастно
Люблю богиню красоты,
Уединенье и мечты!...

———

МЫСЛИ О МУЗЫКѢ.

(статья Серебрянскаго).

—

Привольно душѣ носиться по волнамъ звуковъ, по гармоническому ихъ разливу въ широту и глубину. Я страстно люблю эту музыку, которая то возноситъ духъ на какую-то высоту, свѣтлую, божественную; то, прихотливо волнуя неизъяснимой тревогой, низвергаетъ въ неизмѣримую глубину — глубину смертную и мрачную; то снова несетъ въ область свѣта и утѣшенія, дышитъ на него роскошью жизни и набожнымъ успокоеніемъ.

Но звукъ умеръ. Душа погружается сама въ себя, томится неразгаданностію того вліянія, той власти въ музыкѣ, которой она такъ охотно, съ такимъ наслажденіемъ покоряется. Отчего въ музыкѣ (когда она созданіе генія), отчего въ этой музыкѣ слышится такой усладительной и знакомый душѣ голосъ? Откуда въ ней эта власть надъ душою? Откуда эта полнота, какъ-будто въ ней цѣлый міръ, вся повѣсть жизни и судебъ со всѣми превратностями?

Отказываюсь отъ сужденій — и мысли родятся. пробуждаются завѣтныя думы; берусь разсуждать — и мысли бѣгутъ,

какъ звуки, уходятъ, свободныя, отъ оковъ моего слова; я не найдусь дать образъ этимъ безплотнымъ, чуднымъ видѣніямъ души.

Нѣтъ! сокрушительные вздохи не облегчаютъ сердца. Мнѣ чудится, мнѣ снится, какъ эти музыкальные звуки дробятся и бѣгутъ въ безконечность... Я слышу, какъ на эту пѣсню, на этотъ отзывъ струны откликается все близкое, родное въ природѣ... Признайся жь мнѣ, генiй-музыкантъ: ты у природы подслушалъ гармоническiе звуки свои? Ты только собралъ тоны, разсѣянные въ безпредѣльномъ пространствѣ, и приблизилъ къ нашему уху? Ты создалъ изъ этихъ тоновъ общiй поэтическiй языкъ жизни, воодушевилъ ихъ жизнью собственнаго сердца и фантазiи? Вѣдь въ смыслѣ твоихъ звуковъ заключается вся наша душа, вся постигаемая ею природа?

Сильно, неумолкаемо говоритъ въ насъ за себя побужденiе высказывать тайны своего сердца. Одинокое, глубокое чувство тягостно, невыносимо. Дайте ему слово, дайте голосъ, дайте инструментъ — это чувство должно вылетѣть, хоть на вѣтеръ, но только вылетѣть! И у человѣка есть это слово, этотъ голосъ, этотъ инструментъ. Онъ радъ ему—радъ способу выразить себя и даже выражая что-либо постороннее, онъ не воздержится, чтобъ оно сколько-нибудь не было проникнуто его собственнымъ чувствомъ. Въ этомъ-то чувствѣ вся тайна явленiя нашихъ инструментовъ, и вся тайна того, почему въ звукахъ мы слышимъ преимущественно исторiю человѣческаго сердца. Звуки прiятной мелодiи, звуки торжества, ужаса, унынiя и тоски — все это повторенiе того, что условливаетъ явленiе человѣческой улыбки, свѣтлаго взора, кипѣнiя страстей, слезы и тяжкихъ думъ. Самое безотчетное наслажденiе музыкальностiю волнуется только подъ влiянiемъ этого смысла ея. Душа имъ тронута, хотя бы и безвѣдома объ этомъ. Какими бы глазами мы ни смотрѣли на ноты и струны, онѣ все бу-

дутъ тѣ же буквы, тѣ жь слова, удаленныя только отъ опредѣленной частности ихъ значенія въ музыкальную поэтическую общность. Человѣческій голосъ, соглашая текстъ пѣсни съ звономъ инструмента, есть самый внятный и плѣнительный представитель того тѣснаго союза, который находится между жизнью звуковъ и жизнью нашего сердца, между душою всякаго музыкальнаго созданія и духомъ каждаго внемлющаго ему безъ равнодушія; а характеристическая мимика подъ тонъ музыки явно указываетъ на этотъ союзъ. Музыка — мятежная душа наша.

Но это обиліе, эта роскошь, эта полнота, эта бездна тѣни и свѣта въ гармоническихъ звукахъ — цѣлый міръ, цѣлый міръ со всѣми своими измѣненіями, превратностями и разнообразіемъ. Почему-же такъ? Не можетъ-ли слово *микроскопъ-человѣкъ* объяснить это? Не можетъ-ли дать мысль и поставить эту тайну не тайной любовь наша къ родной внѣшней природѣ, крѣпко допытливая наблюдательность и вниманіе къ ней? Да! струны генія звучатъ жизнью всеміроною: ревъ звѣря, голосъ птицы, шелестъ вѣтерка, плескъ волны, раскатъ грома, завываніе бури, стонъ жаднаго пламени, шумъ дождя — все отозвалось на струнахъ подъ его рукою, все получило отъ него вторую, поэтическую жизнь. Сдается, будто и то, что̀ молчаливо живетъ, что̀ сказывается сознанію только цвѣтомъ, запахомъ, вкусомъ или безъ того и другаго существуетъ только, какъ осязаемое, — даже все это вошло въ составъ, вошло въ смыслъ той ораторіи, которую создаетъ музыкантъ. Нижнія октавы, если слѣдить ихъ въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, даютъ идею чего-то мрачнаго, горькаго, тяжелаго; высокіе тоны, напротивъ, болѣе или менѣе пріятны: они заключаютъ въ себѣ какую-то сладость, что-то легкое и свѣтлое. Такъ все откликается на свой родимый звукъ. Всѣ предметы подходятъ подъ свою родную идею извѣстныхъ звуковъ и остаются навсегда ему

вѣрными. Возьмите на вашемъ инструментѣ любимые ваши аккорды! Они приведутъ на память все вамъ любезное; эти звуки заговорятъ языкомъ дружбы о мѣстахъ, священныхъ для васъ въ воспоминаніи, о всемъ, что̀ когда либо сдѣлало на васъ пріятное впечатлѣніе. Гуляйте тѣмъ полемъ, котораго мѣстность, живая картина, гдѣ шумитъ рожь поспѣвающимъ колосомъ, заходящее солнце обливаетъ свѣтомъ отдаленный лѣсъ, пріятная тѣнь далеко сошла по скату холма на зеленый берегъ рѣки, тихой и свѣтлой, какъ небо — вамъ придутъ на память пѣсни счастія, васъ посѣтитъ охота ихъ слушать, ихъ пѣть, если на душѣ у васъ такъ же безмятежно. Мы не можемъ, хотя бы захотѣли, ни разрознить между собою этихъ соприкасающихся понятій, ни изгнать ихъ изъ смысла извѣстныхъ звуковъ, ни даже разорвать тайную связь между самыми предметами, имъ сотвѣтствующими. Каркающій воронъ ни на что не промѣняетъ мрачныхъ вѣтвей высокаго дуба; его густолиственная тѣнь, закрытая отъ свѣта и вѣянья тихаго вѣтра родственными объятіями, лобзается съ бурею и утѣшается чернымъ крыломъ искони знакомаго ему прорицателя непогодъ. Вотъ предметы, связанные какъ-бы брачнымъ союзомъ; и только имъ подобные могутъ дать идею для пѣсни дикой и мрачной, и, наоборотъ, только они подойдутъ подъ идею такой пѣсни. Сгоните лебедя съ чистыхъ водъ его—онъ опять къ нимъ прилетитъ: тамъ родина его бѣлой одежды, тамъ любо и привольно ему купаться и оглашать мѣста спокойствія легкой и сладостной пѣснью; тамъ не запятнается его пухъ прозрачною волною; въ торжественныя минуты тихаго дня и ночи тамъ отражается для него свѣтлая лазурь неба и горитъ золото лучей звѣздныхъ. Вотъ предметы, которые также какъ бы ищутъ другъ-друга, манятъ къ себѣ другъ-друга привѣтомъ родства, и только они, какъ почему-либо близкіе предметы, могутъ пробудить на струнахъ пѣснь отрадную и отзовутся на звукъ ея. Такъ

можно включить въ смыслъ каждой музыкальной пѣсни все ей родное, все не чуждое ей въ нашемъ сердцѣ, въ предметахъ и событіяхъ всего міра. Такъ подобраны аккорды на великомъ инструментѣ, называемомъ природою; тайну ихъ созданія геній-человѣкъ, самъ того не зная, перенесъ на свои струны. Напрасно же, ударяя въ струны, я бы сказалъ: звуки здѣсь, подъ моею рукою; тронувъ ихъ, я тронулъ безчисленное множество струнъ міра, чрезъ нашу мысль звукъ бѣжитъ въ безконечный рядъ своего сродства между предметами, дѣяніями, мыслями. Сила звука — легкія крылья, чтобы носиться духомъ въ безпредѣльности жизни... Душѣ, приласканной звуками, снятся всѣ сладчайшіе сны дѣйствительнаго и возможнаго, снится вся драма жизни въ ея идеалѣ. Безмолвныя краски, созданія рѣзца, океанъ водъ, океанъ человѣчества, все — отъ текущихъ по своимъ путямъ свѣтилъ неба до полевой травы, — все это — музыка, все ея осуществленное слово; душа поняла его и создала себѣ на памать ея обличья безплотный гармоническій звукъ. Но одна и таже жизнь міра вѣчно перемѣнчива и глубокъ смыслъ ея; нескончаемъ трудъ геніевъ уловлять этотъ смыслъ...

Конечно, слишкомъ общъ языкъ музыки, идеаленъ, какъ ничто болѣе; чтобы истолковать извѣстныя его выраженія опредѣленнѣе, нужно какъ-бы додумывать ихъ всякому примѣнительно къ себѣ, сколько каждый знаетъ исторію жизни; но пусть даже неуловимы частности его значенія — что до того? Въ его гармоніи свѣтло блещетъ и звучитъ гармонія всѣхъ стихій бытія, гармонія всего созданнаго. На что болѣе? Безсознательное творчество музыканта прислушивается къ жизни; съ трепетомъ вслушивается въ самую тишину и безмолвіе природы, и изъ всего, одареннаго какимъ-бы то ни было глаголомъ, создаетъ гармоническое выраженіе бытія. Да, онъ вслушивается внимательно, прежде нежели заставляетъ себя

слушать. И какъ ему не быть внимательнымъ ко внѣшнимъ звукамъ и не звукамъ? Наша любовь къ природѣ освящена тѣмъ великимъ закономъ, по которому другъ жаждетъ бесѣды разлученнаго съ нимъ друга, братъ — объятій брата. Заставьте нашего селянина, заставьте, кого хотите, не любить пѣсни соловья! Нужды нѣтъ, что въ его треляхъ слышно знакомое намъ чувство, что въ нихъ такъ сладостно звучитъ то же волненіе любви, надежды, тоски и вновь надежды — нужды нѣтъ! Согласитесь его ненавидѣть! Послушайте русской пѣсни въ деревняхъ отъ самихъ поселянъ. Она заливается, протяжно ноетъ, воркуетъ и вдругъ воскресаетъ, какъ утренній пѣтелъ. Въ ней животрепещущи мотивы сельской природы. Понятно, какъ безъ ихъ вѣдома слухъ ихъ воспитанъ подъ шумомъ дубравъ и вьюгъ, подъ пѣвучій голосъ пернатыхъ и прочей сельской музыкальности. Различіе напѣвовъ двухъ, трехъ сосѣдей, напримѣръ, Финна и Малоросса, хотя слухъ ихъ, кажись, воспитывается подъ вліяніемъ почти одной и той же природы, не даетъ повода къ недоумѣнію. Узнаемъ только судьбу семействъ, составляющихъ села, города, страны — и причины различія ихъ напѣвовъ откроются въ ихъ жизни, склонностяхъ, въ степени образованія и гражданственности. При извѣстныхъ обстоятельствахъ каждый народъ, такъ какъ и каждый человѣкъ, имѣетъ свой взглядъ на вещи и свою пріемлемость. Ухо мученика жизни заснетъ подъ пѣсню счастія; самое веселое расположитъ его къ невеселому состоянію духа; въ самомъ торжественномъ онъ станетъ доискиваться грустныхъ отголосковъ и соберетъ ихъ для своей пѣсни-утѣшительницы. Счастливый и образованный поступитъ совсѣмъ наоборотъ съ одними и тѣми же средствами и своимъ созданіямъ дастъ болѣе полноты и вкуса.

Не теряетъ ли своей высокой цѣны искусство генія музыки чрезъ подражаніе природѣ, чрезъ такое, хотя бы и неумышлен-

ное, заимствованіе? Нѣтъ! Вникнемъ въ тайну нашего сродства съ природою—и его поэзія, его творческое искусство представится во всемъ величіи своего характера. Искони есть въ насъ вѣра въ это сродство. Мы безотчетно любимъ природу, ей довѣряемся, дорожимъ ею, хотимъ ее понимать и разглядѣть, какъ сердце друга. Мы невольно вслушиваемся въ шумъ вѣтра, задумываемся при плескѣ волнъ; намъ кажется, что это ея вопль и плачъ, — что и у природы есть также пора грусти и пора радости. Это всегда указывало на наше сродство съ нею, и мы уже не слѣпо вѣримъ наконецъ въ это сродство; понятно, по крайней мѣрѣ то, что жизнь повторяетъ свое единство во множествѣ людей и опять въ единствѣ человѣчества; что въ человѣкѣ тѣ же стихіи, тѣ же силы духовныя и недуховныя, какія видимъ въ цѣлой природѣ, включая и свою личность въ общую сферу бытія. Сила этого-то сродства связала насъ, слила съ природою. Мы находимъ и себя въ природѣ, и природу въ себѣ. Личность человѣчества существеннѣйшая, все связующая собою, конечная часть общей жизни міра. Успѣхи развитій человѣческой жизни поэтому суть успѣхи одной и той же природы; это общій ходъ ея. Разумѣя одну и ту же жизнь такъ безконечно распростертою и сосредоточенною въ существѣ, способнѣйшемъ углубляться въ ея безконечность, что̀ бы оставалось для человѣчества на высокой его степени, въ пользу собственнаго самонаслажденія, если не стараться раскрыть, видѣть это бытіе въ полномъ величіи, слѣдить тайны эстетическихъ его достоинствъ, раскинутыхъ во всѣхъ сферахъ? Мы только малая часть, сжатое отраженіе того цѣлаго, въ которомъ совершается жизнь во всемъ безконечномъ размѣрѣ. Отклоняясь изъ эгоизма отъ созерцаній этой безконечной жизни, мы уклонились бы только отъ полноты, отъ возможной для человѣка обширности и глубины существованія, наслажденія. Говоря о музыкѣ, признаемся, мы бѣдно бы вы-

разумѣли находку струнъ, находку инструментовъ, еслибы не воспользовались ими, какъ средствомъ приблизить къ себѣ божественную идею гармоніи, осуществленной въ пространствѣ. Кто думаетъ имѣть притязаніе на имя великаго генія музыки, на того его талантъ возлагаетъ даже обязанность—это безсознательно дѣйствующее внутреннее требованіе души — пробудить въ своихъ струнахъ благовѣстъ высочайшей гармоніи бытія; его святой долгъ вслушиваться въ тайну свершающагося предъ нимъ и въ немъ, изучать языкъ природы, воспринимать впечатлѣнія въ глубину души, чтобы дать своимъ созданіямъ жизнь многообразную, многообъемлющую, всемірную: да всякій, имѣя внутренній слухъ, слышитъ черезъ него гармонію дѣлъ Создателя. Въ торжественнѣйшія минуту вдохновенія—вдохновенія, осѣнявшаго нѣкогда главу Пиѳагора, можно непосредственно ощущать въ душѣ пребываніе этой гармоніи во всей природѣ, какъ-бы видѣть ея безконечность, слышать ея вѣчность. Уничтожайте пространство, отдѣляющее васъ отъ великихъ явленій, передайте всѣ способности вашихъ чувствъ *одной душѣ* — все великое настоящее и минувшее заговоритъ вамъ языкомъ этой гармоніи. Прахъ нѣкогда великихъ пробудитъ силы вашего духа; лѣтописи міра взволнуютъ чувство высокаго; съ ненасытимой жаждой видѣнія вы остановите взоръ у памятниковъ великихъ событій; оружіе завоевателей отгрянетъ, отзовется торжественной пѣснью геніяльныхъ предпріятій; уединенная дума философа повѣетъ трогательнымъ соло—соло души, мыслящей о безсмертіи и смерти. Вы постигнете музыкальное въ дѣлахъ человѣка. Неситесь мыслію, неситесь духомъ къ поэзіи земли! Тамъ снѣжная, мертвая пустыня полюсовъ... Безотрадна тамъ жизнь... Но эти пустыни имѣютъ свои музыкальныя вьюги, гулящія съ сребристою пылью по звонкимъ, чистымъ, необозримымъ льдамъ... Тамъ массивная лава металловъ борется съ могучимъ пламе-

немъ внутри земли... Она можетъ пугатъ, но и самый испугъ этотъ великъ для души... Лава реветъ, клокочетъ съ шумомъ неподражаемой глубокой октавы и съ изумительнымъ грохотомъ и великолѣпіемъ извергается изъ безднъ своего тайнаго жилища... Вотъ глубь океана. Чувствуете ли, что океанъ можно только любить? Что душѣ хотѣлось бы его измѣрить, постигнуть и заглянуть въ пропасть морей; душѣ весело, упоительно, что эта глубь воды не лежитъ въ мертвой тишинѣ, что въ ней родина цѣлой половины существъ, одушевленныхъ, быстрыхъ, могучихъ; имъ легокъ путь сквозь плотно сліянную массу волнъ; эти волны текутъ, то уходя въ безвѣстное дно, то съ плескомъ, слышимымъ нами, лобзая гранитъ береговъ, и снова уносясь въ неизмѣримый свой путь, шумно и торжественно... Вотъ могущественный, вѣчно свободный вѣтеръ; наблюдайте этотъ вѣтеръ, возметающій прахъ земли! Онъ изумляетъ своими музыкальными вихрями, бурею и быстротою самую скорую мысль, волнуетъ вершины лѣсовъ, поднимаетъ горы средь океана, несетъ на своемъ хребтѣ дикія облака, улетаетъ изъ-подъ громовъ съ воемъ и свистомъ и — изчезаетъ... Носись съ нимъ, поэтъ, геній музыки! обтекай съ нимъ міръ слухомъ души твоей!... Но своенравная игра морей смываетъ кровли селеній съ лица земли, взрывъ волкана засыпаетъ прахомъ многолюдные города, жаркій вѣтеръ дышитъ на царства гибелью, кровью утучняются наши пажити, вопль человѣка умираетъ, никѣмъ не услышанный — мраченъ міръ, подумаешь: въ немъ только звучная брань стихій (шумъ диссонансовъ)... Не правда! То звуки, еще не понятые нами. Быть-можетъ, то послѣдній разладный звонъ струнъ, застарѣвшихъ во времени, или нарочно оборванныхъ, какъ негодныхъ, по своему своевольному раззвучью съ гармоніей... Чудо пробудитъ новыя струны!... Чудесный міръ! Услышу ль я твою гармонію, когда, приложусь мертвымъ слухомъ къ землѣ, когда закроюсь

безмолвной одеждой могилы? Не умру! — живъ буду! Это слово неба на землѣ.

Мысль увлеклась въ безконечность думъ и созерцаній. Такъ всегда располагаютъ душою музыкальные звуки; я теперь же подъ ихъ вліяніемъ. Да! музыка — общій идеальный языкъ природы. Ея аккорды перенесены въ аккорды міра. Ее подслушалъ у природы геній-человѣкъ. Онъ собралъ тоны, разсѣянные въ безпредѣльномъ пространствѣ, и приблизилъ къ своему уху, одушевилъ ихъ жизнью своего сердца и фантазіи.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДУМЫ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Н17 89

THE LIBRARY OF CONGRESS

HECKMAN
BINDERY INC.
DEC 88
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962